

В. Ж. КЕЛЛЕ, М. Я. КОВАЛЬЗОН

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА

В. Ж. КЕЛЛЕ, М. Я. КОВАЛЬЗОН

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

**(Проблемы теории
исторического процесса)**

**Москва
Издательство
политической литературы
1981**

Келле В. Ж., Ковальзон М. Я.
К34 Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). — М.: Политиздат, 1981. — 288 с.

Книга докторов философских наук В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона продолжает разработку фундаментальных проблем исторического материализма, начатую ими в ранее опубликованных работах. В центре внимания авторов — методология социального познания. Они выделяют три аспекта изучения истории: как естественнo-исторический процесс, как результат деятельности людей, как развитие человеческой индивидуальности; обосновывают необходимость исследования единства и многообразия исторического процесса. В книге затрагиваются дискуссионные вопросы, а также проблематика, связанная с научно-технической революцией, экологические и демографические проблемы.

Издание адресуется всем, кого интересуют проблемы исторического материализма.

К $\frac{10503-102}{079(02)-81}$ БЗ-85-61-80 0302020200

15.5
1МИ

О СПЕЦИФИКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ

(Философско-социологическое введение)

Столетия люди пытались разобраться в сути и смысле истории, но до XIX в. безуспешно. Объясняется это не только неразвитостью самой истории и ограниченностью субъекта познания, но и трудностями изучения человеческого общества как специфического объекта.

Хотя трудности общественного познания не осознавались с самого начала адекватно и в полной мере теоретиками обществознания, тем не менее подспудно они не могли не влиять на направленность теоретического поиска. И вряд ли можно осмыслить пути становления научной теории общественного развития, не разобравшись в обусловленной этими трудностями проблемной ситуации. Конечно, говорить о ней сегодня можно только языком современной науки, опираясь на достигнутый уровень социального знания, в котором закреплены результаты предшествовавшего развития общества и познания. Анатомия развитого социального знания дает, как и в других аналогичных случаях, ключ к его истории и, следовательно, открывает возможность понять действительный характер тех кардинальных проблем, над решением которых бились великие умы прошлого. Тем самым вскрывается и логика движения социального знания, процесс становления теории общественного развития и методологии социального знания, который происходил одновременно и в единстве с решением тех проблем, которые человеческая мысль поставила.

Опыт истории учит, что в обществознании по-особому стоит проблема обоснования самой возможности общественной науки. Эта проблема вытекает из особенностей научного познания общества по сравнению с научным познанием природы.

1. Общество как объект познания

Еще Д. Вико говорил, что история общества тем отличается от истории природы, что первая сделана нами, а вторая не нами. История общества — продукт взаимодействия людей, сознательных существ. Люди не только актеры, но и авторы исторической драмы. Отсюда, казалось бы, следует, что общество не может быть

предметом объективного научного исследования, подобного естественнонаучному, основным принципом которого является объективность подхода к предмету исследования.

Основная задача любой науки — познание *объективных* законов исследуемого предмета. Между тем в обществе, поскольку его функционирование и развитие есть результат деятельности людей, в предмет исследования полагалось бы включить сознание, волю, настроения, капризы и т. п., которыми непосредственно побуждается деятельность людей. Но можно ли тогда говорить применительно к обществу об объективных законах как специфическом предмете научного исследования? Сегодня мы отчетливо понимаем, что в данном обстоятельстве заключается принципиальная особенность и трудность социального познания. Но сама фиксация этой фундаментальной трудности есть результат развития общественной мысли.

Реальная, эмпирическая история людей — это история тысяч и тысяч конкретных историй различных стран, народов и государств, короче говоря, она *многообразна*. Внутреннего единства в этом многообразии непосредственно не наблюдается, а без установления такого единства не может быть и научного подхода к истории, ибо последний опирается на признание объективных закономерностей. Закономерность же присутствует лишь там, где есть общее, повторяющееся. Абсолютной повторяемости нет и в природе, но все же подметить общее в различающихся природных процессах и явлениях сравнительно просто. Исследуя повторяющееся в явлениях природы — в естественных ли условиях или в лаборатории, — ученые рано или поздно приходят к открытию законов данных явлений, то есть необходимого, существенного, устойчивого, общего в них.

Конкретная история не только многообразна, но и сугубо *индивидуализирована*. Реальная история отдельных стран, народов и государств уникальна. События, происходящие в той или иной стране, нигде и никогда потом в точности не повторяются. В связи с этим, казалось бы, напрашивается вывод, что в развитии общества нет законов, а следовательно, не может быть и наук об обществе.

Далее. Все формы движения и развития в природе, будь то эволюция звездных систем или движение в микромире, геологические процессы или развитие растительных и животных видов, имеют относительно устойчивые состояния, поддающиеся разграничению, сравнению и измерению. Иное дело общество, его история. Миллионы и миллиарды людей живут и действуют, и из их индивидуальных действий складывается история человечества. Смерть и рождение постоянно обновляют человеческое море, здесь все и всегда изменяется. Кажется, нет никакой возможности остановить

этот поток и как-то в нем разобраться. Это постоянное движение истории ставит перед исследователем не только проблему выявления относительно устойчивых исторических состояний и выработки критериев их выделения, но и задачу выяснения связи и преемственности отдельных состояний исторической эволюции. Ведь непосредственному взору исследователя исторический процесс предстает как хаос сменявшихся и не связанных между собой царств, государств и как более или менее локализованная история своеобразных культур, цивилизаций.

Немалые трудности познание общества по сравнению с познанием природы представляет и в том отношении, что общественные явления и процессы нельзя исследовать в чистом виде, в лаборатории, применяя экспериментальные средства и методы. Конечно, трудность эта не абсолютная. В современных условиях обнаруживается возможность некоторого экспериментирования и в этой области, а также моделирования социальных процессов, но все же по сравнению с естественными науками обществознание встречается здесь с немалыми трудностями.

Нельзя не сказать и о той трудности социального познания, которая обусловлена особенностями отношения субъекта познания к общественной жизни. Этот вопрос заслуживает того, чтобы на нем остановиться несколько подробнее.

Прежде всего важно то, что общественное познание осуществляет социально сформированный и заинтересованный субъект, и, следовательно, оно органически связывается с идеологией вообще, классово-партийной идеологией в особенности. Конечно, в познании природы тоже участвует вполне определенный социальный субъект, и в этом смысле верным оказывается положение, что всякое познавательное отношение всегда осуществляется в идеологических формах, точнее, в определенной связи с ними. Речь идет не только о неустранимой связи любой науки с философией, но и о связи познания с религией (особенно в средние века), политической идеологией (ярчайшим примером чего является работа физиков в США над атомной бомбой во время второй мировой войны), с нравственностью (генная инженерия, пересадка органов) и т. д. Однако связь социального познания с идеологией (или, если менее строго выразиться, с ценностным подходом) весьма существенно отличается от подобной связи в процессе познания природы. Отмечая этот факт, обычно указывают на то, что познание природы, в отличие от познания общества, не вступает в противоречие с интересами людей. В самом общем виде такое суждение верно, но оно все же недостаточно конкретно.

Любое познание, как естественнонаучное, так и социальное, осуществляется на основе практически-деятельного отношения человека к миру. Но человек действует и познает мир всегда в рам-

ках определенного общества, скрепляемого с помощью идеологических форм сознания и сложившихся в соответствии с ними идеологических отношений, учреждений и организаций. В принципе возможно как совпадение результатов познания и идеологических форм, так и коллизия между ними. Не только познание общества, но и познание природы может в определенных социальных условиях затрагивать действительные или иллюзорные интересы людей, и значит, между видами познания нет принципиальной разницы. Но если проанализировать проблему более глубоко и содержательно, то обнаруживается весьма существенное различие между ними.

Конкретный анализ исторических коллизий между естествонаучными открытиями и господствующими в обществе идеологическими установками убедительно показывает, что в основе этих коллизий лежат не содержание научных открытий, а противоречия вытекающих из них *теоретических выводов* с мировоззренческими, религиозными, нравственными установками данного общества.

Но недостаточно иметь в виду, что познание природы стимулируется человеческим интересом. Надо учитывать, что реальный человеческий интерес в том и состоит, чтобы получить объективные знания природы. Ведь успех практической деятельности и реализация человеческого интереса, связан ли он с культивированием растений или выведением пород домашних животных, изготовлением атомной бомбы или строительством атомной электростанции, всегда обеспечивается объективными знаниями, независимыми от человека и его интереса. Именно субъективно-деятельное отношение человека к природе диктует ему необходимость объективного подхода к ее познанию. Даже в том случае, когда добытые знания о природе могут быть использованы во вред людям, их содержание объективно и безразлично к интересам людей и вытекающим из них идеологическим установкам.

Иной характер носит практически-деятельное отношение к обществу, на основе которого появляется социальное познание. Здесь интерес людей состоит не в том, чтобы получить объективные знания, на основе которых можно было бы целенаправленно воздействовать на природу, а в том, чтобы получить знания, с помощью которых можно оправдать и укрепить или осудить и изменить данные общественные порядки. Это значит, что само объяснение детерминируется здесь иным, отличным от отношения к природе интересом. Своеобразие этого интереса, в классовом обществе посягающего на классовый характер, приводит к тому, что не только теоретические выводы, но и само *содержание* познания органически связывается с социальной позицией познающего субъекта. Поскольку же любое теоретическое отражение объекта приобретает

статус научного познания только в том случае, когда оно дает объективные, полностью от субъекта независимые знания, постольку ясно — и это подтверждается всей историей обществознания, — что подлинная наука об обществе может появиться только на определенном этапе общественного прогресса, а именно тогда, когда появляется класс, заинтересованный в объективном познании общественной жизни, — рабочий класс.

Научная истина одна, она объективна. Двух «одинаково научных» наук не может быть ни в естествознании, ни в обществознании. Но если истину природы могут открывать и открывают люди, стоящие на разных идейных позициях, подчас даже самые отъявленные реакционеры, поскольку они заинтересованы в материальном производстве, военном деле, организации религиозно-культурных мистерий и т. д., то истину в общественной жизни реакционеры познать не могут в силу противоречий между их интересами и объективным ходом истории. Истина безразлична к классам, но классы не безразличны к ней. Поэтому нет и не может быть подлинно научного обществознания с позиций реакционных классов.

Конечно, конкретные практические нужды порождали определенные подходы и к познанию общественной жизни. Так, стремление сохранить в памяти людей события и деяния, способные служить им в поучение, назидание, воспитание, породило историческую науку; практические нужды судопроизводства, хозяйственной жизни и обмена, обучения и воспитания подрастающего поколения и т. д. порождают потребность в познании отдельных сторон и конкретных явлений общественной жизни, на основе чего появляются конкретные общественные науки.

Современное обществознание, как и естествознание, возникает в период становления капиталистических отношений. Эпохи Возрождения и Просвещения отмечены мощным взлетом социальной мысли, развитием ряда специальных отраслей обществознания. Возникает политическая экономия в лице физиократов, меркантилистов, создателей трудовой теории стоимости. Выделяется в качестве особой науки педагогика (труды И. Песталоцци, Я. Коменского и др.). Н. Макиавелли закладывает основы политической науки, четко фиксируя всю мерзость методов политической борьбы, свойственных эксплуататорским обществам, в которых право покоится только на силе. Получают значительное развитие такие важные отрасли гуманитарного знания, как юридические и филологические науки. Если к перечисленному добавить развивавшиеся в недрах философии или в связи с ней социально-философские, общесоциологические теории, то станет ясно, что еще задолго до возникновения подлинной науки об обществе сложились и более или менее оформились *три основных, фундаментальных области*

обществознания, представляющие собой три взаимосвязанные и взаимопроникающие сферы знания:

историческое знание, предметом которого является вся реальная история человечества;

сфера конкретных общественных наук, связанных с анализом и объяснением отдельных областей или явлений общественной жизни;

философско-социологическое знание — теоретическое осмысление общества в целом, во взаимосвязи его сторон и этапов развития, имеющее методологическое значение для всех исторических и конкретных общественных наук.

Хотя различие исторических, конкретных (частно-социальных) и философско-социологических наук очевидно, в определенном отношении грани между ними относительны. И все же, поскольку каждая сфера имеет свою историю, свои особенности и трудности познания, постольку есть основание рассматривать их как некие основные координаты общественного познания¹.

Практика капиталистического производства, особенно на современном этапе социального прогресса, внесла определенные изменения в развитие обществознания. Два обстоятельства имеют при этом особое значение. Возникновение научного, марксистско-ленинского обществознания, на которое опирается ныне мировое коммунистическое движение и развитие сложившейся социалистической системы, вызывает усиленные стремления буржуазных идеологов и ученых противопоставить ему свои, так сказать, «некоммунистические манифесты». Буржуазное обществознание в значительной мере нацелено на преодоление научного обществознания, демонстрируя свою классово-партийную направленность. Оно стимулируется также практическими интересами капиталистов как носителей экономического, политического и духовного господства в обществе. Сохраняя анархию экономического развития в масштабе общества, капитализм достиг высокорациональной организации хозяйства в масштабах отдельных монополий и научной организации труда на базе эксплуатации, выжимания пота из трудящихся. Далее, утверждая формальную демократию, так называемое равенство возможностей для всех людей, свободу выражения мнений, буржуазия порождает мощные средства манипулирования сознанием и поведением масс, «образцы» косвенного, но тем более действенного господства во всех сферах общества. Пла-

¹ В свое время авторы этой книги изобразили предметную область общественных наук в виде треугольника, сторонами которого являются исторические, конкретные и общесоциологические науки. Образ треугольника наглядно показывает и различие, и неотделимость, взаимосвязь этих трех крупных сфер социального знания (см.: Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. О классификации общественных наук. — Вопросы философии, 1964, № 11).

номерная организация производства на отдельных предприятиях, постоянная борьба за повышение производительности труда каждого работника, обеспечение фактического господства в сфере политики и духовной жизни — все эти реальные нужды и практические интересы буржуазии стимулируют не только развитие традиционных сфер общественнознания, но и ряда новых его отраслей, таких, как конкретная социология, социальная психология, научная организация труда (менеджмент) и т. д. Однако все это не исключает того, что буржуазное общественнознание, в целом оставаясь на идеалистических позициях, не является научным.

Углубление и конкретизация проблемы развития научного общественнознания связаны с анализом принципиально различных требований, которые предъявляют к общественному познанию объективные интересы пролетариата в условиях капиталистического общества и после победоносной пролетарской революции.

Основная направленность практической деятельности пролетариата при капитализме, вытекающая из его исторической миссии, связана с решением негативной задачи — ликвидацией эксплуататорского общества, что можно осуществить, лишь объединив всех трудящихся, объективно заинтересованных в революционном преобразовании последнего. Поскольку исходным здесь является устранение политического господства буржуазии и установление власти трудящихся под руководством пролетариата, постольку стержнем всей практической деятельности пролетариата оказывается в этих условиях *политическая деятельность*, неизбежно носящая массовый характер. Практика революционной классовой борьбы в буржуазном обществе обуславливает требования к социальной науке — обосновать объективную возможность и необходимость ликвидации эксплуататорского общества, разработать стратегию и тактику его разрушения, вскрыть научные принципы перехода от индивидуальных действий к массовым, обеспечивающим создание той политической армии, которая способна реализовать назревшую объективную задачу.

Принципиально иной характер носят требования, которые предъявляет к теории практическая деятельность победившего пролетариата. Здесь на передний план выдвигаются позитивные задачи строительства нового общества, вовлечения в созидательную, творческую работу всех трудящихся. Таким образом, впервые в истории перед общественными науками возникает невиданной сложности проблема теоретического обоснования целенаправленной, созидательно-творческой деятельности людей во всех сферах общественной жизни. Осознание того, что успехи социалистического строительства зависят не только от общих действий массы, но и от активности, инициативы, творческого горения каждого индивида, непосредственно подводит теоретиков к осмыслению

путей реализации этой задачи и, следовательно, к анализу совершенно особой трудности общественного познания.

Дело в том, что, будучи основой всякого познания, практика вместе с тем носит различный характер в зависимости от того, является ли она практикой взаимодействия с природой или практикой общественной жизни. Так, несомненно, что именно социальные потребности породили атомную энергетику. Но столь же несомненно, что без определенного уровня развития физической науки, обусловленного всей ее предшествовавшей историей, реализовать назревшую практическую потребность было бы невозможно. Развитие же физики, как и всех других естественных наук, имеет свою логику, которая непосредственно и прямо не совпадает с логикой порождения и развития практических потребностей людей. Сама же возможность последовательной постановки и решения чисто познавательных задач определяется тем, что природа как объект познания естественных наук дана познающему субъекту одновременно во всем богатстве своих бесконечных конкретных состояний, пространственных и временных характеристик. Какие из них становятся предметом внимания и исследования на данном конкретном этапе, зависит в конечном счете от практических нужд общества. Внутриатомные и внутриядерные силы существовали и тогда, когда практическая задача их использования еще не возникала, хотя развитие физики уже подошло к их познанию. Если бы развитие этих знаний осуществлялось только на основе собственных потребностей познавательного процесса, оно совершалось бы медленно и, вероятно, долго оставалось втуне. И наблюдаемое в настоящее время гигантское ускорение в развитии «чистой» науки объясняется пользой ее, казалось бы, далеких от практики результатов.

Иначе обстоит дело с познанием общества и развитием общественных наук. Как в свое время убедительно показал Г. В. Плеханов, в развитии общественного познания тоже есть *своя логика*. В книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» он раскрыл, как в движении общественной мысли от французских материалистов, сформулировавших тезис «Человек продукт среды», но не сумевших дать ключ к определению и анализу этой среды, через французских историков времен реставрации, утопических социалистов и классиков немецкой буржуазной философии происходило углубление и конкретизация этого тезиса. И марксизм сумел дать научный ответ на вопрос о том, что такое общество (социальная среда), как оно формирует людей и как люди творят его историю, только потому, что основоположники марксизма тщательно изучили и критически осмыслили все предшествующие попытки ответить на этот вопрос. Иными словами, марксистская теория общества представляет собой *последователь-*

но научный ответ на те вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила¹. В этой связи, однако, возникает вопрос, каково соотношение между логикой развития теоретической мысли и состоянием самого объекта ее отражения? Представляет ли общество такие же возможности для познания, как и природа?

Общество, в отличие от природы,— объект ограниченный в пространстве и времени. На первый взгляд может показаться, что это облегчает его исследование. В действительности дело обстоит не так. Не касаясь пока того, что общество наиболее сложно организованная система по сравнению с любыми органическими, а тем более неорганическими образованиями, укажем лишь, что оно предстает перед теоретической мыслью не во всех, а лишь в *исторически конкретных* формах своего существования. А это значит, что пока ходом своего собственного развития общество не породило определенного явления или состояния (скажем, социализм) либо, по крайней мере, не создало предпосылок для его возникновения, до тех пор теоретическая мысль не имеет его в качестве объекта для подлинно научного воспроизведения. Утопический характер многих социалистических учений определяется не только ограниченностью социального субъекта, с позиций которого осмысливалось общество, но и неразвитостью самого объекта отражения, самого общества.

Уяснение этой особенности общественного познания имеет огромное значение для понимания тех трудностей, с которыми сталкивается общественная практика после пролетарской революции. Так как в этих условиях стихийный процесс общественного развития сменяется сознательным, общество как самоорганизующаяся система начинает предъявлять к общественнознанию качественно новые требования. Наука об обществе становится *объективно необходимым компонентом его функционирования и развития*. Она призвана опережать практику, разрабатывая ту идеальную модель, которую люди будут воплощать в своей практической деятельности. Только на основе науки может быть разработана программа деятельности, выражающая интересы общества, дающая ясную цель миллионам трудящихся и подчиняющая реализации этой цели их сознание и волю.

Но тут-то и проявляет себя упомянутая специфическая трудность, связанная с особенностями общественного познания. Ведь до тех пор, пока опыт исторической деятельности людей, опыт масс не дает эмпирическую основу для теоретических обобщений, до тех пор общественная наука, коль скоро она не желает вырождаться в социальную утопию, не может заниматься «сочинением» различных проектов будущего путем простого логического

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40.

развития некоторых общих истин. «У Маркса,— писал В. И. Ленин,— нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественноисторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки»¹. Ленин подчеркивал, что, когда большевики вели массы на революцию, они исходили из знания исторической неизбежности замены капитализма социализмом. Что же касается конкретных форм и темпов преобразования, только коллективный опыт миллионов мог дать в этом отношении решающие указания².

Не значит ли это, что социальная теория обречена всегда плестись в хвосте за практическим опытом масс, а деятельность масс, творящих новое общество, в принципе не может носить целенаправленный характер, опираться на опережающий практику идеальный план деятельности?

Анализируя социальную реальность и вскрывая присущие ей законы, теория позволяет предвидеть вытекающие из действия этих законов тенденции изменения и развития общества. Вскрыв законы развития капитализма, К. Маркс показал неизбежность его замены социализмом. Теория, таким образом, может опережать действительность и вооружать действующего в истории субъекта ясным пониманием объективно назревших в ходе развития общества конкретных социальных задач. Но формы реализации этих задач в конкретной деятельности людей, темпы их осуществления, пути и средства, наиболее рациональные в различных условиях, и т. д. теория заранее предсказать и предвидеть не может. Обобщая опыт масс, уроки побед и поражений, социальная наука поднимает этот опыт на уровень теории, извлекает из этих уроков общие выводы и тем самым обеспечивает возможность действовать все более сознательно, целенаправленно и успешно.

Подробное рассмотрение вопроса о соотношении теории и практики не входит в задачу данной книги, поэтому подчеркнем лишь, что *именно в зависимости теории от уровня развития социальной практики, в ходе которой только и творятся новые формы общественной жизни, состоит специфическая особенность общественного познания*. В отличие от естественных наук, логика познания сталкивается здесь с той трудностью, что непосредственной, так сказать, эмпирической основой теоретических обобщений выступает в данном случае опыт масс, а он вовсе не дан познающему субъекту в любое данное время.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 48.

² См. там же, т. 36, с. 380.

Ярчайшим примером в этом отношении является развитие учения о государстве. Осмысливая опыт революций 1848—1851 гг., К. Маркс пришел к выводу, что, в отличие от всех прежних революций, которые совершенствовали государственную машину, задача пролетарской революции состоит в ее сломе. Этот вывод логически подводил теоретическую мысль к постановке вопроса о том, чем заменить сломанную государственную машину. «До какой степени строго держится Маркс на фактической базе исторического опыта,— пишет В. И. Ленин,— это видно из того, что в 1852 году он не ставит еще конкретно вопроса о том, *чем* заменить эту подлежащую уничтожению государственную машину. Опыт не давал еще тогда материала для такого вопроса, поставленного историей на очередь дня позже, в 1871 году»¹. И только опыт Парижской коммуны позволил Марксу увидеть в ней открытую пролетарской революцией форму, при которой может произойти экономическое освобождение труда². Так же обстоит дело и с дальнейшим развитием марксистского учения о государстве Лениным, который поднял на уровень теории практический опыт масс, родившийся в ходе революции 1905 г. Советы.

Дело, однако, не только и не столько в том, чтобы зафиксировать указанную особенность общественного познания, а главным образом в том, чтобы учесть те выводы, которые отсюда вытекают.

Первый важнейший вывод связан с изменением исторически сложившейся структуры общественного познания. Выше мы говорили, что в условиях стихийно развивавшихся докоммунистических формаций, на основе исторически конкретных практических нужд сложились три фундаментальные области общественнознания, которые, однако, не были последовательно научными. В лучшем случае они, по словам Ленина, давали лишь накопление сырого материала³. Возникновение марксизма создало условия для превращения всего общественнознания в последовательно научную систему взглядов. Но речь еще не шла об изменении его структуры. Для разрушения капитализма и установления диктатуры пролетариата необходимо и достаточно было разработать научную философию истории, научную систему частных общественных наук, и прежде всего экономическое учение, научную систему исторического знания.

Иное дело строительство нового общества, становление и развитие коммунистической формации. Здесь необходимо сознательное историческое творчество самих масс. Коммунистическая партия и ставит своей задачей сделать каждого советского человека сознательным и активным участником исторического творчества.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 31.

² См. там же, с. 56.

³ См. там же, т. 26, с. 57.

Таким образом, можно сказать, что практика коммунистического строительства предъявляет к общественному познанию невиданные во всей предшествовавшей истории требования, или, выражаясь иначе, *коммунистическая формация как целостная система для своего функционирования и развития объективно нуждается в особом компоненте — в специфической совокупности общественных наук*. Могут ли эти задачи выполнить три исторически сложившиеся области обществензнания? Несомненно, что все они играют огромную роль в коммунистическом строительстве. Группа исторических дисциплин, осмысливая опыт истории и извлекая из него уроки, воздействует и на развитие теории, и на воспитание людей, способствует правильной ориентировке в современных условиях. Однако в силу своей специфики эти дисциплины не могут служить непосредственной основой планирования, управления и прогнозирования конкретной деятельности людей, малых и больших коллективов, строящих коммунизм и нуждающихся в знаниях не о вчерашнем, а о сегодняшнем и завтрашнем дне, и к тому же в знаниях, полученных не на основе изучения свидетельств об исторической деятельности людей — письменных (языковых) и вещественно-материальных, а на основе изучения живых, конкретных, непосредственно действующих людей и человеческих коллективов. Что касается группы частных общественных наук — политэкономии, политико-юридических, литературоведческих, языковедческих и т. д. наук, то, в силу того, что они нацелены на познание законов специфических общественных явлений, они также не могут служить непосредственной основой научно разработанного плана, обеспечивающего включение каждого коллектива и каждого индивида в сознательный и целенаправленный процесс творчества новых форм жизни. Наконец, научная философия истории — исторический материализм при всей своей громадной важности в качестве теории и метода всякого социального познания, являясь наукой об общих законах истории, не ставит своей задачей и не может непосредственно отвечать на те теоретические вопросы, которые порождаются практикой в конкретных условиях той или иной страны, социальной общности, производственного или бытового коллектива, малой группы и т. п.

Таким образом, общественная практика построения коммунистической формации порождает необходимость дополнения трех фундаментальных областей обществензнания новой областью — *областью конкретно-социологического знания*, которая, в отличие от истории, была бы обращена к настоящему и будущему; в отличие от частных наук, не абстрагировалась бы от поведения, деятельности и стремлений живых людей; в отличие от исторического материализма, изучала бы социальные процессы и деятельность людей в рамках исторически определенных формаций и общностей. Вме-

сте с тем отличие этой особой области общественнознания от всех трех, сложившихся ранее, вместе взятых, состоит в том, что ее эмпирической базой является *непосредственное изучение поведения и деятельности живых, конкретных людей*, способствующее познанию законов истории в тесной связи с формами их реализации в конкретной жизнедеятельности.

Социология, как непосредственная научно-теоретическая база управления деятельностью людей, планирования, прогнозирования и руководства социальными процессами, развивается на основе практики коммунистического строительства. Хотя уже в буржуазном обществе создаются материальные предпосылки для ее появления, она не становится и не может стать там подлинно научной системой взглядов. Вместе с тем, подобно тому как практическое строительство социализма означает не только самый решительный разрыв с миром капитализма, но и использование его достижений, так и создание марксистской социологии как особой отрасли науки об обществе означает не только непримиримую борьбу с буржуазными социологическими теориями, но и критическое осмысление и творческое использование всего ценного, что в них содержится.

Второй важнейший вывод, который вытекает из особенности общественного познания, непосредственно относится к *взаимоотношению теории и практики* и к обусловленным этим взаимоотношением особенностям их развития. Социализм, подчеркнем еще раз, возможен только как научный социализм, то есть в союзе с наукой, при опоре на нее. Но наука, обеспечивающая целенаправленный процесс строительства нового общества, мыслима только как результат теоретического осмысления практического опыта самих масс. Наука, оторванная от практики, неизбежно вырождается в пустое умозрение и схоластику. Разрешение этой коллизии достигается, с одной стороны, на пути постоянного развития науки, вооружающей практику знанием законов общественного развития, позволяющей предвидеть направление, тенденции, содержание деятельности, необходимой для реализации требований этих законов, а с другой — с помощью развязывания творческой инициативы масс, внимательного изучения накапливаемого опыта, сопоставления его с закономерными тенденциями общественного прогресса и развития на этой основе теории, служащей дальнейшему успеху практической деятельности.

2. Общественное познание и эталон научности

Понимание того, что в отличие от познания природы в самом объекте социального познания дан субъект, есть результат развития общественной мысли.

Первоначально человечество осознавало себя в формах мифологического сознания, для которого характерно *слияние субъекта и объекта*, антропоморфизация природы — перенесение свойств субъекта на все окружающее. В этой ранней форме сознания социальное и природное бытие не различались. «Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы»¹, — отмечал В. И. Ленин. Общественные связи первобытного коллектива были одновременно связями родовыми, «естественными», а индивид был слит с коллективом и вместе с ним не выделял себя из природы.

Наука, будучи теоретическим знанием о мире, возникла как преодоление мифологической формы сознания и явилась выражением «нового типа мышления и новой ориентации в мире»². Этот «новый тип мышления» формировался постепенно, причем первоначально в форме становления и развития философии, частью которой была и наука. Остатки же мифологических воззрений на мир и человека еще долгое время сохранялись не только в обыденном, но и в философском сознании, шаг за шагом вытесняясь рациональным познанием.

Вместе с тем с самого начала в философии выделялось два основных направления — материализм и идеализм, причем в последнем мифологические элементы сохранялись в большом объеме. Путь от мифа к логосу — это не единый, а двоякий путь: и к логосу в смысле естественного закона, и к логосу в смысле признания существования надмирового божественного разума. Процесс расхождения этих в основе своей непримиримых форм сознания сопровождался выработкой категорий научного мышления и формирования определенного образа (*идеала*) научности, то есть совокупности критериев, с помощью которых в сознании общества отделялось то, что считается наукой, от того, что ею не считается. Для каждой исторически конкретной эпохи характерен свой идеал научности.

В период античности образ (*идеал*) научности задавался философией. Хотя в то время различались «мудрость» и «полезные знания», последние носили подчиненный характер. Именно философия вырабатывала стиль мышления, подход к природному и социальному миру, обуславливающий доминирующий тогда образ научности. Например, философия отказалась от мифологического антропоморфизма, разработала учение о материальных стихиях и, опираясь на него, попыталась естественным путем объяснить явления окружающего мира. Этим она противопоставила себя религиозно-мифологическому сознанию. И хотя многие выдвинутые в тот период конкретные идеи и объяснения природных явлений

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 85.

² Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М., 1972, с. 105.

были наивны, не выдержали проверки временем и отвергнуты наукой, в них заключалось тем не менее зерно истины: они содержали гениальные догадки, являлись ступеньками становления научного миропонимания и удовлетворяли критериям научности своего времени. Кроме того, античность знает и такие действительно великие достижения, как геометрия Евклида, механика Архимеда.

Античная философия содержит и первые попытки естественного объяснения явлений общественной жизни. К ним относятся высказывание Демокрита, что нужда научила людей всему, его идеи о переходе человека от первоначального животного состояния к совместной общественной жизни, понимание того, что государство, обычаи, нравы, как и орудия труда, — образования, созданные человеком. Отсюда не столь далеко до развития такого исторического сознания, которое «уже всецело останавливалось на самих же исторических фактах и ограничивалось отнюдь не мифологическими, но уже вполне фактографическими и прагматическими объяснениями»¹.

Вместе с тем античные мыслители не разрабатывали специальных философско-исторических концепций. Познание общества в тот период еще не отделялось от познания природы, ибо все рассматривалось как принадлежащее единому космосу. Высшей задачей было познание мировой гармонии, мирового целого, частью которого является и сам человек. Взгляды античных философов на общественную жизнь, историю и ее развитие, так же как общие концепции в трудах античных историков, приходится выделять, анализируя «разные области античной мысли, так или иначе связанные с проблемами историзма»².

В средние века господствовала идея разделенности мира на земной и небесный. Причем именно к последнему, то есть к богу как высшему принципу и началу всего существующего, устремлялись все помыслы человека. Идея всеобщей зависимости человека от царей земных и небесных, понимание его жизни как арены борьбы сил добра и зла пронизывает средневековое мировоззрение, которое не оставляло места для научного подхода к пониманию истории, общественной жизни вообще.

Религиозные воззрения заглушили ростки рационального понимания общества, начавшие пробиваться в античности. Образ (идеал) «научности» задавался здесь схоластической ученостью, базирующейся на знании и толковании канонических текстов. История человечества трактовалась по Библии как история грехопадения и спасения. Такое восприятие истории наложило отпечаток на понимание исторического времени, которое имело начало и

¹ Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977, с. 164.

² Там же, с. 22. Эту же мысль, но применительно к античным историкам проводит Н. И. Конрад в книге «Запад и Восток» (М., 1972, с. 47—48).

должно иметь конец, на трактовку эмпирического бытия как включенного в процесс реализации сакральной (священной) истории. Этот дуализм никак не способствовал выработке методов социального познания, научного подхода к анализу явлений общественной жизни. Европейское средневековье (о котором идет речь) смогло выработать лишь различные варианты теологической христианской философии истории¹.

Переворот в этом отношении происходит на заре нового времени, когда под давлением практических потребностей становящегося капиталистического способа производства начали бурно развиваться специальные общественные науки. Кругозор людей расширяется в результате географических открытий и появления возможности сопоставления обществ, находящихся на разных ступенях лестницы социального прогресса и принадлежащих к различным культурным регионам. Философия начинает отделять общество от природы как общественное (гражданское) состояние человека, отличное от его естественного состояния. Возникают концепции общественного договора, развивается понятие социальной среды как совокупности обычаев, нравов, различных хозяйственных установлений, отношений между людьми, а также идейного климата общества.

В связи с выделением социального начала как чего-то отличного от природы возникает и проблема его объективного научного познания. Однако *эталон, образ (идеал) научности здесь задается не философией, а математикой и естествознанием.*

Развитие математики и классической механики, которое опровергло господствующую в течение почти двух тысячелетий физику Аристотеля и дало объяснение различных видов механического движения на основе количественных закономерностей, оказало огромное влияние на философию. Возникло убеждение, что распространение принципов, на основе которых получено столь точное знание, на другие объекты может привести к таким же блистательным результатам. Именно из естествознания был перенесен в философию тот аналитический подход к предмету познания, который, по словам Ф. Энгельса, и «создал специфическую ограниченность последних столетий — метафизический способ мышления»². И другая специфическая черта старого материализма — механицизм возник под влиянием естествознания той эпохи. Но философия XVII—XVIII вв. вовсе не воспринимала все это как некую ограниченность. Для материалистов следование принципам математики и естествознания означало перенесение в философию

¹ См. об этом: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 93—120.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 21.

того научного подхода, с которым только и связывались надежды на прогресс познания. Естественно, что этот научный, в их понимании, подход был применен и к познанию общества.

Итак, в XVII—XVIII вв. «научность» отождествляется с механистическими воззрениями: мир есть машина, действующая по законам механики. Но в этом воззрении имеются два аспекта. Великие достижения классической механики в объяснении движения тел в пространстве имели своей гносеологической предпосылкой исключение субъекта из природы как предмета познания и были достигнуты за счет выявления объективных законов механического движения и их математического выражения. Однако в сознании людей эти два аспекта не разделялись, а совпадали: лишь подчинение объекта механическим законам открывало путь его естественного, то есть научного, объяснения.

Создатель классической механики И. Ньютон исключил бога (субъекта) из природы тем, что отвел ему роль первоотчетчика — мастера, который завел «мировые часы», а затем перестал вмешиваться в их ход. Конечно, это было половинчатое решение, но и оно показывает, что, не исключив бога из природы, Ньютон не мог бы мыслить о ней как ученый.

Решение Р. Декарта было также половинчатым, дуалистическим. Но и он устранил бога из природы — в своей физике он был материалистом. Декарт обосновал это воззрение с позиций рационализма, опираясь на идею интеллектуальной интуиции: о природе можно ясно мыслить, если из нее исключен субъект. Тогда природные процессы объясняются естественными причинами и законами механического движения. Однако мыслитель отказывался объяснить этими причинами движения человеческой души, противопоставил ее природе, наделил врожденными идеями и признал наряду с физикой необходимость метафизики.

Дуализм Декарта можно интерпретировать как своеобразное признание, что на основе механических законов невозможно объяснить сознание и поведение человека, с одной стороны, и что на уровне знаний XVII в. еще нельзя было увидеть путей научного подхода к решению проблемы — с другой. Но если дуализм Декарта рассматривать как выражение несостоятельности механистического подхода к человеку, то он имеет определенное историческое оправдание, хотя в дальнейшем развитии философской мысли и сыграл весьма противоречивую роль.

И все-таки механистический материализм не мог не пойти по пути, против которого предупреждал Декарт, именно потому, что такой путь отвечал критериям научности того времени. В своих опытах детерминистического объяснения человеческого сознания и поведения материализм XVIII в., получивший высшее развитие во Франции, опирался на взгляд Д. Локка, что источником знания

являются ощущения, — взгляд, который формировался как раз в борьбе с метафизикой Декарта, в частности с его концепцией врожденных идей. Теория познания Локка была развита в последовательно сенсуалистическом духе и перенесена на французскую почву Э. Кондильяком.

Именно эта теория познания открыла перед мыслителями-материалистами путь, идя по которому можно было распространить на общество господствовавший тогда идеал научности и «преодолеть» ту фундаментальную трудность, с которой сталкивается всякая социальная наука: наличие субъекта с его волей и сознанием в самом предмете познания, субъекта, которого нельзя исключить, который неустраим. Ведь материалисты стояли перед дилеммой: либо познание человека и общества будет удовлетворять общим критериям научности, либо надо отказываться от идеи создания социальной науки. Но ни принципы их философии, ни практические нужды эпохи не позволяли им отказаться от идеи применения научного подхода к человеку и обществу.

Поэтому не случайно «сочинение Локка о происхождении человеческого разума очень кстати явилось с того берега Ла-Манша. Оно встречено было с энтузиазмом, как давно и страстно ожидаемый гость»¹. Гносеология Локка позволила материалистам XVIII в. включить человека, понимаемого как материальное существо, обладающее сознанием, чувствами, волей, в общую систему естественных связей и зависимостей природы и тем самым «решить» задачу распространения идеала научности на познание человека². А так как общество состоит из людей, то материалистическая (точнее — натуралистическая) трактовка человека, познание того, что называют «природой человека», по их мнению, могло служить ключом к научному пониманию общества. На самом деле это означало, что к решению данной проблемы материализм XVIII в. подходил с позиций натуралистического редукционизма (при всех различиях в подходах, акцентах и т. д., имеющих у отдельных мыслителей), то есть *сведения социального к природному*.

Эту исходную точку зрения материализма XVIII в. четко сформулировал Ж. Ламетри. В работе «Человек-машина» (1747 г.) он писал: «Очевидно, что во Вселенной существует всего одна только субстанция, и человек является самым совершенным ее проявлением»³. Совершенство человека философ видит в более

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 142.

² Подчеркивая важность для материализма сенсуалистической теории познания, Гольбах говорил о Локке и сторонниках его теории познания: «Разве они не видели, что их принцип подорвал основы теологии?» (*Гольбах. Избранные произведения*. В 2-х т. М., 1963, т. 1, с. 191).

³ Цит. по: Антология мировой философии. В 4-х т. М., 1970, т. 2, с. 616.

высокой его организации по сравнению со всеми другими живыми существами. Но все это дано человеку природой. Что же дает ему общественная жизнь? Она дает ему знания, просвещает его разум: «Если организация человека является первым его преимуществом и источником всех остальных, то образование представляет собой второе его преимущество»¹. Однако поскольку мыслит не разум, оторванный от материи, а сама эта организованная материя, то наличие сознания не исключает человека из общей связи природы. В этих своих утверждениях Ламетри опирался на принципы материалистического сенсуализма: «Сколько выдающихся философов доказали, что мысль представляет собой только способность чувствовать и что мыслящая душа есть не что иное, как чувствующая душа, устремленная на анализ представлений и на размышление»².

Одним из величайших произведений всего домарксовского материализма была «Система природы» (1770 г.) П. Гольбаха. Полное название этой работы звучит так: «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного». Уже из названия видно, что автор различает мир духовный, связанный с деятельностью человеческого разума, и мир физический, но считает, что мир духовный тоже подчинен естественным законам. Что же это за законы? Чтобы понять позицию Гольбаха, надо хотя бы кратко проследить логику его рассуждений. Как и Ламетри, он начинает с включения человека в общую систему естественных связей природы: «Человек — произведение природы, он существует в природе, подчинен ее законам, не может освободиться от нее, не может — даже в мыслях — выйти из природы... Человек есть чисто физическое существо; духовный человек — это то же самое физическое существо, только рассматриваемое под известным углом зрения, т. е. по отношению к некоторым способам действий, обусловленным особенностями его организации»³. Здесь все сказано правильно, если человека рассматривать только как природное существо. Далее Гольбах акцентирует внимание на том, что душа человека столь же материальна, как и его тело, и посему «в духовном мире, как и в мире физическом, всякая причина, действие которой не нарушено, необходимо сопровождается своим следствием»⁴. Включив мир духовный в «естественную связь вещей», Гольбах вполне последовательно утверждает возможность научного подхода и к миру духовному: «Нравственность есть наука об отношениях, существующих между умами, волями и поступками

¹ Цит. по: Антология мировой философии. В 4-х т., т. 2, с. 614.

² Там же, с. 616.

³ Гольбах. Избранные произведения. В 2-х т., т. 1, с. 59—60.

⁴ Там же, с. 229.

людей, подобно тому как геометрия есть наука об отношениях, существующих между телами»¹.

Итак, основой «научного подхода» к человеку служит признание материальности его собственной природы и детерминистское объяснение его сознания, то есть подчинение духовного мира законам механической причинности.

Схожую аргументацию предлагает и К. Гельвеций: «Что такое наука? Система положений, связанных с некоторым основным и общим принципом. Является ли нравственность наукой? Да, поскольку в физической чувствительности я открыл то единственное начало, необходимыми следствиями которого являются все предписания нравственности... Физическая чувствительность — это сам человек и источник всего того, чем он является. Поэтому знания человека никогда не достигают большего, чем дают его чувства. Все, что недоступно чувствам, недостижимо и для ума»².

Это высказывание Гельвеция еще раз показывает, что французские материалисты ценили сенсуалистическую теорию познания именно за то, что она позволяла применить принцип детерминизма к объяснению духовного мира человека и тем самым создать «науку о нравственности», то есть науку о социальном бытии человека. «...Этику следует трактовать так же, как и все другие науки, и создавать ее так, как создают экспериментальную физику»³. Эта наука приходила к выводу о необходимости «очеловечивания обстоятельств», продуктом которых является человек, выводу, как отмечал К. Маркс, который связал французский материализм с идеями социализма. Но она оказалась не в состоянии объяснить общественную жизнь, ибо выводила ее из «природы человека» и его сознания.

Оценивая историческое значение взглядов французских материалистов и их поиска научной социальной теории, уместно вспомнить справедливое замечание Г. В. Плеханова: «...у французских материалистов была та неоспоримая и незаменимая заслуга, что они мыслили последовательно с точки зрения *современной им науки*, а это все, чего можно и должно требовать от мыслителей»⁴.

Механистический материализм не смог заложить теоретико-методологические основы научного обществензнания, хотя он и исходил из сложившихся в ту эпоху критериев научности и пытался применить их к истории. Дело в том, что сами эти критерии были недостаточны для обеспечения научного подхода к истории обще-

¹ Гольбач. Избранные произведения. В 2-х т., т. 1, с. 229.

² Гельвеций. Сочинения. В 2-х т. М., 1974, т. 2, с. 554—555.

³ Гельвеций. Сочинения. В 2-х т. М., 1973, т. 1, с. 145.

⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5-ти т. М., 1956, т. 1, с. 513.

ства. Метод познания, зиждущийся на исключении субъекта из предмета познания, мог быть с полным основанием использован только применительно к реальности, подчиненной механическим законам движения материальных тел. Любые попытки подчинить социальную действительность механическим законам неизбежно приводили к вульгарно-натуралистическим концепциям человека и общества.

Детерминистское объяснение сознания на основе гносеологии сенсуализма не дало, как показало последующее развитие, позитивного результата, поскольку в качестве субъекта, носителя сознания брался изолированный индивид с его чувствами и разумом, а социальная реальность, общественная среда сама объяснялась из этого сознания индивида, что вело к переходу на позиции идеализма в истории.

Что же именно пытались понять и объяснить в истории мыслители того времени? Прежде всего, конечно, существующее устройство общества и то, чем оно обусловлено, государство с его законами, общество с его нравами, заблуждениями, угнетением, ложью, невежеством масс, религиозным обманом и т. д. Они хотели познать общество и выявить его пороки. Далее, они ставили вопрос о том, какое устройство надо признать наилучшим, соответствующим требованиям разумности и каковы пути достижения такого общества.

Известно, что ответы на эти вопросы давались самые разнообразные — от утопически-коммунистических до буржуазно-аристократических. Но в методологии подхода к решению вопросов было много общего: поскольку общество объяснялось из сознания, из сознательных действий людей, то главным средством всех усовершенствований общественных институтов полагалось просвещение индивидов и соответственно изменение той среды — нравов, обычаев, законов, традиций, — которая формирует массовое сознание.

Таков вкратце тот уровень понимания истории и ее движущих сил, которого достиг старый материализм. Он не смог ни понять, ни объяснить истории, хотя руководствовался выработанными в ту эпоху критериями научного подхода. Они, подчеркнем это еще раз, дав блестящие результаты в области естествознания, оказались недостаточными для научного объяснения истории. Но вытекает ли отсюда, что их вообще можно отбросить? Может быть, эти критерии недостаточны, но все-таки необходимы? Существует ли рациональное и непреходящее содержание в рассмотренных нами критериях научности, и если да, то в чем оно состоит? Для ответа на этот вопрос придется нарушить хронологическую последовательность изложения и рассмотреть проблему с современной точки зрения.

Что касается первого принципа — исключения сознательного субъекта из предмета научного анализа, то последующее развитие науки доказало непреходящую ценность этого принципа как исходного для любого научного анализа реальности и тем самым освободило его от жесткой связи с механическими закономерностями. Развитие физики, включение в предмет ее изучения надмеханических сфер природы, исследование химических свойств вещества, развитие биологических дисциплин, в частности физиологии высшей нервной деятельности, — все это показало необходимость и плодотворность этого принципа. Напомним, что при исследовании высшей нервной деятельности животных И. П. Павлов требовал использования чисто объективной терминологии, исключающей психологические характеристики поведения животного. Именно такой подход позволил ему разработать рефлекторную теорию.

А. Эйнштейн как-то сказал: «Бог коварен, но не злонамерен»¹, имея в виду, что природа скрывает от человека свои тайны, но в ней нет субъекта, нет злой воли. Эти слова великого ученого как раз и являются выражением того принципа, что наука исследует предмет, в котором отсутствует субъект. Н. Винер, анализируя это высказывание, подчеркнул, что оно является «положением, выражающим основы научного метода»².

Важность рассматриваемого принципа для науки хорошо раскрывает следующий образный комментарий: «Если представлять себе науку как некоторого рода игру (разумеется, в теоретико-игровом смысле) с природой, то она в одном отношении радикально отличается от игры двух сознательных партнеров, где каждый из «игроков» может стремиться ввести в заблуждение другого. Скажем, когда два полководца ведут «игру», называемую война, каждый из них, естественно, стремится дезинформировать другого; он может построить, например, фальшивые аэродромы, макеты ракетных установок и т. д., короче, проявить «злую волю». Природа («бог» Эйнштейна) лишена злой воли; она коварна, т. е. скрывает свои тайны, но в игре с нами она не проявляет злого умысла, она не ставит себе целью «водить нас за нос», она не «строит фальшивых аэродромов»³.

Любые концепции, претендующие на научность, должны удовлетворять тесту на «незлонамеренность природы». Наука строит «защитные механизмы», предупреждающие возможность включения в нее таких новообразований, которые противоречат этому

¹ Эйнштейн употребляет слово «бог» так же, как до него Спиноза: «Бог — это природа, познание которой осуществляют люди».

² Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958, с. 48.

³ Баженов Л. Б. Строение и функции естественнонаучной теории. М., 1978, с. 147.

критерию научности, ибо нарушение его может привести к ликвидации науки как исторически сложившейся системы знания¹.

Но социальное знание как раз имеет дело с объектом, в котором присутствует «злая воля», который может «строить фальшивые аэродромы» и т. п. Мы видели, что натуралистические попытки «избавиться» от субъекта путем распространения идеи естественных законов на человека и его сознание не привели к научному объяснению истории. А дальнейшее развитие философии обнаружило и ограниченность той гносеологической базы, на которую опирался в своих выводах старый материализм. Уже Д. Юм, а затем И. Кант доказали невыводимость общих понятий из простого суммирования чувственных данных, откуда следовало, что мышление и чувствование — качественно различные духовные способности человека.

Развитие немецкой классической философии показало, что сознание человека активно, деятельно, продуктивно и не поддается объяснению с позиций механического детерминизма, так как его нельзя брать изолированно от всего развития культуры. Тем самым рушилась основополагающая для теории познания Локка — Кондильяка «гносеологическая робинзонада», позволявшая материалистам прошлого включать индивидуальное сознание в цепь природных зависимостей и рассматривать его как звено этой цепи². Рушились и фундаментальные основания всей теории человека и общества, развивавшейся материалистами XVIII в.

Однако сама проблема построения теории общества, удовлетворяющей общим критериям научности, не была устранена. Она просто оставалась нерешенной. А без ее разрешения научная методология социального познания теряет почву под ногами. Если эта проблема неразрешима, то наука об обществе оказывается невозможной, и тогда правы те, кто ее отрицает. Заслуга домарковского материализма состоит не в том, что он решил данную проблему, а в том, что он ее четко поставил и показал, сам того не желая, что ее нельзя решить на пути натуралистического редукционизма, отождествления социального и природного.

Намек на возможность выхода из тех противоречий, в которых запутался старый материализм в своих попытках применить сложившиеся критерии научности к общественному познанию, пришел с неожиданной стороны — со стороны идеалистической философии в лице Гегеля. Именно Гегель обнаружил фундаментальный для социальной теории факт несовпадения сознательно поставленных целей деятельности людей и социальных последствий

¹ См.: Баженов Л. Б. Структура и функции естественнонаучной теории, с. 148.

² См.: Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960, с. 15—21.

их действий. Сам Гегель объяснял это несовпадение тем, что люди, борясь за достижение своих частных целей, обусловленных их интересами, не имеют никакого представления о «целях» мирового духа, осуществлению которых они в конечном счете служат. «Крот истории» роет ходы, невидимые для внешнего наблюдателя, но именно по ним история переходит от одного состояния к другому.

Обнаруженное несовпадение свидетельствовало о наличии в обществе сил, не подчиненных сознанию субъектов исторической деятельности, о наличии социальных результатов деятельности, не предусмотренных самими деятелями, о наличии *объективных* закономерных тенденций, обуславливающих переход общества от одного состояния к другому, но не заложенных в программах субъектов исторического творчества.

Обнаружение данного несовпадения не означало возрождения представлений о судьбе, роке, фатуме, ибо здесь рассматривалась не жизнь отдельного человека, а выявлялось закономерное движение истории, развитие народов и государств. Тем самым открывалась возможность *внесубъектного подхода к истории*, то есть возможность адекватного применения к общественной жизни выше-названного критерия научности. Но чтобы использовать эту идею в качестве принципа научного анализа, надо было вырвать ее из системы философского идеализма, где ей была дана мистическая интерпретация, скрывающая ее научный смысл и значение.

Любая философская категория не может быть понята, если ее рассматривать изолированно от конкретной системы взглядов, в рамках которых она приобретает определенное содержание. Сказанное относится и к категории социальной закономерности — ее утверждение в философии и общественной науке было связано с выработкой новой системы взглядов.

Почему, однако, идея закономерности, высказанная Гегелем, была новой? Ведь и старый материализм признавал наличие «законов мира физического и духовного», исходил из естественной закономерности. Особенность гегелевской идеи заключалась в том, что это была идея *специфической социальной закономерности, существующей в деятельности людей*. Ее утверждение и разработка предполагали преодоление двух коренных слабостей старого материализма — его принципиального антиисторизма и натуралистического понимания человека и общества.

Метафизическому материализму XVII—XVIII вв. идея исторического развития была чужда органически. «...Общество, — пишет Гольбах, — представляет собой целое, образованное множеством семейств и индивидов, объединившихся для того, чтобы с большей легкостью удовлетворять свои потребности, доставлять себе желаемые преимущества, обеспечивать друг другу взаимную

помощь и особенно возможность спокойно пользоваться благами, которые могут доставить природа и человеческий труд...»¹ Из этого определения следует, что отличие общества от небольшой группы людей, объединившихся для достижения известных целей, чисто количественное. С таким пониманием общества идея закономерного исторического развития просто несоединима.

Самое большее, до чего мог подняться домарксовский материализм, — это признание происхождения гражданского общества из естественного состояния путем «формального или молчаливого» общественного договора. Невежество и злоупотребление властью приводят к нарушению этого договора, появлению в обществе и его учреждениях многочисленных пороков, устранению которых должна помочь «наука о нравственности». Очевидно, что подобный подход к истории не имеет ничего общего с историзмом.

Идея закономерного развития общества была высказана уже в первой половине XVIII столетия, то есть задолго до Гегеля, итальянцем Д. Вико. Его мысль развивалась в русле отличных от материализма идейных традиций. Будучи человеком глубоко религиозным и даже апологетом католицизма, он, в противоположность материалистам, считал, что поскольку природа создана богом, то в ее познании следует руководствоваться божественным откровением. История же — дело рук человеческих, и потому возможно ее научное познание, независимое от откровения². Таким хитроумным способом он отделил социальное от природного, избавился от натурализма и обосновал необходимость «новой науки», повествующей о закономерной смене эпох детства, юности и зрелости, которые проходят все народы, хотя и в разное время. Идею закономерности истории Вико связывал с наличием и действием «высшего разума», стоящего над частными целями людей.

Несмотря на неприемлемый способ обоснования и весьма несовершенное выражение, эта идея Вико все-таки была великой и плодотворной. Однако в XVIII в. она осталась незамеченной и лишь через немецкую философию конца XVIII — начала XIX в. стала утверждаться в общественном сознании, так как отвечала

¹ Гольбах. Избранные произведения. В 2-х т., т. 1, с. 171.

² Интересно, что материалист Т. Гоббс пытается обосновать возможность строгой и точной социальной науки, отправляясь, как и Вико, от идеи, что «история делается людьми». Гоббс писал: «То, что геометрия считается демонстративной наукой и действительно является строго доказательной, обуславливается тем обстоятельством, что мы сами рисуем фигуры. Предметы же и явления природы, напротив, мы не в состоянии производить по нашему усмотрению... Кроме того, метод доказательства *a priori* можно применить в политике и в этике, т. е. в науках о справедливости и несправедливости, ибо мы сами создаем принципы, служащие нам масштабом для познания сущности того и другого, или, иначе говоря, причины справедливости, т. е. законы и соглашения» (Гоббс. Избранные произведения. В 2-х т. М., 1964, т. 1, с. 236—237).

потребностям новой эпохи и достигнутому уровню познания. Именно в это время возникают мощные эволюционистские концепции в космогонии, геологии, биологии и социальном познании (И. Гердер, социалисты-утописты). И социальная теория теперь оказалась призванной объяснить закономерный характер не только строения, но и развития общества, его динамику, его переходы из одного состояния в другое.

Достижения немецкой классической философии указали пути спасения того ценного, что дал в сфере социально-философской мысли старый материализм, пути выхода из тупика, в который его завели механизм и антиисторизм. Немецкий идеализм предвосхитил появление в образе (идеале) научности новых граней, обусловленных проникновением науки в надмеханические сферы, разработкой идей диалектического развития. В результате появилась реальная возможность создания теории общественного развития, удовлетворяющей необходимым критериям научности, а тем самым и возможность разрешения тех проблем, о которых речь шла выше.

Однако проблемное поле, созданное немецкой классической философией, было далеко не однородным, а ее влияние на последующее развитие социально-философской мысли — весьма противоречивым. Так, эта философия не только послужила источником для научной разработки принципа историзма, но и стимулировала развитие концепций, в которых было абсолютизировано и доведено до противопоставления различие общества и природы, социального и естественнонаучного знания, что вело к отрицанию возможности построения социального знания, удовлетворяющего общим эталонам научности. Теоретические предпосылки для такого противопоставления дала философия И. Канта.

Кант принял концепцию материализма, что человек как физическое существо включен в систему причинных связей. Но слабость материализма он усматривал в отрицании свободы воли, а следовательно, по логике Канта — и принципа моральной ответственности человека за свои действия, которая возможна лишь на базе признания свободы воли. Эту проблему Кант попытался разрешить с помощью идеи разделения мира на феноменальный, эмпирически воспринимаемый, доступный познанию, и на мир ноуменов. Как существо эмпирическое человек, по Канту, принадлежит миру явлений и включен во всеобщую цепь причинных зависимостей, а как разумное существо он принадлежит миру ноуменов, и здесь человек свободен, его воля подчиняется уже не физическому, а нравственному закону — закону практического разума. Такая точка зрения была компромиссом между материализмом и идеализмом. Не случайно из «нравственных соображений» Кант признавал и бога, и бессмертие души.

Учение Канта оказало огромное влияние на последующее развитие буржуазной философии истории. Его идеи стимулировали формирование весьма характерной для второй половины XIX в. тенденции к противопоставлению естественных и общественных наук. Например, неокантианцы Баденской школы (Г. Риккерт, В. Виндельбанд) строили свою концепцию отрицания возможности построения научного знания об истории общества на отрыве общего от единичного в общественной жизни. Абсолютизируя уникальность исторических событий, неокантианцы утверждали, что общество не подчинено действию объективных законов, а потому исторический процесс, деятельность людей в обществе не поддаются научному объяснению. Противоположность естественных и исторических наук Риккерт видел в том, что науки о природе могут пользоваться методом обобщающим (генерализирующим), а науки об истории — лишь описательным и индивидуализирующим методом. Первые открывают присущие природе законы, причинные связи, объясняют и предвидят ход природных процессов, а удел вторых — описание индивидуальных и неповторимых событий конкретной истории и оценка их с точки зрения принятого идеала. Неокантианцы называли общественные науки идиографическими (описательными). Влияние этой точки зрения было очень сильным, ибо она затрагивала весьма существенные стороны социального познания и явилась своеобразной реакцией на натуралистическое отождествление природного и социального. Но это, конечно, не может быть признано аргументом в пользу неокантианства.

Подведем некоторые предварительные итоги. Опыт истории показывает, что социальная наука не может быть создана на пути сведения социального к природному, а их противопоставление прямо направлено против самой идеи создания общественной науки, приводит к отрицанию возможности подчинения социального знания общим критериям и эталонам научности. Наука об обществе должна непременно учитывать его специфику, но не доводить ее до абсолютного противопоставления общества природе. Она должна строиться на базе выявления взаимосвязи общества и природы, но не доводить признание их взаимодействия до стирания граней между ними.

Таким образом, развитие философии и обществознания выявило проблемы и создало необходимые идейные предпосылки для преодоления тех трудностей, которые ставятся на пути создания социальной науки самой спецификой общества, взятого в качестве предмета познания. Социальная наука была создана, но лишь тогда, когда были осознаны сами эти трудности, наличие идейных предпосылок их преодоления и найдено решение проблем. Это и было осуществлено марксизмом.

Социальная наука, чтобы быть наукой, должна удовлетворять общим критериям научности, которые требуют судить о своем предмете, дать ему научное объяснение на основе познания его объективных законов, то есть социальная наука неизбежно подходит к задаче «выразить определенные стороны жизни общества как чистую объективность»¹. Найти, как к обществу можно применить этот критерий, — первая и исходная задача социального знания, адекватно решив которую оно только и может претендовать на статус научного знания. Без этого социальная наука невозможна именно как наука.

Но... и здесь мы должны сделать крутой поворот. Если даже удастся найти способ реализовать возможность описания движения общества, отвлекаясь от субъекта исторического творчества, сама эта процедура окажется абстракцией, ибо в реальности — в отличие от природы — субъект неустраним из предмета социального познания. К. Маркс писал, что при познании общественных явлений «нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове субъект... есть нечто данное...»².

А что значит «субъект есть нечто данное»? Это значит, что даны также добрая и злая воля, различные мнения, настроения и чувства, идеи, взгляды и теории, короче, явления сознания. Что может и должна делать со всем этим социальная наука? Очевидно, все-таки решить ту задачу, которую не смогли решить материалисты прошлого, — дать явлениям сознания объяснение с позиции детерминизма, не повторяя ошибок детерминизма механического. Без решения этой задачи невозможно понять и объяснить деятельность людей в истории, конкретную историю вообще.

Перед социальной наукой стоит задача, которая не возникает перед естествознанием: исходя из материального начала, объяснить научно явления сознания как по их содержанию, так и с точки зрения того, какую роль они способны играть и реально играют в жизни и развитии общества. Но соотношение материи и сознания — проблема, выходящая за рамки компетенции отдельных конкретных наук, это проблема философская. Отсюда вытекает вывод: *научная теория, имеющая своим предметом общество в целом, не может не быть философской теорией, сочетающей в себе черты и социальной науки, и научной философии.*

Далее. Суждения о субъекте и о его сознании могут претендовать на статус — скажем осторожнее — объективности, если они базируются на внешних проявлениях сознания, соотносимых с породившей его основой. Поэтому социальная наука, опираясь на

¹ Барулин В. С. Соотношение материального и идеального в обществе. М., 1977, с. 106—107.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 43.

диалектически понятий принцип детерминизма, должна ставить своей задачей понять именно *общественное сознание*, его функционирование и развитие по тем данным, которые она может получить, изучая его реализацию (воплощение) в социальных фактах и явлениях, социальных институтах и учреждениях, в практической деятельности людей. Индивидуальные проявления сознания могут интересовать общественную науку лишь в том случае, если они приобретают фиксируемое социальное значение, и в той мере, в какой они это значение приобретают. Короче говоря, само субъективное во всей своей полноте и индивидуальности не может стать предметом общественного научного познания. Наука способна познавать субъективное, если она рассматривает его как нечто объективно данное. Только знание, отвечающее этой предпосылке, может быть включено в научную систему.

Итак, как любая наука, обществознание имеет своей задачей познание объективных закономерностей изучаемого предмета. Но, кроме того, перед общественной наукой встает специфическая, только ей присущая, задача объяснения общественного сознания, ибо без этого невозможно понять деятельность людей в истории. С этим связана необходимость разработки — для научного понимания общества в его развитии — социально-философской (или, как принято говорить, философско-социологической) теории.

Что же касается всей сферы обществознания, то надо сказать, что присутствие субъекта в самом предмете социального знания, необходимость изучения не только реальных процессов, но и их отражения в сознании, исследования первичного и вторичного, очевидно, и является источником и первопричиной существования в этой сфере различных типов научного знания. Мы полагаем, что наряду с делением социального знания на научное и ненаучное, а также дифференциацией наук и соответственно их классификацией существуют *различные типы социального знания* и их анализ представляет собой важную методологическую проблему¹.

На наш взгляд, можно говорить по крайней мере о *двух типах знания*. Один из них подобен естественнонаучному. Он иногда связан с применением точных (в данном случае — количественных) методов, но во всех случаях предполагает такое описание социальных процессов, при котором внимание сосредоточивается на *объективном начале общества, объективных закономерностях и детерминантах*. Этот тип знания за неимением более удачного термина можно условно назвать *социологическим*. Другой тип знания — *социально-гуманитарный* или просто *гуманитарный*. В его рамках вырабатываются методы научного анализа и индивидуали-

¹ Подробнее об этом см.: Келле В. Ж. Социальное знание и социальное управление. М., 1976, с. 38—52.

зированной описания *духовной стороны жизни человека*. Эти типы социального знания отличаются друг от друга в первую очередь тем, что связаны с решением различных познавательных задач и в соответствии со своими познавательными возможностями отображают различные аспекты реальности. Поэтому они дополняют друг друга в рамках социальной науки, подобно тому как дополняют друг друга в познавательном отношении наука и искусство. Поскольку грани между этими типами знания подвижны и относительны, они могут объединяться в рамках одной науки. Примером такого соединения черт гуманитарного и социологического знания является историческая наука, которая не только опирается на объективные закономерности, но и дает описание исторических событий во всей их неповторимости и индивидуальности.

Методологическое значение предложенной типологизации состоит в том, что она дает принципы решения извечного спора гуманитариев и их противников по вопросу о том, каким должно и может быть научное знание об обществе — или только прошедшим через «математический фильтр», строгим, формализованным, «точным», или сугубо гуманитарным, раскрывающим «человеческую», духовную, сторону социально-культурной реальности, не претендующим на точность и принципиально отличным по своему характеру от знания естественнонаучного. Признавая возможность различных типов научного социального знания, тем самым мы снимаем это расхождение и переводим разговор совершенно в другую плоскость — изучения специфики различных типов социального знания, их познавательных возможностей, соотношения и взаимодействия в познании общества и т. д.

Весьма важна для понимания специфики социального познания еще одна проблема. Познание всегда есть отражение объективной реальности в сознании человека. В основе успехов классического естествознания лежала именно эта гносеологическая предпосылка. При этом она приобрела форму жесткого противопоставления объекта и субъекта познания, устранившего всякое воздействие субъекта на объект в процессе познания: субъект отражает объект так, и только так, как он существует на самом деле.

Новая, неклассическая физика столкнулась с иной познавательной ситуацией. В процессе изменения пространственно-энергетических характеристик элементарных частиц выявилась неустрашимость влияния измерительного прибора на микрообъект. Характеристики параметров последнего, даваемые приборами различного класса, оказались взаимно дополняющими друг друга. Таким образом, не существование и движение вне и независимо от прибора, а состояние микрообъекта в его соотнесенности со средствами наблюдения стало эмпирической основой для построения теории

движения микрообъектов (квантовой механики) и ее математического аппарата.

Эта новая гносеологическая ситуация породила острую идейную борьбу материализма и идеализма, обусловленную осмыслением ими проблемы с противоположных философских позиций. Не касаясь подробностей этой борьбы, что увело бы нас в сторону от основной темы, обратим внимание на одну особенность новой гносеологической ситуации. Наука столкнулась с тем, что познание микромира зависит от физического строения человека как макросущества. Человек — часть природы. Его органы чувств, его сознание соответствуют ему как материальному существу определенной физической организации и соразмерности с пространственно-временными, энергетическими и другими физическими параметрами окружающего мира. И это обстоятельство не может не сказаться на способе познания человеком микромира. Квантовая физика отражает микрообъект не так, как он существует сам по себе, а так, как он проявляет себя в макроприборе. Это не значит, что познание перестает быть объективным. Сама объективность включает в себя теперь соотношенность со средствами измерения, иными словами, жесткое разделение субъекта и объекта, типичное для классического естествознания, перестало работать, когда человек приступил к изучению объекта принципиально иной размерности, чем он сам.

Отсюда следует важный вывод, что *на само построение естественнонаучной теории влияют характеристики человека как физического существа, то есть способ включенности человека в природу, определяемый его физическими параметрами*. Но ведь существенной для человека является его общественная природа, и по аналогии с физическим познанием можно сказать, что *включенность человека как общественного существа в социальные процессы не может не сказаться на характере социального познания*. Действительно, общественные науки столкнулись с влиянием «природы человека» на характер социального знания значительно раньше естествознания, но в несколько ином плане.

Дело в том, что физические параметры человека независимы от его социальных характеристик, в рамках нормы они одинаковы у всех людей. Но как общественное существо человек имеет свои особые интересы, часто противостоящие интересам других людей, собственные цели, стремления, взгляды и т. д. Включенность социального субъекта в общественную жизнь с ее противоречиями естественно порождает особенное — причем у разных социальных субъектов разное — отношение к общественным процессам, что сказывается на характере создаваемых теорий, то есть на общественном познании. И человек не может вырваться из этой включенности в общественную жизнь, в борьбу различных социальных

сил, не может как бы извне взглянуть на познаваемый им «объект». *Фактор включенности субъекта неустраним из социального познания.*

Это обстоятельство фиксировали представители многих направлений общественной мысли, но делали из него разные выводы. Одни считали, что раз познающий субъект представлял собой частичку той реальности, которую он изучает, то никакое объективное познание социальной жизни невозможно, и скатывались на позиции релятивизма. Другие пытались доказать, что человек в своем сознании, если оно достаточно развито, может подняться над столкновением интересов, стать выше бушующих в обществе страстей и как бы извне, находясь над схваткой, исследовать общественную жизнь. Такова была позиция объективизма. Но опыт показал, что этим путем достичь научной объективности нельзя, что позиция человека, витающего над обществом, — чистая иллюзия, что общественная наука должна исходить из факта включенности субъекта в исследуемый объект. Но как тогда возможно объективное социальное знание?

Подчеркнем, что здесь мы сталкиваемся с трудностью иного плана, чем предыдущая: она проистекает не просто из особенностей объекта, а из *специфики взаимодействия объекта и субъекта социального познания*, из того, что это знание об общественном, жизненном процессе, неотъемлемой частичкой которого является и субъект познания, чьи реальные интересы могут совпадать или не совпадать с объективным ходом истории¹.

В социальном познании жесткой разделенности объекта и субъекта научного познания, характерной для классического естествознания (и созерцательного материализма), не существовало никогда. Здесь их соотносительность обнаружилась с самого начала. Поэтому, между прочим, марксистское диалектическое понимание субъектно-объектных отношений первоначально опиралось именно на общественные науки и лишь позже подтверждено было естествознанием. В настоящее время в связи с развитием системного подхода вопрос о взаимосвязи объекта и субъекта и в реальности, и в познании получил базу и стимул для дальнейшей разработки.

Выход, который нашла квантовая физика из новой гносеологической ситуации, — признать соотнесенность объекта со средствами наблюдения базой для объективного познания мира — означал, что указанная соотнесенность, в общем, существовала в есте-

¹ Речь здесь идет не о прямом влиянии познающего субъекта на исследуемый объект. Эта проблема впервые была обнаружена и четко сформулирована в эмпирической социологии и не является всеобщей проблемой обществознания, а лишь методологической проблемой конкретных социологических исследований.

ствознании всегда, только наука в прошлом могла игнорировать это обстоятельство, поскольку изучала объекты той же размерности, что и сам человек.

Что же касается методологии обществознания, то она, во-первых, никогда не могла игнорировать данное обстоятельство (хотя могла и не видеть самой проблемы), а должна была прямо или косвенно на него реагировать. Во-вторых, — и это самое главное — для обществознания не годился тот выход из гносеологической ситуации, который наметила себе новая физика. Ситуация включенности в обществознание обнаружилась не при использовании измерительной аппаратуры, а при столкновении противоположных взглядов и позиций. И научное решение этой проблемы должно было быть иным: чтобы понять реальное содержание общественных идей и теорий, их надо соотносить не только с объектом познания, но и с *реальными интересами борющихся общественных классов*, то есть ввести новое «измерение» — *соотнесенность с социальными (классовыми) интересами*.

3. Философские предпосылки социального познания

Общефилософским основанием материалистического понимания истории является диалектический материализм. Марксизм-ленинизм всегда отстаивал тезис о его единстве с историческим материализмом в противовес ревизионизму и оппортунизму, со времен Э. Бернштейна отрицавшим неременную связь социально-исторической теории К. Маркса с ее диалектико-материалистическим основанием. Однако характер этой связи не следует упрощать.

Ныне можно считать доказанным, что исторический материализм не возник как простое распространение диалектического материализма на область истории. Термин «распространение» упрощает взаимоотношение между ними: создается впечатление, что сначала возник диалектический материализм, а затем он был распространен на историю. В действительности генезис диалектического и исторического материализма — единый процесс, а не процесс, разделенный во времени. Все дело в том, что без исторического материализма невозможен и диалектический материализм как целостное мировоззрение. И это не просто декларация, а факт, проверенный опытом истории, в частности истории передовой общественной мысли России в XIX в. А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский исходили в своем философском мировоззрении из тех же теоретических источников, что и основоположники марксизма, — из идей немецкой классической философии; они были диалектиками и материалистами. В. И. Ленин писал, что Герцен дошел до диалектического материализма. Но полностью он не стал на его

позиции, прежде всего потому (если брать теоретическую сторону вопроса), что «остановился перед — историческим материализмом»¹, то есть не был материалистом в понимании истории. То же самое можно сказать и о Чернышевском.

Кроме того, идея «распространения» создает ложное впечатление, что диалектический материализм есть некий аналог «философии природы», а исторический материализм представляет собой «философию истории». Между тем трактовка диалектического материализма в качестве «философии природы» противоречит самому духу марксистского мировоззрения, которое, указывал Ф. Энгельс, отвергает натурфилософию как принадлежащую прошлому². Диалектический материализм — мировоззрение, в равной степени относящееся и к природе, и к человеческой истории. Последнюю нельзя противопоставлять природе, отрывать от природы, ибо она «является *действительной частью истории природы, становления природы человеком*»³.

Но тогда, естественно, возникает вопрос: а что же представляет собой исторический материализм, рассматриваемый под углом зрения его места в структуре марксистской философии.

Среди философов по этому вопросу существует *две точки зрения*. Сторонники одной из них считают, что исторический материализм целиком относится к сфере диалектического материализма и всякие попытки установить какие-либо различия между ними есть введение в марксизм чуждой ему концепции «двух материализмов», нарушение единства марксистской философии. Тем самым проблема отношения диалектического и исторического материализма попросту снимается, ибо они сливаются друг с другом, а особенность последнего связывается с задачей выявления специфической диалектики общественного развития.

Конечно, нельзя отрывать исторический материализм от диалектического, а нужно брать их в единстве. В их взаимодействии существует интегративная тенденция к выделению проблем, относящихся и к диалектическому, и к историческому материализму. Такова, например, гносеологическая проблематика, которая, однако, в последнее время разрабатывалась почти исключительно на материале естествознания и без должного учета социальной природы познания. Преодоление этой односторонности возможно лишь путем исследования социальной обусловленности познавательного процесса. Но для этого как раз необходимо использовать методологические подходы, характерные для исторического материализма, и его научные результаты. Таким же образом обстоит дело с анализом проблем человека, деятельности и т. д.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 305, 316.

³ Там же, т. 42, с. 124.

Вместе с тем в истории марксистской философии наблюдается и процесс дифференциации, и в диалектическом, и в историческом материализме накапливалась своя проблематика, складывался свой угол зрения, свое видение проблем, в соответствии с которыми вырабатывается понятийный аппарат, необходимый для их решения. Эта заданная уже с самого начала классиками марксизма-ленинизма специализация и дифференциация дает возможность научной философии развиваться, охватывая все более широкий круг проблем, для всестороннего решения которых у нее имеются необходимые методологические средства. Если же сливать диалектический и исторический материализм, абсолютизировать их единство — а на этот путь становятся сторонники упомянутой точки зрения, — то это может привести к большим потерям для философского и социального познания.

Более правильной в этом вопросе будет, по-видимому, позиция, признающая *и внутреннее органическое единство, и относительное различие исторического и диалектического материализма*. Их единство определяется общей природой материального мира, частью которого являются человек и общество. Различие же вытекает из того, что последовательно материалистическая позиция в познании истории предполагает решение специфического круга проблем, связанных с выявлением материальной основы исторического процесса, специфики социального детерминизма и т. д., проблем, с решением которых, как мы видели, домарксистский материализм справиться не смог. В результате 300-летнего развития материалистической философии, начиная с эпохи Возрождения, выяснилось, что признание в качестве материальной основы исторического процесса природы в целом, окружающей человека географической среды или физической природы самого человека не привело к созданию науки об обществе.

Хотя существование общества немыслимо вне природы, неотделимо от нее, хотя живой человек представляет собой биологическую организацию, ни законы физического мира, ни биологические закономерности, от действия которых человек отнюдь не свободен, не выражают специфики общества и не могут дать ключ к его пониманию. Для этого требуется философский подход, опирающийся на материалистическое решение основного философского вопроса, но с учетом специфики социальной формы бытия. Эти задачи и решает исторический материализм в первую очередь; в этом его особенность по сравнению с диалектическим материализмом.

Таковы доводы в пользу относительного разграничения диалектического и исторического материализма. Важно также определить и принципы их соотношения. Нам представляется, что исходной в методологическом плане здесь может служить идея

уровней теории, вытекающая из принципа системности, согласно которому всякую большую систему можно представить как иерархию систем. Примененная к теоретическим системам, эта идея означает, что существуют теории *разной степени общности или разного уровня абстракции*.

Диалектический и исторический материализм и соотносятся как теории разного уровня абстракции. Диалектический материализм представляет общеполософский уровень, а исторический материализм — общесоциологический. Термин «общесоциологический» не означает, что исторический материализм тем самым выводится за рамки философии. Общесоциологическая теория, предметом которой являются самые коренные, фундаментальные проблемы социального бытия и самые общие законы общественного развития, не может не быть одновременно и философской. Поэтому характеристика исторического материализма как философско-социологической теории марксизма подчеркивает, что она органически соединяет в себе черты социально-философского и социологического знания, то есть относится одновременно и к сфере философского, и к сфере общественно-научного знания.

Ее специфика выражается в наличии особой системы понятий, категорий, специально выработанных для познания данного объекта. Выработка категориального аппарата исторического материализма происходила как на основе использования мыслительного материала, накопленного в ходе исторического развития социального познания, так и в результате разработки новых понятий в процессе научного анализа социальных явлений. Поэтому реализацию этой задачи надо рассматривать как большое завоевание науки. Ведь чтобы понять самое простое и элементарное движение из всех известных человеку, причем движение, с которым человек имеет дело повседневно, чтобы выработать понятия, научно описывающие механическое движение, и открыть его законы, человеку понадобились тысячи лет. Классическая механика, созданная трудами Галилея, Ньютона, Лагранжа и других великих ученых, опирается на такие понятия, как скорость и ускорение, масса, инерция, сила и т. п. — на упорядоченную систему этих понятий или категорий. «...Категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»¹. Без расчленения исследуемого объекта и фиксации его отдельных сторон в категориях нельзя дать цельного, системного и конкретного представления о нем.

Выработка категорий внутренне связана с познанием законов объективного мира. Объективные законы отражаются в мышлении как законы науки, выраженные через соотношение категорий. Сле-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 85.

довательно, выработка категорий есть логическая предпосылка формулирования законов науки, а познание законов обогащает содержание категорий.

Объект исторического материализма также должен отражаться в научных категориях. Но поскольку общество — своеобразный объект исследования, категории естественных наук, выработанные на основе анализа явлений природы, и самые общие философские понятия не могут отразить и выразить его специфику. Поэтому в ходе познания общественной жизни исторический материализм вырабатывает свои категории.

Объектом исследования определяется и состав категорий исторического материализма. Важнейшие его категории — те, которые отражают либо существенные стороны общественной жизни, общие всем ступеням исторического развития (например, «общественное бытие», «общественное сознание», «способ производства», «базис», «надстройка» и т. д.), либо внутреннее единство и цельность общества на каждом из его этапов (например, «общественно-экономическая формация» или «первобытнообщинный строй», «капитализм», «коммунистическая формация»). Кроме того, в историческом материализме имеются категории, отражающие отдельные стороны общественной жизни, свойственные не всем, а лишь некоторым формациям, но существенно важные для понимания их развития (например, «классы», «государство», «политика», «война» и т. д.). Будучи результатом анализа общественной жизни и проникновения в ее сущность, категории исторического материализма выступают и как определенный итог познания, и как опорные пункты в движении познания от известного к неизвестному, как средство усвоения реального многообразия общественной жизни, как средство овладения сложной сетью общественных явлений.

Поскольку исторический материализм, в отличие от других общественных наук, есть философская, методологическая наука, то есть наука, которая изучает не отдельные стороны или процессы общественной жизни, а *общество, общественную жизнь как целостный процесс*, во взаимодействии и связи всех его сторон и оказывается, таким образом, *общей теорией развития общества и методом его познания*, постольку категории исторического материализма имеют *методологическое* значение в познании общественной жизни и практической деятельности людей. Этот тезис означает, что категории сами по себе не могут служить основой конкретных теоретических выводов и практических решений. Категории и выражаемые с их помощью законы исторического материализма дают лишь руководящую нить для познания конкретной действительности как в целом, так и отдельных ее сторон. А уже детальное изучение конкретной ситуации, ее анализ на

базе исторического материализма — с помощью его категорий и законов — позволяет сделать выводы, способные служить руководством для практики.

Диалектический материализм опирается на материалистическую интерпретацию социальных процессов при анализе проблем на общепhilosophическом уровне, например проблем человека, познания, практической деятельности, детерминизма и т. д.

С другой стороны, — и это представляет наибольший интерес для нашей темы — *общепhilosophическая теория дает социальной философии общие исходные принципы познания реальности, которые выступают как философские предпосылки социального исследования.* Если идея «распространения», о которой упоминалось выше, и имеет смысл, то лишь как указание на логическую связь и единство общепhilosophической и философско-социологической теории марксизма, но не больше.

Для формирования последней действительно необходимы общепhilosophические предпосылки. Активную роль общепhilosophической методологии в этом отношении нетрудно установить, проанализировав взаимодействие субъекта и объекта познания.

Знание есть отражение объекта. Но любой объект познания неисчерпаем, многообразен. Из него требуется выделить то, что подлежит изучению, исследованию. Такое выделение осуществляется наукой, развивающейся на основе практики, которая выступает как «определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»¹, и использующей для этих целей определенные методы познания. То, какая сторона действительности выделяется для исследования, зависит, следовательно, не только от объекта, но и от *используемых методов*².

Активная роль методологии заключается прежде всего в том, что именно от нее зависит в конечном счете выделение предмета социально-философского анализа: того, где следует искать «ключ» к познанию сущности исторического процесса. Очевидно, что идеалистическая философия никогда не будет искать этого «ключа» в материальной жизни общества, она будет обращаться к тем или иным проявлениям воли и сознания человека. Так, философия жизни усматривала задачу социального познания не в объяснении явлений объективными законами и причинами, а в выявлении того смысла, который человек заложил в создаваемые им предметы или учреждения, с помощью метода «понимания» (герменевтики). Философия жизни предложила один из вариантов противопоставления естественных и общественных наук, неприемлемый для материалистической философии. Последняя всегда стремилась

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

² См.: Швырев В. С. К проблеме специфики социального познания. — Вопросы философии, 1972, № 3.

к созданию социальной науки в соответствии с существующими эталонами научности. От материализма прошлого эта задача по наследству перешла к новой форме материализма — марксистскому материализму. Преодоление старой формы материализма не означало отказа от идеи создания научной теории общества.

Каковы же общеполитические предпосылки этой теории и социальной науки вообще? Общее положение, что такой предпосылкой является диалектический материализм, следует конкретизировать, выделив основные, так сказать, стержневые пункты философского базиса общесоциологической теории марксизма. Подчеркнем сразу же, что философские предпосылки не остаются вне философско-социологической теории, а переводятся на ее язык, входят в ее «ткань», становятся ее собственными принципами, философской основой научного обществензнания. Конечно, включаясь в философско-социологическую теорию, эти принципы тем самым выступают в форме, выражающей специфическую сущность и законы развития человеческой истории.

Первый из этих принципов — материализм.

Философский материализм — необходимая предпосылка научного социального знания. Естествознание могло опираться на стихийный материализм, ибо сама практика научного исследования формировала убеждение о независимости познаваемого объекта от познающего субъекта. Однако, как показал В. И. Ленин, стихийный материализм не может предохранять современное естествознание от натиска идеализма¹. В общественном познании стихийный материализм если и был в какой-то мере возможен, то лишь совсем в узких пределах, больше на эмпирическом уровне. Создание же науки требовало всегда сознательной философской позиции. Тем более она необходима для выработки общей теории социального развития. Именно материализм, и только материализм, ориентирует на поиск в самой общественной жизни такого начала, которое не зависит от субъекта и потому является материальным началом, однако существующим в самой деятельности людей, которые руководствуются идейными побудительными мотивами. Решить эту проблему не смог старый материализм. В то же время лишь на основе ее решения возможно применение категорий научного мышления к историческому развитию человеческого общества.

Говоря о категориях научного мышления, мы имеем в виду прежде всего идею *естественноисторической закономерности*. Действие такой закономерности в истории возможно лишь в том случае, если существует объективное, независимое от сознания и воли человека начало человеческой истории. Признание существования

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 29—30.

в истории материального, независимого от субъекта начала означает, что открыта возможность существования естественноисторической закономерности. Не случайно марксизм связал проведение материализма в истории с открытием законов общественного развития. Ф. Энгельс писал: «...современный материализм видит в истории процесс развития человечества и ставит своей задачей открытие законов движения этого процесса»¹.

Материалистическая философия служит делу создания социальной науки тем, что определяет пути распространения принципа детерминизма на субъекта социальной деятельности, то есть открывает возможности анализа с научных позиций сознания и деятельности человека. В общепhilosophическом плане, конечно, самой глубокой основой социального знания является материалистическое решение основного вопроса философии, то есть признание первичности материального начала и вторичности духовного. Но ведь и домарксовский материализм исходил из этого принципа. Почему же он не мог стать философской основой научного анализа человеческой деятельности и сознания? Прежде всего потому, что он не смог выявить действительную материальную основу сознания общества, не смог отделить социальное бытие от природного.

Человек принадлежит, конечно, миру физическому, но он относится к нему через свою принадлежность к миру социальному, и именно теоретическое осмысление этого обстоятельства позволяет поставить на научную основу анализ проблемы детерминации человеческого сознания и разрешить ту дилемму детерминизма и свободы, перед которой стало в тупик метафизическое мышление.

Чтобы решить все эти проблемы, философия должна была создать систему категорий, в которых можно уловить и выявить специфику общества. И такую основополагающую для социальной науки систему категорий создает, как уже говорилось, исторический материализм.

Исходными и основными категориями, с помощью которых общая идея материализма переводится на язык социальной теории, являются понятия «общественное бытие» и «общественное сознание». Их сопоставление с общепhilosophическими понятиями «материя», «бытие», «сознание» хорошо показывает и единство и различие диалектического и исторического материализма. Эту сторону дела подчеркивал В. И. Ленин, обосновывая идею органической взаимосвязи диалектического и исторического материализма в борьбе против философского ревизионизма русских махистов: «Сознание вообще отражает бытие,— это общее положение всего материализма. Не видеть его прямой и неразрывной связи с по-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 24.

ложением исторического материализма: общественное сознание *отражает общественное бытие — невозможно*»¹.

Признание первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию составляет основу материалистического понимания истории, во-первых, потому, что именно выявление теоретическим анализом специфической материальной основы общественной жизни — общественного бытия — позволило применить к познанию общества общенаучные критерии и тем самым заложить основы социальной науки. Во-вторых, это позволяет выработать научный подход к анализу сознания общества, понять и научно объяснить духовный мир человека и общества.

Научное объяснение общественного сознания необходимо, поскольку общественная жизнь не исчерпывается материальной основой, а включает в себя жизнедеятельность субъекта с его сознанием и волей, которые влияют на ход истории, и потому понять исторический процесс в целом невозможно без объяснения природы, характера, содержания сознания и без учета его роли. Марксистская философия вырабатывает методологию решения этой проблемы.

Научный анализ сознания опирается на ряд важнейших принципов материализма. Прежде всего здесь следует назвать *принцип отражения*. Научно-философское значение этого принципа состоит в том, что только понимание сознания как отражения позволяет распространить на явления сознания принцип детерминизма и тем самым ввести его анализ в рамки науки. Как известно, В. И. Ленин резко критикует отступления от идеи отражения (теория символов, иероглифов и т. п.) именно как проявление непоследовательности в проведении линии материализма, как уступку агностицизму и т. д. Разумеется, отражение нельзя понимать примитивно как пассивное зеркальное отражение бытия в сознании. Но это уже другой вопрос. Исходным же остается признание отражательной природы сознания: сознание (в том числе и общественное сознание) «есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение»².

Следующим принципом, без которого также невозможно распространить идеи детерминизма на общественное сознание, является *признание общественного бытия определяющей основой общественного сознания*. Общественное сознание соотносится именно с общественным, а не природным бытием человека, и потому основной вопрос философии в сфере исторического материализма ставится и решается как вопрос об определяющей роли об-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 343.

² Там же, с. 346.

пественного бытия по отношению к общественному сознанию. Конечно, в общественном сознании отражается не только социальная жизнь во всех ее многообразных проявлениях, но и окружающая человека природа и человек как природное существо. Это означает, что общественное бытие далеко не всегда выступает для общественного сознания в качестве непосредственного предмета отражения. Но *характер* отражения, то, как все окружающее отражается в общественном сознании, во всех случаях определяется общественным бытием. И в этом смысле общественное сознание *всегда* отражает общественное бытие, а последнее есть единственное определяющее начало его развития. В методологическом плане это означает, что зависимость общественного сознания от общественного бытия выступает как необходимый объяснительный принцип при научном, объективном анализе общественного сознания.

Но материалистическое решение основного вопроса философии применительно к истории при всей своей принципиальной важности не дает конкретных знаний о тех социальных процессах, которые произойдут в обществе в силу закономерного развития общественного бытия. Для конкретного ответа на вопрос о том, какова эта закономерность и как она реализуется в условиях исторически определенного общества, К. Маркс не пожалел сорока лет напряженнейшего труда. Оценивая его, В. И. Ленин писал: «Но вот Маркс, высказавший эту гипотезу (речь идет о материалистическом понимании истории. — *Авт.*) в 40-х годах, берется за фактическое (это *nota bene*) изучение материала. Он берет одну из общественно-экономических формаций — систему товарного хозяйства — и на основании гигантской массы данных... дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее»¹.

Иначе говоря, выделив в обществе первичное и вторичное, теория обязана рассмотреть все явления, все стороны общественной жизни под этим углом зрения, утвердить зависимости всех общественных явлений от материального бытия, раскрыть определяющую роль общественного бытия по отношению ко всей системе социальных отношений. Материализм в истории, таким образом, состоит не только в выделении материального начала в качестве первичного в отношении сознания, но и в признании его определяющей роли в жизни всего общества. Без этого момента понимание принципа материализма в истории окажется упрощенным.

Исторический материализм обязывает рассматривать общество как реально существующее образование, исторически конкретный социальный организм, целостную социальную систему. *каждый*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138.

элемент которой — экономический, социальный, политический, духовный — должен быть понят и раскрыт в его материальной обусловленности. Опыт показывает, что легко провозгласить приверженность принципу материализма в истории, но бывает трудно провести его при анализе и объяснении различных проявлений социального целого — от туманных образований в мозгу философов, которые надо понять как необходимые продукты их реального жизненного процесса, до производственной деятельности людей. И это невозможно сделать, если не рассматривать все явления и стороны общественной жизни в их связи и взаимной зависимости, как компоненты социальной системы.

Последовательное проведение принципа материализма при анализе любого явления общественной жизни предполагает, следовательно, выявление: во-первых, материальной обусловленности возникновения и существования данного явления, во-вторых, его места в системе целостного социального организма, в-третьих, присущих ему специфических черт, особенностей, закономерностей, в-четвертых, его социальных функций, роли в существовании и развитии социального целого.

Методологическое значение принципа материализма невозможно переоценить: он позволяет не только четко определить природу любого явления общественной жизни, изучаемого конкретными общественными науками, но и гносеологическую природу понятий, которыми они оперируют.

Поскольку общество представляет собой единство различных сторон, многообразных связей и опосредствований, конкретно воспроизвести его в мышлении можно только с помощью *системы понятий*, каждое из которых в отдельности дает лишь одностороннее, абстрактное знание объекта. В совокупности понятия и категории исторического материализма должны составлять концептуальную систему, в рамках которой можно и четко установить объективное содержание каждого понятия, и избежать субъективизма в их употреблении. Поэтому можно сказать, что материализм включает в себя *принцип системности*, имеющий огромное значение для выработки научного подхода к общественной жизни.

Одним из существенных недостатков домарковского материализма было то, что он не поднялся до системного анализа общества, что его подход к обществу был, так сказать, предметным. Действительно, старый материализм рассматривал общество как «механический агрегат индивидов»¹, а сущность человека искал в качествах его как материального физического существа, то есть трактовал ее как «абстракт, присущий отдельному индивиду»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 265.

Между тем, как показал марксизм, социальное по природе своей системно. Человеческое существо приобретает определенные социальные качества и характеристики, поскольку оно живет и действует в системе общественных отношений. Вещь получает общественные характеристики, например становится товаром, не только потому, что она нужна, полезна человеку, но и потому, что она *функционирует в системе соответствующих общественных отношений*. Понять общество можно, лишь рассмотрев его как специфическую целостную социальную систему, каждое общественное явление — как ее компонент, человека — как субъекта, носителя общественных отношений. Интегративные свойства общественной системы проявляются как «системные качества» (например, стоимость, деньги и т. д.). «И если познание не различает таких системных качественных определенностей, то оно невольно сбивается на путь предметного фетишизма...»¹ Поэтому любая социальная наука и методология обществознания нуждаются в системном мышлении, в выявлении системных связей, зависимостей, отношений.

Исследования советских философов показали, что принцип системности широко использовался основоположниками марксизма при анализе социальной реальности, о чем свидетельствует хотя бы то, что одна из основополагающих категорий материалистического понимания истории — общественно-экономическая формация определялась как «целостный социальный организм», специфическая социальная система. В настоящее время уже можно с полной определенностью сказать, что именно марксизм впервые использовал принципы системного подхода для научного анализа общества. Прежде это обстоятельство не подчеркивалось потому, очевидно, что сами основоположники марксизма не сделали принцип системности предметом специального методологического анализа. Современный системный подход, возникший независимо от марксизма, первоначально применялся в биологии, технике, затем стал распространяться и на другие области познания и деятельности, особенно в связи с решением задач управления большими технологическими системами. В результате выявилась общенаучная методологическая значимость системного подхода, что послужило толчком к осмыслению его природы, сущности и методологических возможностей, с одной стороны, и определению его места в марксистской методологии социального познания — с другой. Проведенная работа и показала, насколько органичен для марксистской теории и методологии принцип системности. «...К. Маркс и Ф. Энгельс не оставили нам специальных исследований проблемы системности в виде готовой методологической

¹ Кузьмин В. П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980, с. 81.

теории, но они оставили системную теорию общественного развития и множество примеров конкретного системного решения различных вопросов, возникающих при изучении общества как целого»¹.

Признание того, что явления общественной жизни следует рассматривать не изолированно, а во взаимной связи, что общественная жизнь представляет собой некую целостность, характерно ныне не только для марксизма. На Западе уже многие десятилетия используются методы, близкие к системному подходу и давшие определенные научные результаты. Речь идет о структурно-функциональном подходе в буржуазной социологии (Т. Парсонс, Р. Мертон) и о структурных методах в лингвистике (создание структурной лингвистики), этнологии (К. Леви-Стросс), истории науки (М. Фуко) и др.

Что касается функционализма, то как определенный метод, устанавливающий взаимосвязь структуры целостного объекта и его функций, рассматривающий «жизнь» социального объекта как его функционирование, то есть реализацию функций различных элементов данной структуры (например, ролевых функций человека в его деятельности) и т. д., в границах своей применимости он вполне научен. Но, применяясь в буржуазной социологии в рамках так называемой «теории социального действия», он, будучи соединен с идеалистической концепцией общества, используется для обоснования консервативных политических установок. Например, Т. Парсонс считал, что характер социальной системы задается нормами жизни и целями деятельности людей в группе; его социология проникнута идеей сохранения целостности буржуазной социальной системы, обеспечения ее «нормального» функционирования. Марксизм отбрасывает идеалистические концепции и консервативные политические установки структурно-функционалистской социологии, допускаемый ею отрыв функционирования от развития, но он вовсе не отрицает ни правомерности применения самих категорий «структура» и «функция», ни заключенных в них методологических возможностей².

Применение методов структурного анализа в различных общественных науках дало, как известно, плодотворные результаты, поэтому отрицать его возможности было бы нелепо. Марксизм выступает не против использования этого метода, а против его абсолютизации, против философии структурализма, против попыток подменить им философию диалектического материализма. Здесь так же, как в случае с функционализмом, важно различать метод

¹ Кузьмин В. П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса, с. 13.

² См. критику структурного функционализма в социологии в кн.: Критика современной буржуазной теоретической социологии. М., 1977, гл. 1.

анализа, который можно применять правильно и неправильно, который сам по себе не дает еще гарантии истины, и его философско-теоретические основания, во многом определяющие характер использования этого метода¹.

Если же рассмотреть соотношение упомянутых методов, используемых на базе и в рамках диалектико-материалистической философии, то можно, пожалуй, согласиться со следующим утверждением: «Если в структурно-функциональном анализе и структурализме принцип целостности реализуется через понятие структуры и функции с соответствующим приоритетом одного из этих понятий, то в системном подходе центральным, естественно, является более широкое понятие — «система»... Это очевидное расширение исходной понятийной базы дает известные преимущества системному подходу перед структурно-функциональным анализом и структурализмом, позволяя построить более расчлененное представление о целостности объекта и о путях ее изучения»².

Говоря о «структурах» и «системах», мы как бы фиксируем момент устойчивости, определенности социального объекта. Но ведь последний не является неизменным. История — это процесс, вечное движение, столкновение различных социальных сил, острые противоречия, конфликты, войны, революции и т. д. Всякая устойчивость и определенность в историческом процессе весьма относительны. Поэтому философия должна выработать общую методологию анализа происходящих в обществе изменений. Разумеется, метафизический материализм такой методологией не был. Понять общество в его движении, исследовать его как закономерно изменяющееся целое, как *динамическую систему*, находящуюся в состоянии развития, — значит подойти к нему с позиций диалектики. Поэтому не просто материализм, а материализм, пронизанный диалектикой, органически связанный с теорией развития через борьбу противоположностей, то есть *материализм диалектический*, образует философскую предпосылку научного общественознания.

Без диалектики научное понимание истории так же немислимо, как и без материализма. Диалектика настолько органична для этого понимания, что его можно назвать материалистическим и диалектическим пониманием истории или *материалистической теорией общественного развития*. В самом деле, диалектика позволяет рассматривать общество в сложном и противоречивом развитии как процесс *поступательный*, идущий от низшего к высшему. Да-

¹ См.: Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М., 1977; Иванов В. В. Клод Леви-Стросс и структурная антропология. — Природа, 1978, № 1.

² Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973, с. 57—58; см. об этом также: Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М., 1974, с. 106.

лее, она обязывает рассматривать этот процесс как *закономерный*, а объективные закономерности — как *законы движения*, перехода общества из одного состояния к другому. Весь комплекс понятий, связанный с идеей социального прогресса, опирается на принципы диалектики.

Диалектика выступает мощным средством выявления и анализа социальных противоречий как *источника общественного развития*. Без диалектики было бы невозможно, например, раскрыть многообразные внутренние антагонизмы капиталистического общества, и прежде всего непримиримость противоречий между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией, а следовательно, и понять исторически преходящий характер капитализма. Не случайно К. Маркс писал: «В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹.

Наконец, диалектика требует рассматривать каждое явление общественной жизни в его собственных взаимосвязях, то есть ориентирует на *конкретно-исторический подход* к ним. Она обязывает выяснять в процессе исследования, как то или иное общественное явление возникло, какие этапы прошло в своем развитии, чем оно стало в настоящее время и какие зародыши будущего содержит в себе. Диалектика, таким образом, проявляется в социальных исследованиях также в форме исторического подхода к обществу, к социальным явлениям, кратко определяемого как *принцип историзма*.

Принцип историзма есть способ подхода к развивающемуся объекту, призванный обеспечить объективное воспроизведение последнего в историческом и теоретическом познании. Последовательное проведение марксистского принципа историзма в познании требует использования всей совокупности законов и категорий материалистической диалектики. Лишь таким образом понятый принцип историзма может рассматриваться как метод научного познания. Это особенно важно подчеркнуть, ибо существуют многочисленные неадекватные интерпретации принципа историзма в различных направлениях буржуазной философии истории², его извращения, в частности в духе абсолютного релятивизма.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 22.

² См. об этом: Асмус В. Ф. Избранные философские труды. М., 1971, т. 2, с. 207—281; Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959, ч. 1.

Диалектика познания, в том числе и социального, включает в себя релятивизм в смысле признания относительности, изменчивости, гибкости понятий науки и выражаемых ими знаний. Но диалектика, как указывал В. И. Ленин, не сводится к релятивизму, ибо философский релятивизм в конечном счете неизбежно приводит к субъективизму, к отрицанию объективной истины, к отрицанию возможности объективного познания и оценки тех или иных событий, к отрицанию возможности объективного знания об обществе, объективного устойчивого содержания в понятиях общественных наук. В используемых общественной наукой понятиях должны диалектически сочетаться четкость, определенность, устойчивость с гибкостью, изменчивостью, относительностью.

Нетрудно заметить, что в существе своем и принцип материализма, и принцип историзма выполняют одинаковую гносеологическую и методологическую функцию. Они требуют рассматривать общество так, как оно существует само по себе, в его собственном бытии и развитии, а социальные понятия — с точки зрения их объективного содержания, в данном случае — объективной устойчивости и подвижности, определенности и изменчивости. Материализм и историзм в социальном исследовании находятся в органическом единстве. Принцип материализма, дав теоретическое обоснование монистическому подходу ко всем явлениям общественной жизни, выступает тем самым для всего обществознания руководством к познанию, то есть выполняет методологическую функцию. Но последняя реализуется только через методологию исторического подхода, опирающегося на отражение закономерного развития мировой истории, каждый этап которого исторически конкретен, своеобразен и неповторим.

Обратим внимание еще на одну сторону дела, весьма важную для последовательного проведения принципа историзма. Если сравнить такие понятия, как «движение» и «развитие», очевиден интегративный характер последнего. Движение может быть и совокупным, и относиться к отдельному предмету. Конечно, всякое отдельное движение всегда связано с движением целого, но, познавая, например, механическое перемещение тела в пространстве, допустимо отвлечься от этого целого. При анализе же развития такое отвлечение недопустимо. Изолированный предмет развиваться не может. Развивается всегда некая совокупность, некая система. Это особенно ярко и отчетливо видно на примере общества, которое представляет собой весьма сложную систему, включающую в себя многообразие элементов, связей, зависимостей. И современное научное, теоретическое воспроизведение исторического процесса предполагает раскрытие его закономерного развития как системы¹.

¹ См.: Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. М., 1961, с. 17.

Если процесс развития есть развитие системы, компоненты которой органически взаимосвязаны и в совокупности создают некое специфическое целое, не сводящееся к простой сумме элементов, то и перед методологией исследования процесса развития встают специфические задачи. Социолог Б. А. Грушин, который одним из первых в советской философской литературе сформулировал эту проблему как методологическую, подчеркивал, что речь здесь идет о применении идеи развития как закономерного процесса, приводящего к появлению новых качественных состояний, к такому объекту, который характеризуется сложным внутренним строением и который надо воспроизвести «не в отдельных его составляющих, а во всей совокупности структурных зависимостей между ними, т. е. как органическое, внутренне связанное и функционирующее целое»¹.

Отсюда следует, что принцип историзма не только не противостоит принципу системности, но предполагает его как одно из необходимых условий своей собственной реализации.

Противопоставление этих принципов, однако, отчетливо прослеживается в истории буржуазной общественной мысли начала нашего столетия. Кризис буржуазного историзма выразился, в частности, в отказе от идеи исторической эволюции, представленной в буржуазной социологии Г. Спенсером и др., и замене ее идеей функционирования в обществе различных устойчивых культур или социокультурных образований. Эта идея была выражена уже в работах английских этнологов и антропологов 20-х годов Б. Малиновского и А. Редклифф-Брауна, оказавших влияние на формирование структурного функционализма в американской социологии с ее принципиальным антиисторизмом.

В отличие от такого подхода, диалектика не только не испытывает никаких методологических затруднений при соединении функционирования с развитием, сочетании системности и историзма, но прямо ориентирует на использование системно-структурных идей при исследовании процессов развития. Поэтому можно с уверенностью сказать, что *принцип системности выступает как один из моментов диалектико-материалистической методологии в целом.*

Из всего сказанного вытекает, что без диалектики, без исторического подхода было бы невозможно последовательное проведение материализма в истории. И диалектику в данном случае следует воспринимать не только как метод исследования объективных противоречий и процессов развития, но и как метод построения самой социально-исторической теории, поскольку концептуальное построение такой теории связано с преодолением и разрешением ряда противоречий.

¹ Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования, с. 18.

В числе фундаментальных оснований материалистической философии, провозглашенных марксизмом уже в момент его зарождения, был также *принцип человеческой активности, деятельности, практики*. Признание необходимости рассматривать человека как активное существо и трактовка человеческой активности как выявленной во вне предметной деятельности, то есть общественной практики, позволили марксизму преодолеть как созерцательность старого материализма, так и идеалистическое противопоставление активности духа «косной» материи.

Принцип деятельности в социальном познании позволяет определить границы и понять относительность противопоставления в социальной реальности материального и идеального. Их противопоставление и абсолютное разграничение необходимо тогда, когда ставится вопрос о том, что чему предшествует, что является первичным, а что вторичным. Как мы видели, без материалистического решения этого вопроса создание научной теории невозможно. Но за его пределами их противоположность относительна. Особенно очевидным это становится при анализе истории как результата практической деятельности людей.

Практика отнюдь не проявление спонтанной активности человека, как полагают прагматисты, а материальное взаимодействие общественного человека с предметным миром — природой, обществом. В процессе этого взаимодействия человек изменяет объект в соответствии с заранее поставленными целями. В практической деятельности, таким образом, соединяются цели, стремления, знания человека и предметный мир, то есть материальное и идеальное. Деятельность, практика общественного человека есть воплощение их единства: предмет субъективируется, преобразуясь в связи с целями человека, а цели, стремления, знания объективируются, материализуясь в деятельности и ее результатах. Поэтому в практической деятельности абсолютное противопоставление материи и сознания теряет смысл.

В философии марксизма речь идет не только об утверждении материалистического принципа объективной закономерности, принципа детерминизма, но и о признании активного деятельного характера «человеческого начала» истории, его творческой роли в историческом процессе. Идея деятельности как философского принципа в последние десятилетия широко разрабатывается учеными в самых различных аспектах. Все более полно раскрывается фундаментальное значение для всего нашего мировоззрения практически-деятельностного отношения человека к действительности.

Принцип деятельности — один из необходимых и весьма важных философских принципов и предпосылок научного подхода к истории, сыгравший огромную роль в развитии теории и в разработке методологии материалистического понимания истории. Тема

эта большая, но если брать самую суть дела, то можно, по нашему мнению, выделить *три основных аспекта принципа деятельности*, имеющих значение для исторического материализма.

Во-первых, данный принцип позволил выявить ту реальность, которая подлежала изучению, анализу и объяснению в сфере общественнознания. «Общественная жизнь является по существу *практической*»¹, — писал К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе». Иными словами, реальность общественной жизни — это практическая деятельность людей. История, по словам Маркса, есть не что иное, как процесс становления человека человеческим трудом, то есть его собственной деятельностью. Вне деятельности человека нет ни общества, ни истории, ни самого человека. В деятельности проявляются и опредмечиваются сущностные силы человека. Именно через деятельность проявляет себя в исторической реальности субъект, именно в деятельности проявляется его активность, его творческая роль. Преобразуя мир, человек изменяет и самого себя. Необходимость деятельности заложена в самой сущности человеческого бытия. Ведь человек не может жить, не производя необходимые для себя материальные блага. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что, так же как движение есть способ существования материи, так и деятельность есть способ общественного бытия человека. Поэтому познать общественную жизнь — значит познать деятельность людей, ее предпосылки, характер и результаты, понять историю — значит объяснить, почему люди делают ее так, а не иначе.

Но марксистская философия выступает не только против недооценки деятельного начала, но и против абсолютизации деятельности, что неизбежно ведет к субъективизму.

Вне марксизма существуют многочисленные субъективистские, идеалистические интерпретации деятельности: она или понимается как духовная деятельность, и при этом отрицается фундаментальное значение материально-практического отношения человека к действительности; или рассматривается как проявление спонтанной активности субъекта, а не как его взаимодействие с объективным миром, независимым от субъекта (прагматизм).

Надо сказать, что и в марксистской литературе существуют разные точки зрения по данному вопросу. Отчасти это объясняется ведущимися здесь поисками, раскрывающими все новые методологические аспекты проблемы деятельности, выявляющими ее значение для различных наук, отчасти же — чрезмерной увлеченностью отдельных философов, которые пытаются рассматривать деятельность как некую *causa sui* (причину самой себя), объяснять деятельность из нее самой, а признание условий, объектив-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 266.

ных детерминант, социальной среды, в которой она протекает, объявляют остатком «старого» материализма, вульгарного социологизма и т. п.

На самом деле такая позиция закрывает возможность научного анализа и социальной действительности, и самой деятельности. Чтобы понять историческую деятельность людей, народных масс — а это важно для методологии обществознания, — надо выявить ее объективные детерминанты, изучить их влияние на содержание деятельности и лишь на этой основе путем восхождения от абстрактного к конкретному восстановить целостный образ деятельности в нашем познании. Объективный исторический смысл деятельности может быть понят не из нее самой, не из сознания общества, а из материальных условий, хотя для всестороннего и конкретного анализа социальной деятельности нужно и первое, и второе, и третье.

Абсолютизация деятельностного подхода обычно обосновывается ссылкой на «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса, истинный смысл которых был-де упрощен догматиками. Отнюдь не защищая догматизм, мы полагаем, однако, что необходимо взглянуть на эту работу исторически, с точки зрения ее места в становлении марксизма. В соответствии с марксистской традицией «Тезисы о Фейербахе» всегда оценивались, по Энгельсу, как «гениальный зародыш нового мировоззрения»¹. Тот же, кто хочет воспринять не зародыш, а плод марксизма, тот должен учитывать, что «Тезисы» созданы весной 1845 г., а великое открытие Маркса — создание исторического материализма — впервые было изложено в «Немецкой идеологии» (1845—1846 гг.).

Только это новое открытие позволило конкретизировать положения «Тезисов о Фейербахе» и развернуть их в целостный научно-материалистический анализ исторической деятельности людей. Раскрывая существо марксистского подхода к анализу деятельности и критикуя субъективную социологию народников, В. И. Ленин подчеркивал: «Это положение — что историю делают личности — теоретически совершенно бессодержательно. История вся и состоит из действий личностей, и задача общественной науки состоит в том, чтобы объяснить эти действия...»² Позднее Ленин уточнил, что для правильного понимания деятельности надо ее рассматривать «как борьбу живых общественных сил, поставленных в такие-то объективные условия...»³. И далее: «Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность»⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 371.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 415.

³ Там же, т. 17, с. 43.

⁴ Там же, т. 29, с. 169—170.

Итак, значение деятельности состоит в том, что она есть *форма проявления активности субъекта в творчестве истории*. Исторический материализм разрабатывает методологию научного анализа и объяснения человеческой деятельности путем распространения на нее принципов социального детерминизма, на основе признания общей зависимости субъекта от объекта, сознания от бытия. Это объяснение включает в себя также выявление источников творческой активности субъекта деятельности, значения общественного сознания, идей, мотивов, целей и т. д. в деятельности людей.

Во-вторых, деятельность является не только предметом, но и средством познания, или, как иногда говорят, объяснительным принципом¹. Какие же свойства деятельности позволяют ей играть эту роль? И что она может объяснять? Попробуем ответить на эти вопросы, учитывая, что нас интересует не конкретика той или иной общественной науки, а методологическая сторона проблемы.

Научным может быть лишь метод объективного анализа действительности. Предметная человеческая деятельность обладает тем неопределимым свойством, что она представляет собой единство материального и идеального, объективного и субъективного. Из этого обстоятельства основоположники марксизма-ленинизма сделали очень важные выводы, которые сводятся к тому, что человеческая деятельность позволяет человеку субъективно подходить к объекту и объективно — к субъекту. К. Маркс видел созерцательность старого материализма прежде всего в том, что тот рассматривал предмет, действительность, чувственность лишь как объект созерцания, а не субъективно, то есть вне отношения к человеческой деятельности. В. И. Ленин указывал, что практика позволяет установить, что нужно человеку. На основании практических потребностей в бесконечно многообразном объекте человек выделяет определенные стороны и делает их предметом своего познания и преобразования. Этим в первую очередь объясняется то, что наука и вообще человеческое познание развиваются на основе практики, выступающей посредствующим звеном между сознанием и независимой от него объективной реальностью. И познавательные способности человека сформированы таким образом, что вне предметно-деятельного отношения к объекту они не могут его правильно отразить. Само сознание выступает моментом практического отношения к объекту. И потому субъективность деятельности является условием научной объективности.

¹ О деятельности как объяснительном принципе см., например: *Ленский А. Н. Деятельность. Сознание. Личность*. М., 1977; *Юдин Э. Г. Деятельность как объяснительный принцип и как предмет научного изучения*. — *Вопросы философии*, 1976, № 5.

С другой стороны, деятельность есть форма объективации субъективного и потому указывает единственно возможный путь, средство проникновения в субъективный мир человека, ключ к его объективному познанию: о людях судят по их делам, их действиям. Деятельность, ее потребности, ее особенности, деятельность в единстве с ее условиями дают науке средства, позволяющие подойти к объяснению духовного мира человека и общества с точки зрения объективных критериев. И это относится не только к объяснению научного, но и иллюзорного сознания. «Все мистерии,— писал К. Маркс,— которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики»¹. Мы особо обращаем внимание на последние слова, ибо, чтобы служить объяснительным принципом, практика сама должна быть соответствующим образом понята и интерпретирована.

Наконец, практика, как известно, играет роль критерия истины, определителя того, что соответствует, а что не соответствует действительности в человеческом сознании.

Итак, с понятием деятельности в материалистическую философию вводится *принцип объективного подхода к субъективному миру общественного человека*. Его применение необходимо для достижения полноты всего социального знания и выступает методологическим основанием самой возможности научного гуманитарного знания. Исторический материализм как теоретико-методологическое основание всего социального, в том числе гуманитарного, знания опирается на принцип предметной деятельности и разрабатывает его.

В-третьих, принцип деятельности имеет для исторического материализма значение как обобщенное выражение разнообразных (труд, классовая борьба и т. д.) движущих сил исторического процесса. Поэтому марксистская общественная наука ставит перед собой задачу служения практике, стимулирования, прогнозирования, планирования деятельности, повышения уровня сознательной творческой активности масс, то есть задачу следования *принципу единства теории и практики*, которую К. Маркс сформулировал в известном тезисе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»².

К методологии исторического материализма это имеет то отношение, что она связана не только с познанием действительности, но и с разработкой путей практического использования знания, не только с созданием социально-научных теорий, но и их практическим применением в конкретных условиях места и времени.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 266.

² Там же.

Социальные знания возникают, чтобы обслуживать деятельность людей. Проблема достижения истинного социального знания, которую не смогла понять предшествующая философия, решается марксизмом на следующей основе: надо в самом обществе найти такой общественный класс, такую социальную силу, которая не могла бы успешно действовать без объективных знаний о социальной действительности, то есть была бы заинтересована в них. В этом случае между знанием и интересом устанавливается соответствие, и интерес выражается в стремлении к истинному знанию. В других же случаях, когда знание и интерес вступают в противоречие друг с другом, вместо науки рождаются мифы, иллюзии, извращенные представления. Интерес — это могучая сила; и если бы, как писал В. И. Ленин, геометрические аксиомы противоречили чьим-либо интересам, то непременно нашлись бы люди, которые стали бы их опровергать¹.

Признание связи социальной теории с интересами, с деятельностью, с борьбой той или иной социальной группы, того или иного класса есть выражение ее партийности. Марксистская общественная наука открыто признает свою партийность. *Принцип партийности* проявляется в том, что наука прямо соотносит себя с интересами рабочего класса, с борьбой за освобождение трудящихся от эксплуатации, с движением общества к социализму и коммунизму. Но у нее есть единственный способ содействовать реально происходящей борьбе трудящихся масс: объективно воспроизводить картину действительности, соотношение сил, имеющиеся противоречия, тенденции развития и формулировать на этой основе цели и задачи борьбы. Тогда, применяя науку в практической деятельности — а речь идет не просто о деятельности отдельного человека, а о борьбе масс, классов, социальных групп, — можно добиться *соответствия между целями и результатами действия*. Тесная, неразрывная связь с борьбой пролетариата придает общественной науке и всему мировоззрению марксизма научный, революционный, критический характер, устремленность в будущее. Общественная наука может описывать и объяснять прошлое, анализировать настоящее и предвидеть будущее только в том случае, если она сумеет открыть объективный закон социального развития. Напав на след естественноисторического закона, человек не может ни изменить, ни отменить его, но он может смягчить муки рождения нового. И в этом состоит огромное практическое значение общественной науки.

Если та или иная социальная теория любым способом связывает себя с корыстными интересами реакционных социальных групп и классов, стремящихся навязать свою волю обществу и за-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 17.

тормозить социальный прогресс ради сохранения своих привилегий, она неизбежно характеризует позицию, не позволяющую объективно судить о действительности, то есть вступает на путь ее искажения. В этом случае партийность противостоит научности, ставит препоны на пути объективного познания, ведет к мифотворчеству. К. Маркс в письме к Л. Кугельману от 11 июля 1868 г. так выразил существо обсуждаемой проблемы: «Раз понята связь вещей, рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится еще до того, как они развалятся на практике. Следовательно, тут уже безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы»¹.

Объективность следует отличать от объективизма. Если первый термин применяется для характеристики научного знания, то второй характеризует позицию теоретика, а именно позицию «бесстрастности» в познании общественной жизни, позицию якобы объективного, незаинтересованного наблюдателя социальных процессов. В. И. Ленин резко критиковал объективизм, рассматривая его как прикрытую, замаскированную форму выражения буржуазной партийности. Идеологам буржуазии невыгодно открыто проявлять свою партийность, раскрывать связь своих теоретических построений с эгоистическими интересами господствующего класса. В этом случае позиция объективизма — независимо от того, сознательна она или бессознательна, — является для них весьма удобной.

Сорвать маску объективизма помогает принцип партийности. Здесь выявляется другая его сторона — *его значение как одного из основных принципов научного анализа общественного сознания*. Как прямое и естественное следствие материалистического понимания общественной жизни, партийность конкретизирует общие исходные положения о соотношении общественного сознания и общественного бытия путем выявления тех посредствующих звеньев, которые связывают сознание классового общества с его материальной основой. Посредствующим звеном здесь как раз и выступает деятельность общественных классов, их борьба за реализацию своих интересов. В ходе этой борьбы в каждом конкретном классовом обществе складывается определенная расстановка социальных сил, отражающаяся в сфере общественного сознания в виде борьбы идей, направлений и т. д. Новые общественные идеи и течения, попадая в эту идеологическую ситуацию, включаясь в идейную борьбу, начинают играть ту или иную объективную роль, независимо от того, к чему конкретно стремились и какими субъективными мотивами руководствовались создатели этих идей и течений.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 32, с. 461—462.

Таким образом, принцип партийности служит средством выявления объективной социальной роли общественных идей в обстановке борьбы классов. Это значит, что он выступает конкретно-историческим проявлением зависимости деятельности людей от социальных условий, в которых она происходит и которыми обуславливается.

Применив его к борьбе философских направлений, В. И. Ленин показал, что основными борющимися «партиями» в философии являются материализм и идеализм и любой философский «изм» обязан определиться в этой борьбе, то есть занять какую-то позицию по отношению к этим основным направлениям. Беспартийной философии, как и общественной науки вообще, быть не может; любые претензии на такую беспартийность — иллюзия.

Но партийность выступает, по Ленину, не только в качестве аналитического принципа. Позволяя разобраться в сложной обстановке идейной борьбы, этот принцип *предписывает и определенную линию поведения*. Марксистский принцип партийности обязывает последовательно проводить линию диалектического и исторического материализма, отстаивать и защищать его позиции, руководствоваться его положениями при решении новых проблем, обогащать и двигать его дальше. Такова традиция марксизма-ленинизма, заложенная его создателями.

Итак, не бездушная и бесстрастная позиция стороннего наблюдателя, а активное, деятельное участие в общественной жизни своего времени на стороне прогрессивных сил открывает для человека путь к объективному познанию истории. Не отказ от партийности в общественной науке, а борьба за то, чтобы сама партийность выражалась в форме научной объективности, открывает для науки возможность служить эффективным инструментом познания и преобразования социальной действительности в интересах народа.

Раздел первый

ТРИ АСПЕКТА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ

В многочисленных пособиях по историческому материализму используется, как правило, следующая схема изложения материала: сначала рассматривается способ производства, его законы, затем дается характеристика социальной (классы, классовая борьба), политической и духовной сфер общественной жизни, а в конце раскрывается роль масс и личности в истории. Порядок изложения тем, конечно, варьируется, но все это вариации данной схемы.

Имеет ли она свою, оправдывающую и обосновывающую ее логику? Безусловно. Материальная жизнь общества первична, и она рассматривается в первую очередь, а затем последовательно, в порядке удаленности от этой исходной и определяющей темы, излагаются темы, относящиеся к характеристике других сфер общественной жизни. Достоинство этой схемы в том, что она отражает реальную зависимость духовного от материального, позволяет раскрыть диалектику различных сфер общественной жизни, выявить движущие силы истории, показать место и роль различных явлений в обществе. Короче говоря, она позволяет донести до читателя основные идеи исторического материализма.

Но эта схема имеет и ряд недостатков. Один из них, на который прежде всего хотелось бы обратить внимание, состоит в том, что при таком изложении недостаточно прослеживается, а иногда даже теряется представление об обществе как целостности. А ведь задача исторического материализма как раз в том и состоит, чтобы служить руководством к познанию развития общества как целостной системы, то есть как развития и смены целостных социальных организмов, общественно-экономических формаций, а различных общественных явлений — как элементов этой целостности. Значит, необходимо избрать такой способ подачи теории, при котором были бы сохранены все достоинства принятой схемы изложения исторического материализма и вместе с тем имелась бы ориентация на *целостный подход к обществу в его развитии*.

Другой недостаток, проявившийся не только в практике преподавания исторического материализма, но особенно при его применении в конкретно-научных исследованиях, состоит в том, что в данной схеме не выдержан единый принцип подхода к категори-

альному аппарату исторического материализма. Здесь обнаруживается смешение разных оснований членения общества как социального целого, причем это специально никак не оговаривается.

Устойчивый характер рассматриваемая схема приобрела потому, что в ее основу было положено изложение исходных оснований материалистического понимания истории, данное Марксом в знаменитом Предисловии «К критике политической экономии». Но, в отличие от принятой у нас схемы, Маркс строго выдерживает единый принцип. Он отвлекается от характеристики истории как продукта деятельности людей — сознательных существ — и выявляет логику мировой истории, обусловленную сменой способов производства, диалектикой производительных сил и производственных отношений. Маркс отвлекается здесь от личности, от особенного и индивидуального в истории и характеризует лишь *общие структуры*, в которых эта деятельность осуществляется, их динамику, рассматриваемую как естественноисторический процесс. Именно это позволяет ему дать четкую характеристику исходных оснований материалистической теории общественного развития и метода его познания.

И в эту структуру, соотношенную у Маркса с совершенно определенным кругом методологических проблем, включается, или, лучше сказать, внедряется, «деятельностная» проблематика со своим специфическим кругом методологических проблем, связанная с расчленением общества не по сферам общественной жизни, а по другим основаниям (социальные группы, классы, общности и т. д.), позволяющая уже более конкретно подходить к познанию исторического процесса. Речь идет, таким образом, не об исключении «деятельностной» проблематики из структурной модели исторического материализма, а о *таком способе ее включения, который не нарушал бы концептуальную целостность науки*. Совершенно очевидно, что это не только методическая, но прежде всего методологическая проблема, встающая перед исследователем в области исторического материализма.

В данной книге авторы ставят перед собой задачу изложить принципы материалистического понимания истории, руководствуясь такой схемой анализа, которая не только была бы адекватна содержанию науки, но и представляла бы ее в форме, позволяющей более эффективно использовать ее положения в качестве методологии познания общественной жизни, исторического процесса в их многообразии и сложности и вместе с тем в их единстве и целостности.

Решению этой задачи, на наш взгляд, служит выделение *трех методологических аспектов изучения истории*, трех ее измерений, которые последовательно излагаются в главах данного раздела. Мы говорим именно об *аспектах*, потому что характеризуем в каждой

из этих глав не отдельные сферы общественной жизни, но общество в целом, избирая лишь различный угол зрения на него.

Первый аспект — анализ развития общества как материального естественноисторического, то есть закономерного и независимого от воли и сознания людей, процесса. Когда история анализируется в подобном ключе, то подразумевается, что деятельность людей включена в этот процесс и теория должна поэтому указать принципы перехода от деятельности людей к анализу истории как естественноисторического процесса, обосновать оправданность и необходимость такого рассмотрения, в результате которого только и становится возможным применение категорий научного мышления к анализу исторического процесса.

Второй аспект — анализ исторического процесса как результата деятельности людей. Здесь мы обращаемся к изучению и объяснению самого субъекта исторического творчества, его деятельности и ее результатов, а также способа включения последних в общий ход развития общества. Поскольку это измерение социальной реальности исследуется не само по себе, а в связи с предыдущим и на его основе, то тем самым уже задается возможность научного материалистического объяснения деятельности людей в истории, с одной стороны, и открывается путь к анализу исторического процесса во всей его конкретности с учетом активности субъекта, диалектики объективного и субъективного, творческого характера деятельности и т. д. — с другой.

Третий аспект анализа исторического процесса возникает потому, что задача философско-социологической теории и методологии состоит в том, чтобы указать пути не только научного познания общества как результата деятельности людей, но и познания человека как продукта истории. Такой подход позволяет выделить круг методологических проблем, относящихся к исследованию зависимости человека от общества, рассмотреть саму историю с точки зрения развития человека. В этом случае выявляется как бы «смысл» человеческой истории, ее «загадка», суть которой состоит в том, что общественная история людей есть история их индивидуального развития, что коммунизм, делающий свободное и всестороннее развитие личности сознательной целью общества, есть решение этой загадки истории. Таким образом, тема «человек и история», взятая как третье измерение анализа исторического процесса, позволяет не только материалистически объяснить развитие человека, но и глубже понять саму историю, выявить ее гуманистический смысл. Этот аспект анализа истории приобретает особенно актуальное значение в условиях развитого социализма, где общество уже практически ставит в качестве своей сознательной и высшей цели всестороннее развитие каждой человеческой личности.

ГЛАВА I

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

КАК ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

1. От материальности природы к материальности общественной жизни

Модель науки, объясняющей социальную жизнь действием природных закономерностей, оказалась несостоятельной. Из этого обстоятельства следовали два вывода. Или вообще надо отказаться от признания закономерности в истории — по этому пути, начиная с И. Канта, пошли многочисленные школы буржуазной философии истории, — или следует искать специфические для самой истории объективные законы — по этому пути пошел диалектический материализм.

Правда, был еще третий путь — настойчивые попытки натуралистического объяснения истории. О. Конт в XIX в. пытался возродить «социальную физику», которую затем заменил термином «социология». Но если в XVII—XVIII вв. тенденция к включению человека в систему естественных связей отражала искреннее стремление создать науку о человеке в соответствии с существующим эталоном научности, то в XIX в. возрождение натуралистических тенденций можно рассматривать уже как вырождение буржуазной теоретической мысли, тем более что натуралистические концепции все отчетливее становились средством обоснования реакционных политических интересов и устремлений. Это усугубилось еще и тем, что натуралистические концепции XVIII в. опирались на успехи механики, а в XIX в. их авторы спекулировали главным образом на достижениях биологии. Перенесение на общество биологических категорий и закономерностей дало «на выходе» уже не прогрессивные идеи социального равенства (все люди от природы равны) и естественных прав человека, а реакционные теоретические концепции социал-дарвинизма, расизма и т. п.

Линия диалектического материализма противостояла обоим указанным направлениям буржуазной мысли. И она оказалась единственно правильной, ибо на этом пути были сделаны великие открытия и впервые была создана теоретико-методологическая основа научного общественнознания.

Первой основной задачей материализма, поднявшегося над уровнем примитивных натуралистических концепций, является *выявление собственных законов истории*. Ясно, что материализм обязывает искать их не в сознании общества (или индивида), но

теперь уже и не в природе. В обществе надо было выявить и найти сферу отношений, которая формируется людьми, но не зависит от их воли и сознания, специфические качества которой не только не определяются сознанием, но сами определяют его, ибо только на базе объективной реальности возможно существование объективных и в то же время специфических для общества законов его развития. Выявление такой реальности есть логическая предпосылка познания объективных законов истории. Но трудность состоит в том, что эту независимую от человека реальность следует искать в самой человеческой деятельности, в практике.

Итак, обозначим проблемную ситуацию: в обществе, где все делают люди, руководствуясь сознательными мотивами и целями, нужно найти материальную базу для существования объективных законов, независимых от воли и сознания людей. Задача весьма противоречивая и сложная.

Для ее решения, очевидно, необходимо первоначально выяснить, какие существуют материальные связи и зависимости в обществе.

Материальными являются прежде всего связи *человека с природой*. Вне отношения к материальной природе ни о какой материальности в общественной жизни, конечно, речи быть не может.

Вообще существуют три вида отношения человека к природе: биологическое, практическое и познавательное. Биологическое отношение исходное. Человек есть живой организм и как таковой составляет часть биосферы Земли, подчинен действию естественных законов природы. Его существование предполагает наличие абиотических и биотических условий, необходимых для жизни высших млекопитающих, постоянный обмен веществ с природой и соответствующую активность, связанную с продолжением рода. Естественные условия даны человеку. Он к ним биологически приспособлен и связан с ними через обмен веществ и продолжение рода. Обмен веществ порождает материальные потребности человека. «Чтобы жить, люди должны есть, пить, одеваться» — с этих слов начинают основоположники марксизма свое первое изложение материалистического понимания истории в «Немецкой идеологии». Этот тривиальный, миллиарды раз повторяющийся, повседневный факт послужил первой предпосылкой концепции, совершившей переворот в общественном знании. Но он послужил такой предпосылкой, когда на него обратили внимание как на факт, выражающий постоянную необходимость материального взаимодействия человека с природой, и сделали вывод, явившийся следующим шагом в формировании научной социальной теории: чтобы удовлетворять связанные с обменом веществ потребности организма, люди производят необходимые средства к существованию.

Этот тезис имел еще большее значение, чем предыдущий. Он тоже фиксировал элементарный и общеизвестный факт, что люди производят себе пищу, одежду, строят жилища и т. д., ибо без производства необходимых средств к жизни человеческое общество существовать не может. Но в этом факте основоположники марксизма увидели то, что не видели другие: в производстве материальных благ формируется принципиально новый надбиологический, или практический, тип отношения человека к действительности.

Еще в древности было замечено, что удивление — начало философии. Это метафорическое выражение очень существенного для истории познания факта, когда первооткрыватели видят проблему там, где другие ее не видят. Качание маятника, полет птицы, капля воды так обычны, но как много физических проблем в них заключено. Надо увидеть в обычном необычное.

Так и в рассматриваемом нами вопросе. Потребность в пище есть у всех живых существ, но только человек перешел к производству средств, необходимых для его существования. Почему так случилось — это уже другой вопрос, ответ на который надо искать в генезисе общества. Но мы берем сейчас этот факт как данное. Нам важно установить, что труд, производственная деятельность есть вечное и необходимое условие существования человеческого общества, во-первых, и что в процессе добывания необходимых для жизни материальных благ человек материально взаимодействует с природой, во-вторых.

К. Маркс писал: «Веществу природы он (человек. — Авт.) сам противостоит как сила природы»¹. Человек как материальное существо с помощью материальных средств и орудий труда воздействует на материальный предмет и преобразует его в соответствии со своими потребностями. Значит, здесь имеет место материальная система взаимодействия, но в то же время принципиально отличная от биологического обмена веществ. Ее специфика состоит прежде всего в том, что отношение человека к природе является активным, деятельным, преобразующим и оно опосредствовано применением орудий труда. В практической деятельности человек преобразует внешний мир. Преобразование входит в само определение деятельности как присущей человеку формы активности.

Итак, *практическое отношение есть специфическое для человека материальное отношение к действительности*. Оно «привязано» к системе природных зависимостей как своим происхождением из потребности в пище, так и используемой техникой, действующей в соответствии с объективными законами и свойствами

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 188.

природы. Вместе с тем оно уже возвышается над системой природных зависимостей. Но чем же? В решении этой проблемы, видимо, и надо искать ответ на вопрос о специфически социальной форме материальности.

Но пока остановимся на этом и вспомним, что имеется еще и третье отношение человека к действительности, которое мы называли познавательным. Это несколько узкое определение, так как речь идет, по существу, об отношении сознания к действительности. Особенность этого отношения в том, что оно вторично и возникает в процессе материальной деятельности человека, а потому выступает моментом практического отношения человека к действительности. Оно не может быть моментом биологического отношения, ибо в этом случае сознанием должны были бы обладать и другие представители животного мира. Специфическое для человека материально-практическое отношение к действительности внутренне сопряжено и со специфически человеческой формой ее отражения — с *сознанием*. Это находит свое выражение в том, что материальная человеческая деятельность, практика, труд носят сознательный характер — *характер целесообразной деятельности*. «Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»¹.

Эта характеристика трудовой деятельности человека выявляет ее существенную особенность: трудовая деятельность образует не просто систему материальных зависимостей человека от природы, но и содержит в себе субъективное, сознательное начало, момент целеполагания и целеосуществления. Труд есть сознательная целесообразная практическая деятельность общественного человека, направленная на приспособление вещества природы к человеческим потребностям. А это означает, что *практическая деятельность есть единство объективного и субъективного*. В деятельности всегда присутствует субъект, и от него, от его целенаправленной активности, а не только от объективных условий зависят характер и результаты деятельности.

Но из сказанного следует, что сознательную целесообразную деятельность наука не может сделать исходным основанием социальной теории, ибо этим основанием должно быть некое начало, независимое от субъекта и его сознания (поэтому, между прочим, теоретически несостоятельна абсолютизация принципа деятельности, иногда встречающаяся в философской литературе). Но это основание нельзя искать и вне деятельности, то есть во внечеловеческой, вещной действительности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

Только К. Маркс, которому человечество обязано открытием материалистического понимания истории, нашел выход из этой ситуации и сделал действительно великое открытие, которое можно выразить так: производя необходимые для жизни материальные блага, люди с необходимостью же производят свои общественные (производственные) отношения. Эти отношения естественным образом возникают в процессе их трудовой деятельности. Люди сознательно производят материальные блага, но социальный результат их производственной деятельности, а именно те производственные отношения, которые складываются между ними, от них не зависит. Этот результат определяется их объективным материальным отношением к природе, то есть системой их объективных связей с природой, носителем которых выступают производительные силы. Поистине «идея материализма в социологии была гениальная идея»¹. Она позволила социологии найти «золотой ключик», открывающий вход в обитель социальной науки, найти «материю» социальной жизни — систему общественных отношений, формирующихся независимо от воли и сознания людей в процессе материального производства их жизни. Поэтому данные отношения можно считать материальными, хотя ни грана вещества они в себе не содержат.

Приведем два высказывания классиков марксизма по этому вопросу. К. Маркс писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»². В. И. Ленин, защищая исторический материализм от субъективистских извращений, подчеркивал: «Из того, что вы живете и хозяйничаете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда»³.

Именно открытие того, что, производя необходимые для жизни материальные средства, люди, не осознавая этого, одновременно производят и воспроизводят общественные отношения как социальную форму их материального жизненного процесса, позволило перейти от материальности природы к материальности социальной, послужило своеобразным теоретическим мостиком для перехода от деятельности людей (люди делают историю) к интерпретации исторического процесса как объективного материального, закономерного, то есть явилось основой удовлетворяющего всем необходимым критериям научности подхода к обществу. При таком

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 136.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 345.

подходе не человек сам по себе, не деятельность человека, а *система материальных производственных отношений становится исходным пунктом построения социальной теории*. Это не «бихевиориальная наука об индивидуальном поведении», не «социальная антропология», а именно социология — наука об обществе. Особенность материальных отношений проявляется в том, что хотя это отношения между людьми, сознательными существами, но сами эти отношения по определению бессубъектны. Таким образом, их можно считать найденной в самой общественной жизни сферой, которая представляет собой основу для существования и действия специфических социальных законов — законов общественного развития.

Итак, материально-производственная деятельность и есть та сила, которая поднимает человека над природой; эта деятельность осуществляется в рамках отношений, которые выражают и воплощают ее общественный характер и закрепляют выделение человека из природы как социального существа. Отношение человека к природе существует только внутри и посредством этих отношений.

Таков исходный момент научной теории общественного развития и научной методологии социального познания. Приняв этот исходный пункт, можно уже более легко двигаться вперед, руководствуясь внутренней логикой построения теории.

Взаимосвязь практического, материального отношения к действительности и системы материальных общественных связей, которые независимо от сознания и воли людей ставят их в необходимые отношения друг к другу, — это не чисто логическая формула, а процесс, который реализуется в действительности каждодневно и непрерывно всюду, где имеет место труд, связанный с производством материальных ценностей. Социальные отношения, воспроизводимые в деятельности людей, могут быть разные, в зависимости от материальных условий труда, от имеющихся производительных сил. Но само это воспроизводство, сама эта связь есть общая закономерность всей истории, начиная с первобытности и до сегодняшнего дня.

В познании указанный процесс отражается в переходе от категории материальной деятельности, труда к категории материального производства. Различие этих понятий в марксистской теории имеет принципиальное значение, хотя, к сожалению, на данное обстоятельство не всегда обращается должное внимание.

Понятие производства в экономической и социальной теории марксизма употребляется обычно в двух смыслах. Во-первых, о производстве говорится как о производительной деятельности, то есть деятельности по производству какого-то продукта — материального или духовного. Во-вторых, термин «производство» упо-

требуется в более специальном и категориальном смысле — как труд в определенной системе общественных отношений, то есть деятельность, взятая в единстве с теми общественными отношениями, которые она воспроизводит. А труд, вооруженный определенными техническими средствами и взятый в системе соответствующих этим производительным силам конкретных общественно-производственных отношений, есть способ производства. Таким образом, мы подошли к хорошо известным категориям исторического материализма.

Дальнейшая наша задача — показать, каким образом формируется объективная структура общества как целого и как осуществляется естественноисторический процесс социального развития.

Но прежде чем переходить к изложению этих тем, необходимо коснуться еще одного важного сюжета — проблемы перехода от материальности природной к материальности социальной. Говоря о биологическом отношении человека к природе, мы выделили два момента — обмен веществ и физическое воспроизводство человеческого рода.

В обмене веществ именно добывание пищи явилось биологической предпосылкой производства. Не последнюю роль здесь играл, видимо, и недостаток пищи и то, что ее добывание требовало от предков человека специальных усилий, активности, объединения в коллектив и т. д. Все это стимулировало переход к орудийным действиям, а затем и к производству орудий, что уже отличает человеческие действия от орудийных действий высших животных. Момент вынужденной самой природой активности субъекта весьма существен. Ведь дыхание, например, тоже необходимый компонент обмена веществ, но его нельзя считать одной из биологических предпосылок производства хотя бы потому, что человек не испытывал недостатка в воздухе и, чтобы дышать, ему не надо было проявлять особую активность. Правда, сейчас, с развитием цивилизации, чистый воздух, как и чистая вода, становятся ценностью, особенно для жителей городов, и люди платят деньги за возможность дышать свежим воздухом (дачи и т. п.) или прилагают для этого специальные усилия (туристские походы и т. п.). А мрачная фантазия уже породила идею «продавцов воздуха». Но если обществу и необходимо прилагать какие-то производственные усилия в отношении воздуха, то пока лишь в плане его сохранения от загрязнений промышленными отходами, а не в плане специального производства этого необходимого условия биологической жизни человеческого существа.

Предпосылкой существования человеческого рода является его продолжение в потомстве, то есть физическое воспроизводство человека. Эта деятельность и есть биологическая предпосылка

социального отношения, именуемого системой родства. Переход от биологического к социальному здесь связан с запретом инцеста (кровосмешения). Именно такой запрет породил систему отношений родства, послужившую основой родо-племенных отношений первобытного общества.

Эти отношения, как и отношения в сфере материального производства, обладают всеми признаками материальных отношений. Они порождаются и постоянно воспроизводятся активностью людей, связанной с воспроизводством рода. Они — необходимый результат этой активности; их характер не зависит от воли и сознания людей, и они ставят людей в определенные отношения друг к другу. В первобытном обществе отношения родства формируют и производственный коллектив, а потому являются одновременно и производственными отношениями, совпадают с ними. Отношения родства весьма устойчивы и образуют те социальные рамки, в которых протекает жизнь людей первобытного общества.

Отсюда сам собой напрашивается вывод, что эти отношения возникают по той же схеме, что и производственные отношения: деятельность, связанная с удовлетворением определенных биологических потребностей (в пище и т. п. или в продолжении рода), порождает одновременно социальные связи и зависимости, ставящие людей в определенные, необходимые, от их воли независящие отношения друг к другу. Но характер этих отношений в одном случае определяется уровнем развития производительных сил, в другом — брачными запретами.

К. Маркс и Ф. Энгельс не случайно высоко ценили открытие американского этнографа Л. Моргана, который показал необходимую связь систем родства и характера отношений у североамериканских индейцев. В этом открытии они увидели подтверждение исторического материализма применительно к первобытному доклассовому обществу. К. Маркс называл первобытные социальные связи «естественными»¹ не в том смысле, что они необщественны, а в том, что это общественные отношения коллектива, сложившегося на основе «естественных уз». Судьба этих «естественных» связей представляет собой весьма важную веху процесса становления социальных отношений антагонистического общества.

Ф. Энгельс писал: «Чем меньше развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей»². Действительно, в условиях первобытности, при чрезвычайно примитивных средствах труда, производ-

¹ См., например: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 46, ч. I, с. 462.

² Там же, т. 21, с. 26.

ственные отношения могли формироваться только на основе существовавших систем родства, ибо ими задавались рамки первобытного коллектива, который в тот период был главной производительной силой. Отношения по поводу производства материальных благ и по поводу «детопроизводства» в тот период не были так разделены, как в более поздней истории. Ведь последние играли особую роль в формировании социальной структуры общества. В дальнейшем же постепенно эта роль уменьшалась.

Так решается проблема перехода от материальности природной к материальности социальной, позволяющей искать объективные законы, присущие обществу, и только ему.

Открытие социальных отношений, формирующихся в деятельности и одновременно независимых от сознания, было великим, гениальным открытием в общественной науке. Оно позволило сразу решить целый ряд проблем, заведших в тупик прежнюю философию, отбросить идеализм в трактовке истории, преодолеть натуралистический редукционизм старого материализма, сохранив и реализовав вместе с тем идею объективной детерминированности сознания и деятельности человека, причем сделать это на новой, более высокой основе, выявив собственную диалектику исторического процесса, специфических закономерностей его развития.

Обнаружив объективные детерминанты, существующие в деятельности и независимые от сознания, исторический материализм дал общую модель существования объективных структур в общественной жизни и ее различных сферах. И потому нет ничего исключительного и удивительного в том, что в сознательной деятельности людей формируются и существуют отношения, не только независимые от сознания, но и выступающие в качестве социальных детерминант деятельности. Действительно, никого не удивляет то, что законы логики существуют в мышлении, но не зависят от воли и сознания индивида. Он обязан им принять как данное и подчиняться им сознательно или неосознанно. То же самое правила грамматики — существуют в языке, но независимы от субъекта. Объективным, независимым от субъекта является содержание научных знаний. Есть такого рода независимые от субъекта объективные детерминанты и во всех других сферах человеческой деятельности: ими человек сознательно или бессознательно руководствуется и нарушить их не может, не делая бессмысленной саму деятельность.

Итак, всякая деятельность, поднимающая человека на социальный, надбиологический уровень, протекает в объективных структурах (системах отношений), которые формируются в содержательной деятельности, но как незапланированный заранее ее социальный результат, определяемый объективными условия-

ми этой деятельности. Таким путем формируются в обществе объективные социальные структуры. Но марксизм всегда утверждал, что исходными для общества выступают материальные структуры производственных отношений, формирующихся в процессе производства непосредственной жизни.

Далее. Деятельность придает определенный смысл существованию связанных с ней систем социальных отношений, которые «призваны» (и это является их объективной функцией) обслуживать эту деятельность, обеспечивать и сохранять ее возможность, стимулировать ее и т. д. Например, формы организации науки, системы научных коммуникаций, научные встречи, конгрессы, симпозиумы, короче, вся совокупность отношений в науке имеет смысл, если осуществляется научная деятельность, то есть деятельность, связанная с получением нового знания. Иначе все эти отношения, организации, учреждения теряют смысл, их существование становится явлением иррациональным, или бессмысленным.

Отношения нельзя отрывать от деятельности, придавать им самостоятельное значение, ибо тогда они теряют почву, повисают в пустом пространстве. Поэтому общество всегда строит такую систему социальных отношений между людьми, которая отвечает реальным условиям их общественной жизни. Характеризуя общество как продукт взаимодействия людей, К. Маркс говорит: «...общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях»¹. В этом смысле общественные отношения естественны для каждого данного общества: они не построены искусственно, а складываются «помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования»². Это и есть «распространение» материализма на историю.

Теперь, когда показано наличие в обществе внутренней материальной структуры, в качестве которой выступает совокупность производственных отношений, уже не может быть сомнения в возможности существования общественной науки, познающей объективные законы истории, в возможности применения к обществу категорий и принципов научного мышления. Дальнейшее движение должно состоять в том, чтобы раскрыть место и роль данной структуры в обществе и перейти к анализу общества в целом. Чтобы решить эти задачи, необходимо обратиться к *понятию общественно-экономической формации* и к характеристике естественноисторического процесса развития, осуществляющегося путем смены общественных формаций.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 222.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 149.

2. Категория общественно-экономической формации: генезис и трактовка

Обратить особое внимание на некоторые аспекты проблемы общественно-экономических формаций, которые прежде, может быть, недостаточно оттенялись в философской литературе, побуждает важное методологическое значение этой категории исторического материализма, а также теоретические споры, много лет ведущиеся вокруг данной проблемы и вылившиеся в 60—70-е годы в широкую дискуссию, участниками которой были преимущественно ученые-историки, как советские, так и зарубежные. Думается, что опыт этой дискуссии вряд ли можно обойти, давая характеристику марксистско-ленинского понимания исторического процесса на современном уровне знаний. Поэтому прежде, чем перейти к существу дела, по возможности кратко охарактеризуем смысл и ход полемики.

В 60—70-е годы в зарубежной марксистской литературе, а также в ряде работ советских историков был поставлен вопрос о необходимости конкретизации, изменения господствовавших в нашей науке представлений об общественной формации, о характере формационного деления человеческой истории.

Известно, что в 30-е годы в марксистской литературе утвердился и несколько десятилетий не подвергался сомнению взгляд, согласно которому история в своем поступательном развитии проходит пять качественно своеобразных этапов — общественно-экономических формаций: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую, первой фазой которой является социализм. Последовательная и закономерная смена этих формаций выражает внутреннюю логику мирового развития, единство и направленность всемирно-исторического процесса, основную линию общественного прогресса.

Однако в послевоенный период эта общая теоретико-методологическая позиция начала в большей или меньшей степени подвергаться сомнению и критике. Так, было обращено внимание на то, что приведенная схема формаций не включает азиатского способа производства.

Возникновение дискуссии по проблеме формаций в среде историков обусловлено прежде всего объективными процессами, происходящими в мире. Достаточно упомянуть о выходе на историческую арену народов Азии, Африки и Латинской Америки, практически опровергающих европоцентристский подход к мировой истории, возросшую роль развивающихся стран во всех международных делах и необходимость теоретически осмыслить и связать их современные проблемы с их историей. Стремление применить марксистско-ленинскую теорию общественного процесса к анализу

конкретной истории своей страны или региона и увязать этот анализ с общей линией мирового развития неизбежно подводит марксистских авторов к постановке новых, в том числе и дискуссионных, проблем исторической науки.

Другим фактором, вызвавшим дискуссию, послужило развитие социального познания и накопление все нового материала об истории отдельных стран, народов и регионов, не укладывающегося в сложившиеся представления об особенностях докапиталистических формаций. Этот факт отмечают как сторонники, так и противники признания азиатского способа производства. «...Традиционные представления о рабовладельческом и феодальном способах производства действительно в какой-то мере не соответствуют новому фактическому материалу, — пишет, например, Ю. В. Качановский. — Политэкономия докапиталистических обществ, в особенности древних, разработана еще явно недостаточно. А это порождает весьма серьезные трудности для исследователей, анализирующих конкретный материал. В свете всего этого центральное направление в дискуссии, которая уже сейчас явно обозначается в выступлениях зарубежных, а также и советских марксистов, — это дальнейшая разработка теории докапиталистических формаций»¹.

Таким образом, новые факты действительности и новые завоевания науки объективно выдвинули задачу не только конкретизации общей теории формаций применительно к отдельным странам или регионам, но и утверждения, обогащения и развития ее объективного общего содержания.

В дискуссии ставились конкретные вопросы, связанные с определением формационной принадлежности того или иного общества, существовавшего в прошлом или существующего в настоящее время, и другие подобные конкретно-исторические проблемы. Поиски ответа на них следует отнести к компетенции исторической науки. В рамках исторического материализма подобные проблемы решаться не могут. Богатый опыт выработки правильных взаимоотношений философии и конкретных наук показывает, что необходимо избегать, с одной стороны, некритической зависимости от конкретно-научной позиции той или иной научной школы, а с другой — стремления путем философской дедукции решать конкретно-научные проблемы. Но это, конечно, не значит, что философы могут вообще устраняться от обсуждения конкретно-научных проблем.

Вопрос об азиатском способе производства породил на дискуссии целый спектр ответов. При этом однозначным был лишь отри-

¹ Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971, с. 48.

пательный ответ, ответ тех, кто считает, что никакого особого азиатского способа производства нигде, в том числе и на Востоке, не было. Те же, кто признают существование азиатского способа производства, характеризуют его по-разному: это особая универсальная стадия в развитии человеческого общества, переживающего переход от доклассового общества к классовому; это стадия хотя и не универсальная, но необходимо возникающая в странах Востока, где земледелие основывается на искусственном орошении и где важные экономические функции возлагаются на деспотическое государство, выступающее надобщинным эксплуататором крестьян; это своеобразное смешение рабовладельческого и феодального укладов хозяйства; это разновидность феодализма. Кроме того, высказывалось обоснованное довольно умозрительно мнение, что азиатский способ производства возникает на основе особой «кабальной» формы эксплуатации человека человеком.

В ходе дискуссии подчеркивалась мысль о том, что вопрос о существовании азиатского способа производства может быть решен лишь конкретно-научным исследованием. Однако последнее всегда стимулируется теоретической установкой, хотя бы в виде гипотезы. Весь ход дискуссии показал, что различие точек зрения определяется не фактами самими по себе, ибо к одним и тем же фактам апеллируют и сторонники азиатского способа производства, и их оппоненты, а разницей в их интерпретации. Более того, из одних и тех же широко известных работ основоположников марксизма-ленинизма сторонники азиатского способа производства и их оппоненты делают противоположные выводы.

Поэтому, хотя проблема азиатского способа производства конечно же должна решаться конкретно-историческим исследованием, без предварительного решения некоторых принципиальных вопросов в рамках философско-социологической теории такое исследование вряд ли достигнет цели. Далее, проблему азиатского способа производства, как оказалось, нельзя рассматривать изолированно, и дискуссия об этом способе производства переросла в обсуждение, по существу, всей теории докапиталистических формаций, включая вопросы о том, существует ли единство и однозначная последовательность в развитии и смене формаций, как соотносится теоретическая схема формационного развития, так называемая «пятичленка», с реальным многообразием истории и т. д. Вновь возник старый спор о том, можно ли говорить о едином пути развития Запада и Востока, или же киплинговское: «Запад есть Запад. Восток есть Восток, и вместе им не сойтись» — фиксирует действительный плюрализм мировой истории? Короче говоря, дискуссия переросла в спор по методологическим вопросам исторической науки, который не может быть разрешен лишь апелляцией к конкретно-научным фактам и их непосредственному

обобщению. Отталкиваясь от реальных факторов истории, нельзя с помощью простой индукции прийти к общим теоретическим выводам относительно логики мировой истории, так же как нельзя выводить некие обязательные пути развития каждого конкретного общества путем формальной дедукции из общих принципов исторического материализма. «...Материалистический метод,— подчеркивал Ф. Энгельс,— превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты»¹.

Методологическая слабость участников дискуссии состоит в том, что они, ставя вопрос о конкретном проявлении смены формаций в истории и о том, сколько их было, не проводят различия между логикой всемирной истории и ее конкретно-историческим проявлением. Между тем, как нам кажется, до тех пор, пока это различие не будет четко зафиксировано и последовательно проведено в научном исследовании, спор не сможет быть разрешен и вообще не может быть плодотворным, ибо одна сторона будет апеллировать к явлению, а другая — к сущности, одна — фиксировать внимание на фактах истории, другая — на ее законах. Нетрудно заметить, что обе стороны оказываются правыми и неправыми в одно и то же время.

Ситуация, сложившаяся в ходе дискуссии об азиатском способе производства, имеет, как нам кажется, примечательную аналогию с ситуацией в политической экономии, проанализированной К. Марксом в четвертом томе «Капитала». Мы имеем в виду попытки домарксовых экономистов выйти из затруднения, возникшего, когда обнаружилось несовпадение закона стоимости и реальной практики обмена. Как известно, одни экономисты «разрешали» проблему отрицанием закона стоимости, другие — противоречащих ему эмпирических фактов. Первые апеллировали к явлению, вторые — к сущности. На деле, как показал Маркс, задача действительного научного познания состоит в том, чтобы, не отбрасывая ни эмпирические факты, ни открытый теорией закон, вскрыть те посредствующие звенья, которые придают проявлению закона не совпадающий с ним или даже противоречащий ему вид.

Руководствуясь этой методологической установкой, можно сделать вывод, что неправомерно связывать вопрос о судьбе марксистской теории формаций с признанием или отрицанием азиатского способа производства, равно как и отождествлять любое решение о наличии или отсутствии конкретного исторического состояния с признанием или отрицанием общей закономерности истории, подобно тому как эмпирические акты обмена товаров нельзя не-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 351.

посредственно соотносить и тем более отождествлять с законом стоимости. Эмпирическое многообразие мировой истории, сложность, зигзагообразность развития отдельных стран или регионов, своеобразие судеб отдельных народов столь же мало опровергает логику всемирной истории, как и тот факт, что бочка выдержанного вина стоит дороже такой же бочки молодого вина, опровергает трудовую теорию стоимости. И сколько бы таких фактов, «опровергающих» теорию стоимости, конкретное исследование товарного обмена ни подобрало, с какой бы точностью оно их ни зафиксировало, это еще не значит, что наука должна отказаться от открытого ею закона стоимости. Подчеркнем также, что установление того эмпирического факта, что большинство актов обмена (как правило, почти все) совершается вовсе не по стоимости, также не имеет значения для решения вопроса об истинности или ложности закона стоимости. Именно потому, что эти отклонения наука объясняет.

Вопрос об общих законах истории, придающих ей единство и определенную последовательность, не тождествен вопросу о том, какие эмпирически конкретные общества существовали в той или иной стране или регионе и какие конкретные этапы в своем развитии они проходили. Похоже, что здесь повторяется ошибка, допускавшаяся в дискуссиях по проблемам естественных наук, когда, как, скажем, в биологии, конкретно-научный вопрос о том, существует ли или не существует ген, непосредственно связывался с признанием или отрицанием материализма и диалектики. Философия марксизма вообще и исторический материализм в частности — это лишь руководство к познанию, и никаким эмпирическим фактам из их бесконечного многообразия это руководство по самому своему существу противоречить не может. Если какой-то народ, как устанавливает исследование, действительно перешел от первобытного строя непосредственно к феодализму, то одинаково нелепо делать отсюда как тот вывод, что это отменяет закономерную последовательность формаций, так и тот, что этот действительный факт невозможен, поскольку он противоречит теории.

Итак, главное, как нам представляется, заключается в том, что дискуссия остро поставила вопрос о методологии, о соотношении эмпирического описания истории и ее теоретического воспроизведения. Вся трудность состоит в определении объективного содержания последнего, природы категорий науки и метода оперирования ими. Одни участники дискуссии считают, что коллизия между имеющимся у них представлением о марксистской теории общественного развития и новыми фактами науки сразу же разрешается, как только принимается и разрабатывается понятие «азиатский способ производства»: действительность осмыслена, «пятичленка» отброшена, все проблемы решены. Их оппоненты согласны, что но-

вые факты не укладываются в понятия рабства, феодализма и пятичленную периодизацию истории, и предлагают «уточнить» эти понятия, привести их в соответствие с новыми фактами.

Обе стороны, таким образом, пытаются разрешить противоречие социального познания — в данном случае между единством в сущности и многообразием в явлении — с помощью его простого устранения в понятии. Но на этом пути проблема решена быть не может. Мысль должна правильно отразить противоречия жизни и тем самым помочь их действительному разрешению. И если кто-то считает, что марксова концепция естественноисторического характера развития формаций требует уточнений или даже изменений, то он должен доказать ее несовпадение с сущностью мировой истории, с действующими там общими законами развития производства, а вовсе не то, что она не совпадает с конкретно-историческими проявлениями этой сущности.

Однако дискуссия об азиатском способе производства не бесплодна. В ходе ее был дан детальный анализ особенностей докапиталистических формаций, что обогатило наши представления о них. Было конкретизировано и углублено понимание различий между докапиталистическими формациями и капитализмом, воспроизведены и обсуждены положения К. Маркса по этому вопросу, что имеет весьма актуальное теоретико-методологическое и практически-политическое значение. Переходы внутри докапиталистических формаций, от докапиталистических формаций к капиталистической, а тем более от капитализма к коммунистической формации предстают в этом смысле как переходы разного масштаба. Обогатились также конкретно-исторические представления о материальных общественных отношениях на основе исследования и разграничения личных и вещных отношений как специфических для докапиталистических формаций и капитализма.

Дискуссия привлекла внимание к анализу основного экономического отношения, характеризующего способы производства различных докапиталистических формаций¹, что только и может послужить основанием для разграничения «азиатского» и «античного» способов производства и дать ответ на пока еще дискуссионный² вопрос о том, образовывали ли социальные структуры, определяемые как «азиатский» способ производства, особую формацию.

Вместе с тем дискуссия высветила ряд проблем исторического

¹ В связи с этим достойна упоминания серия работ Р. М. Нуреева, в особенности «Признаки основного производственного отношения и дискуссия об азиатском способе производства» (см.: Процесс обобществления производства в различных социально-экономических условиях. М., 1974); Проблемы азиатского способа производства в советской историко-экономической литературе (Вестник МГУ, серия «Экономика», 1979, № 5).

² См.: Федосеев П. Н. Диалектика современной эпохи. М., 1978, с. 72—73.

материализма, которым необходимо дать более всестороннее — с учетом современных потребностей — обоснование, способствовать преодолению их упрощенной трактовки. Это проблемы, касающиеся естественноисторического процесса развития и смены формаций:

1. Как выработано понятие «общественно-экономическая формация» и каково его содержание?

2. Чем детерминируется ход истории и можно ли выделить основную детерминанту, общую для всех конкретно-исторических социальных образований.

3. Если такая детерминанта есть, то каков механизм ее реализации, придающий общественному развитию характер естественноисторического процесса, и как соотносятся развитие общества, фиксируемое теорией исторического материализма, и реальный ход истории, изучаемый исторической наукой?

К рассмотрению этих вопросов мы теперь и перейдем. Начнем с понятия общественно-экономической формации. В его трактовке встречаются две одинаково ошибочные крайности. Понятие формации рассматривается либо как нечто эмпирически общее, образованное путем непосредственного обобщения конкретной истории, либо как некая мысленная конструкция на манер идеальных типов М. Вебера, как идеальная модель определенного общества, полученная, однако, путем выделения общих черт реально существующих конкретных обществ.

Эти позиции нашли отражение и в упомянутой дискуссии. Сторонники азиатского способа производства полагали, что в развитии ряда древневосточных обществ существуют принципиальные особенности, которые отличают становление и развитие там классового общества от аналогичного процесса в Европе в период рабства и феодализма, и что сущность эволюции этих обществ и их современное состояние нельзя понять, абстрагируясь от этой специфики.

Противники азиатского способа производства не отрицают наличия этих специфических особенностей, но считают их недостаточно существенными для выделения древневосточных обществ в особую формацию. По их мнению, речь может идти лишь о специфическом проявлении общего, обусловленного конкретным воздействием географических, исторических и иных обстоятельств, от которых можно и нужно отвлекаться. Тогда эти общества можно будет отнести ко вполне определенным формациям — рабству, феодализму, — соответственно уточнив эти понятия. Нетрудно заметить, что общим методологическим принципом для обеих спорящих сторон является подход к формации как к понятию, полученному на уровне эмпирического познания. Только в одном случае специфические черты реальных исторических образований (древ-

невосточных обществ) признаются существенными, в другом — от них считают возможным отвлечься.

Но выработать понятие формации принципиально невозможно, если исходить из непосредственного обобщения эмпирической истории, подобно тому как нельзя дать определение сущности человека путем выделения общих черт реально существующих человеческих индивидов. Оставаясь на уровне простого суммирования общих признаков ряда исторически конкретных социальных образований, можно прийти лишь к тощим, лишенным научной значимости определениям. Имея все это в виду, легко понять, почему авторы, считающие выработку понятия формации результатом непосредственного вычленения некоторых общих признаков, присущих социальным организмам конкретной эпохи, сталкиваясь с отсутствием этих признаков или некоторых из них в других обществах той же эпохи, делают вывод о непригодности существующего определения формации для исторической науки. Неизбежным следствием указанного подхода к выработке понятия формации является представление о ней как о некоем шаблоне или модели, с которыми соотносятся реальные общества, причем последние сплошь предстают «отклонениями от правил», «исключениями из образца». Стоит отметить, что сложность проблемы понимал уже М. Вебер. «Хитроумность» его идеальных типов в том и состоит, что они удовлетворяют потребность историка в обобщении («типами» он их называет потому, что они должны дать характеристику общих черт исследуемых явлений) и в то же время позволяют снять претензии на объективность познания («идеальными» он их называет потому, что это мысленные конструкции, нигде эмпирически не фиксируемые, а всецело зависящие от точки зрения исследователя). Понятие формации — это не идеальный тип и в то же время не эмпирически общее. Выработано оно не на основе выделения общих черт различных эмпирически существующих обществ, а путем теоретического проникновения в сущность общественной жизни.

Становление марксизма, формирование взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса убедительно показывает, что, хотя они придавали большое значение изучению исторических фактов, к открытию, сначала гипотетическому, научного понимания истории, к выработке понятия формации они шли не от непосредственного обобщения эмпирической истории. Исчерпывающие разъяснения на сей счет дал В. И. Ленин: «Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

Согласовать науку об обществе с материалистическим основанием, как мы видели, позволило К. Марксу открытие того, что общественно-производственные отношения людей складываются в процессе их материальной трудовой деятельности. Эти производственные отношения и характеризуют сущность определенного общества, позволяя тем самым отбросить разговоры об обществе вообще и исследовать законы развития исторически конкретных обществ — общественно-экономических формаций. Таким образом, именно выделение материальных общественных отношений послужило основой выработки этого понятия. «Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества»¹.

Как показал В. И. Ленин, именно выделение производственных отношений поставило изучение истории на объективную научную основу, так как, во-первых, позволило обнаружить в «порядках» разных стран общее, существенное, закономерное и ввести тем самым в науку об обществе критерий повторяемости, возможность чего отрицали субъективисты (неокантианцы и др.); во-вторых, с выделением производственных отношений в науке появился критерий, позволяющий отличать в общественной жизни существенное от несущественного, второстепенного, что дало твердую основу для объективного подхода к истории.

Выделение производственных отношений открыло перспективу объективного анализа истории, потому что именно они выступают *системообразующим фактором социальной реальности*. В. И. Ленин называет производственные отношения «скелетом» формации. Это очень точный образ; при всех конкретных модификациях формации общие рамки возможных вариаций определяются именно строением ее «скелета». Производственные отношения, будучи материальной формой развития производительных сил, вместе с тем образуют экономический базис всей формации.

Ясно, что эти выводы невозможно было сделать лишь на основе простого обобщения эмпирических данных. Но они свидетельствуют и о том, что понятие формации неверно было бы интерпретировать и как лишь мысленную конструкцию, специально созданную для упорядочения исторических фактов. Обычно подобная трактовка подвергается критике на том основании, что формация — не только теоретическая модель, характеризующая общие черты данной ступени исторического развития. Мы же хотим подчеркнуть еще и другое, а именно то, что формация — не только теоретическая абстракция и не только общее в особенном, но и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 442.

некая социальная реальность. Марксистский историзм обязывает исследовать особые исторические образования, которые демонстрируют «богатство конкретного развития», то есть *общее в его классическом проявлении*. Такие, например, широко известные понятия, как «американский» или «прусский» пути развития капитализма, демонстрируют общее в его полном и в то же время конкретном выражении. Чтобы эти понятия не превращались в схему, эталон, «идеальный тип», они должны рассматриваться исторически, как определенный результат предшествующего и предпосылка последующего развития, то есть не абстрактно, а в конкретно-исторической особенности. Короче, это особенное должно быть понято как наиболее полное проявление общего и вместе с тем как такое общее, которое реально существует как исторически конкретное и, следовательно, должно быть понято в своей особенности. «...Общее,— писал Маркс,— являясь, с одной стороны, всего лишь *мыслимой differentia specifica*, вместе с тем представляет собой некоторую *особенную* реальную форму наряду с формой особенного и единичного»¹.

Таким образом, понятие, выработанное путем формально-логического вычленения некоторых общих черт, присущих эмпирически конкретным социальным образованиям, и понятие, выработанное путем проникновения в сущность исследуемого явления и фиксации существенно общего в нем, не совпадающего с эмпирически общим у всего класса данных явлений, различаются как абстрактно-всеобщее и конкретно-всеобщее понятия. «Человек — животное с мягкой мочкой уха». Эта абстрактно-общая характеристика верна по отношению ко всем людям, но она мало что дает для действительного понимания человека и его истории. «Человек — животное, производящее и употребляющее орудия труда». Формально это определение неприменимо к любому эмпирически конкретному индивиду, но только оно дает ключ к пониманию сущности человека, истории его становления и развития. Вместе с тем это конкретно-всеобщее понятие имеет не только идеальное, но и реальное существование. *Понятие формации существует и как существенно-общее, и как наиболее развитое, классическое его проявление в отдельном.*

Может создаться впечатление, что наличие в истории типичного выражения определенной формации облегчает пользование этой категорией. На самом деле это обстоятельство значительно усложняет применение понятия формации в конкретном исследовании. Например, тот факт, что античная Греция явила собой классический образец рабовладельческого общества, создает иллюзию, будто здесь можно в чистом виде наблюдать процесс возникновения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 437.

этой формации из предшествующей и ее переход в последующую. Поскольку же исторические исследования этого не подтверждают — ни античная Греция, ни рабовладельческий Рим непосредственно не совершили перехода к феодализму, — делается вывод, что их путь уникален, что рабство не является необходимой ступенью общечеловеческого развития, а Греция и Рим представляют тупиковые ветви конкретно-исторического процесса¹. Однако классическое проявление формации в конкретной истории не отменяет того факта, что это понятие характеризует не этапы развития каждого народа, а необходимые ступени всемирно-исторического процесса. Формация, взятая как категория исторического материализма и рассматриваемая как характеристика этапов мировой истории, связана с категорией «всемирность», в которой фиксируется объективно необходимая связь многообразных социальных процессов в качестве условия движения мировой истории как развития и смены формаций.

Не менее важным для понимания содержания и значения понятия формации является то, что оно выработано вовсе не как некая абстракция, безотносительно к решению определенных познавательных задач. Поскольку понятие «формация» разработано как категория исторического материализма, то есть для решения вполне определенных познавательных задач, и служит, как и любая категория, «ступенькой для овладения сложной сетью явлений» (В. И. Ленин), постольку и пользоваться ею надо не абстрактно, а в рамках ее специфических познавательных возможностей.

Исторический материализм раскрыл магистральную линию развития истории человечества от первобытной дикости через ряд необходимых этапов к современной эпохе перехода человечества к коммунизму. Для характеристики отдельных стадий единой всемирной истории человечества и было выработано понятие «общественно-экономическая формация», фиксирующее эволюционирующую единицу всемирной истории и имеющее для познания ее логики такое же значение, как вид в биологии для познания магистральной линии развития органического мира. В то же время развитие реальной истории людей, складывающееся из истории отдельных народов, стран, регионов, далеко не всегда совпадает с логикой магистрального развития, соответствует последовательному прохождению этапов общественного прогресса. Непосредственному взору исследователя история человечества предстает в виде огромного многообразия конкретных «историй», индивидуальные судьбы которых многообразны и неповторимы.

Итак, *формация есть категория исторического материализма.*

¹ См., например: Штайерман Е. М. Античное общество, модернизация истории и исторические аналогии. — Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, кн. 1, с. 647.

При изучении конкретной истории следует обязательно учитывать, что понятие формации отражает и характеризует *сущность исторического процесса*, его единство или внутреннюю логику развития, а не конкретную историческую реальность во всем ее многообразии. Оно служит лишь средством изучения конкретной истории, а не шаблоном, под который можно подгонять конкретный ход развития той или иной социальной общности. И трудности, как это неоднократно подчеркивали основоположники марксизма-ленинизма, тогда только и начинаются, когда, опираясь на это понятие философско-социологической теории, необходимо перейти к непосредственному историческому исследованию. Можно, конечно, избежать этих трудностей, устраняя из реальной истории все, что не укладывается в общую теорию, или отказываясь от теории, чтобы остаться верным эмпирической реальности. Но к марксистско-ленинской науке это не имеет никакого отношения.

3. Категория общественно-экономической формации: содержание и структура

«...Главная особенность понятия формации в том, что оно отражает только важные, только существенные явления, т. е. только такие принципиальные особенности социальных порядков, которые в основном единообразно повторяются в разных странах и которые можно обобщить»¹. Исходя из этого положения, обычно включают в понятие формации три основных элемента. «Известно,— пишет, например, Е. М. Жуков,— что общественно-экономические формации складываются как единство производительных сил, производственных отношений и надстройки на определенной ступени исторического развития»². Однако изучение трудов классиков марксизма показывает, что в них содержание понятия формации характеризуется вовсе не однозначно. Фиксируя это обстоятельство, многие участники дискуссии о категории «социально-экономическая формация», проведенной центром марксистских научных исследований Французской коммунистической партии в 1971 г., вообще отрицали научную определенность этой категории. Классики марксизма, утверждали они, употребляли термин «формация» в самом различном значении. И это-де должно быть возведено в принцип. В связи с этим предлагалось вместо категории «общественно-экономическая формация» пользоваться целым «семейством» категорий, объединенных термином «формация».

¹ Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971, с. 35.

² Жуков Е. М. Методологические проблемы теории общественно-экономической формации.— Общественно-экономические формации. М., 1978, с. 40.

Нам представляется, что в рамках исторического материализма можно выделить *несколько основных аспектов определения формации*.

Как категория, призванная вычленивть в сплошном потоке истории качественно определенные, относительно устойчивые образования, «*формация*» имеет своим содержанием *исторически определенные производственные отношения*. Именно вычленение основного производственного отношения, выступающего как совокупность отношений в производстве, обмене деятельностью и распределении, позволяет не только строго научно отделить один этап истории от другого, скажем феодализм от рабства или капитализма, но и вскрыть в сугубо индивидуализированных, неповторимых порядках разных стран существенно общее. «...Анализ материальных общественных отношений,— подчеркивал В. И. Ленин,— сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*»¹.

Иное содержание имеет категория «*формация*» в том случае, когда она выражает исторически конкретный тип проявления определенных производственных отношений. Как известно, историю становления и развития капиталистической формации К. Маркс изучал на примере Англии. Результатом его исследования явился «Капитал» — образец научного анализа формации. Какой же смысл Маркс вкладывает здесь в понятие формации? Классический ответ на этот вопрос опять-таки дает Ленин. «Скелет» формации, исследуемой в «Капитале», составляют производственные отношения. «Все дело, однако, в том,— подчеркивает Ленин,— что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что — *объясняя* строение и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью». И далее Ленин дает развернутую характеристику содержания понятия «*формация*»: Маркс показал «*всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями*»².

Очевидно, что, характеризуя содержание понятия «*формация*» применительно к исторически определенному обществу на данном

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

² Там же, с. 138—139.

этапе его развития, В. И. Ленин вовсе не сводил это содержание к трем элементам — производству, базису и надстройке. Он говорит и о присущих формации бытовых сторонах, и о семейных отношениях, и о классах, и о вытекающем из характера производственных отношений своеобразии их взаимоотношений и т. д. При этом следует учитывать, что, показывая в «Капитале» всю капиталистическую формацию как живую на типичном примере Англии, К. Маркс писал не просто о специфических классах английского общества, об английской семье или своеобразии быта, а имел в виду классы именно *капиталистического* общества, специфику *капиталистической* семьи и т. д. Таким образом, и в данном случае вырабатывается теоретическая абстракция, но уже приближающаяся к специфической реальности той или иной конкретной капиталистической страны. «В действительности же всегда имеется налицо лишь некоторое приближение; но приближение это тем больше, чем полнее развит капиталистический способ производства...»¹.

Это означало, что, хотя в обществе (как и в природе) нет индивидуальных явлений, абсолютно соответствующих своему понятию, отсюда не следует, что понятия надо рассматривать как чистые абстракции, вычлняющие общее в явлениях и не имеющие непосредственного аналога в действительности. Понятие формации (как, впрочем, и любое другое научное понятие) надо рассматривать и как абстракцию (дающую одностороннее отражение объекта), и как конкретное понятие (отражающее полноту явления), если его рассматривать в той точке, «где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы»².

Подводя некоторый итог сказанному, отметим, что необходимо различать *принцип*, на основе которого стала возможной выработка понятия «формация», позволившего отделить один период истории от другого, и само *содержание* этого понятия, характеризующее формацию как особый социальный организм, имеющий специфические законы возникновения, функционирования и развития.

Категория «общественно-экономическая формация» — своеобразный итог теоретического осмысления общественной жизни и ее истории, которая представляет, с одной стороны, *развернутый во времени процесс восхождения от одной ступени общественного развития к другой, от первобытнообщинного строя через антагонистические формации к коммунизму и, с другой — совокупность развернутых во времени и пространстве процессов развития отдельных стран, народов, государств, региональных объединений.* Поэтому, анализируя содержание этой категории, надо иметь в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 191—192.

² Там же, т. 13, с. 497.

виду обе ее соотносительные характеристики. Как понятие, позволяющее расчленять всемирную историю на различные этапы, формация фиксирует то существенно общее, что их отличает; как понятие, характеризующее своеобразие каждого из этих этапов, скажем капиталистическую или коммунистическую формацию, она фиксирует данное общество во всем богатстве его проявлений. Само по себе понятие формации не дает конкретных званий ни об истории какой-либо страны или региона, ни об истории человечества в целом, но оно позволяет отбросить разговоры об обществе вообще и приступить к изучению любого из конкретных обществ, поскольку дает объективные критерии их выделения, разграничения и целостной характеристики. Понятие формации служит как познанию единства всемирной истории, так и исследованию присущих ей различий. Именно поэтому категория «общественно-экономическая формация» рассматривается как краеугольный камень материалистического понимания истории, значение которой для всего обществознания трудно переоценить.

Само собой разумеется, и об этом мы уже говорили, выработать понятие формации было нельзя, не вскрыв родовое единство человечества, не показав, что любое исторически конкретное общественное образование в своей сущности характеризуется определенными производственными отношениями, внутри и посредством которых только и может осуществляться производство и воспроизводство непосредственной жизни. Без раскрытия того общего, что присуще истории людей, выработать понятие формации было бы, конечно, невозможно. Но значение его состоит как раз в том, что оно позволяет приступить к изучению исторически определенного общества во всем богатстве его характеристик. Таким образом, *вычленение производственных отношений как того, что отличает одну формацию от другой, есть необходимая предпосылка рассмотрения каждой из них как конкретной целостности.* В этом, последнем, случае и возникает необходимость всестороннего исследования содержащая этого понятия и рассмотрения структуры социального организма как системы взаимосвязанных элементов.

Важнейшим структурным образованием любой формации, определяющим ее формирование, функционирование и развитие, является *способ производства материальных благ*, необходимых для жизни людей. Выделение производства в качестве материально-экономической основы любого общества, определяющей в конечном счете возникновение и развитие всех других элементов социальной системы, и есть конкретное проявление принципа материализма при анализе общественной жизни. Вместе с тем такое выделение стало возможным лишь на определенном этапе истории. Как и все категории исторического материализма, понятие «производ-

ство» — абстракция, имеющая значение для всех общественных форм. Это, однако, не значит, будто ее можно выработать на любом этапе истории и с помощью формально-логических познавательных средств. Только при капитализме, когда понятие «производство вообще» выступает как «практически истинное»¹, создается возможность и его теоретической фиксации.

Реализовать же эту возможность и действительно зафиксировать теоретическое содержание производства и его значение как основополагающего структурного элемента любой социальной системы можно, лишь исследовав эти проблемы в рамках исторического материализма и выразив результаты такого анализа в соответствующих категориях. Для этих целей нельзя воспользоваться категориями политэкономии, хотя, казалось бы, они характеризуют те же самые отношения. Когда исторический материализм исследует тот же объект, что и конкретная наука, он рассматривает его в ином отношении. Поэтому нельзя механически переносить категории частных наук в философско-социологическую теорию и наоборот.

Так, исторический материализм, как и политэкономия, используют для характеристики двух сторон производства категории «производительные силы» и «производственные отношения». Но если в политэкономии эти категории выработаны для анализа экономики общества, то в историческом материализме они служат исследованию общества в целом. В связи с этим они и содержательно несут различную нагрузку.

В политэкономии и в особенности в конкретной экономике производительные силы включают в себя все многообразие элементов, необходимых для производства материальных благ. Так, характеризуя в «Капитале» такой элемент производительных сил, как средства труда, К. Маркс называет и производственные здания, и используемые в производстве средства транспорта и связи, и сосуды, и бочки, и смазочные материалы, а не только орудия труда. Вместе с тем Маркс подчеркивает, что из всех средств труда наибольшее значение для понимания зависимости общественного состояния от уровня развития материально-технической базы имеют именно механические средства труда, совокупность которых он называл «костной или мускульной системой производства». Исторический материализм, который характеризует средства труда не с точки зрения их роли в процессе производства, а именно с точки зрения их *воздействия на состояние общества в целом*, фиксирует внимание на указанном положении Маркса. Поэтому, выделяя в производительных силах средства труда как их определяющий элемент, исторический материализм указывает: экономические

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 41.

эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда.

Характеризуя производительные силы как социологическую категорию, исторический материализм включает сюда два основных элемента, существенно важных для социологического анализа: орудия труда, которые выступают материальным показателем меры познания и практического господства человека над природой, и людей — трудящихся, обладающих определенным опытом, навыками и знаниями, необходимыми для того, чтобы производить орудия и приводить их в движение.

Если бы экономисты, скажем разрабатывающие проблемы экономики сельского хозяйства, исходили бы непосредственно из дефиниции производительных сил, сформулированной в рамках исторического материализма, и обосновывали бы ту мысль, что для подъема сельского хозяйства достаточно завезти в деревню новую технику и обеспечить ее использование специалистами, но не позаботились бы о запчастях, горючем и смазочных материалах, ремонтных мастерских и навесах для техники и т. д., то они принесли бы немалый вред практике и обнаружили бы к тому же непонимание методологической функции исторического материализма.

Так же в принципе обстоит дело и с категорией «производственные отношения». Как форма развития производительных сил, они исследуются и политэкономией, и историческим материализмом. Но если политэкономия рассматривает их во всем богатстве присущих им характеристик, общих и частных законов функционирования и развития, то исторический материализм рассматривает их только в их общесоциологическом качестве, то есть как *элемент социальной системы*, взаимодействующий с производительными силами, зависящий от них и в то же время придающий им определенное социальное качество. Исторический материализм исследует диалектику производительных сил и производственных отношений, общие законы их взаимоотношений и не вторгается в сферу конкретно-исторических законов функционирования и развития производственных отношений. В этом смысле политэкономия охватывает производственные отношения шире, всестороннее, чем исторический материализм. Но исторический материализм не ограничивается рассмотрением производственных отношений только как формы развития производительных сил. Он рассматривает их и в ином социальном качестве — как *базис* надстроечных образований и в этом смысле исследует их шире, богаче и всестороннее, чем политэкономия.

Исторический материализм рассматривает производственные отношения как *экономическую структуру общества*, как ту основу, которая порождает и определяет существование и развитие це-

лой системы надстроечных образований, то есть не только как форму развития производительных сил, но и как *содержание надстройки*. Для характеристики производственных отношений в этом их своеобразном качестве выработано особое понятие — «экономический базис общества».

Каждая общественно-экономическая формация характеризуется вполне определенными базисом и надстройкой. Реально, конечно, ни одна формация, даже в своем классическом проявлении, не выступает в чистом виде, как полностью соответствующая своему понятию, ибо только в абстракции она существует как нечто статичное, отделенное абсолютно строгими границами от предшествовавшей и последующей формаций. Рассматриваемая же в развитии, любая формация несет в себе остатки старого способа производства и зародыши нового, существующие в рамках данной формации в виде укладов хозяйства. Воздействие последних сказывается на конкретно-историческом характере базиса и надстройки каждого данного общества.

В связи с этим возникает необходимость более подробно осветить два вопроса: во-первых, каково содержание и значение тех понятий, в которых отражаются перечисленные структурные элементы формации, во-вторых, исчерпывается ли ими содержание понятия «формация»?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо прежде всего раскрыть значение понятия производства для всей теории формаций, не ограничиваясь констатацией того факта, что производство является основным условием существования людей любого общества. Научным открытием основоположников марксизма стало обоснование и доказательство того, что, осуществляя процесс производства, люди не только меняют природу, приспособляя ее к своим потребностям, но и меняют свою собственную природу, формируются и развиваются как социальные существа. Производя материальные блага, люди тем самым производят определенный уклад своей жизни, ибо способ производства — это определенный вид жизнедеятельности индивидов, «их определенный образ жизни»¹. Значение этого открытия в том и состоит, что им обосновывается фундаментальный вывод: строение каждой формации определяется присущим ей способом производства общественной жизни.

Способ производства есть материальная система, которую можно анализировать в категориях научного мышления. Возникает вопрос, в какой мере этот способ анализа применим ко всему обществу, включающему не только объективную, но и субъективную сторону? Иначе говоря, можно ли субъективную сторону истори-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966, с. 23.

ческого процесса анализировать с объективных позиций? Видимо, положительный ответ на этот вопрос может быть дан, если будет доказана материальная обусловленность субъективной стороны общественной жизни, то есть ее зависимость от материального производства.

Задача объективного анализа субъективной стороны общественной жизни — специфическая проблема общественных наук. Ее решение, как уже отмечалось, немыслимо без материалистической философской основы. Лишь с позиций материализма, утверждающего, что бытие определяет сознание, открывается возможность объективного анализа субъективной, вторичной, производной стороны исторического процесса.

Эта возможность впервые была реализована и воплощена в цельную концепцию историческим материализмом. Доказательство того, что содержательная и структурная характеристика надпроизводственных сфер определяются материальным производством, дано марксизмом в теории *базиса и надстройки*. Эти понятия были введены в науку К. Марксом, который, сопоставляя производственные отношения с социально-политическими структурами, пришел к выводу, что совокупность «производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹.

За внешней простотой этих определений скрывается целый комплекс сложных проблем, то есть теоретическое содержание, с которым нельзя обращаться произвольно, не ломая всей конструкции материалистического понимания истории. Именно через категорию надстройки материалистический подход распространяется на надэкономические сферы общественной жизни, чем создается возможность их научного анализа.

В самом определении этих сфер как надстройки уже заключена идея их зависимости от базиса общества, от материальных, складывающихся помимо воли и сознания людей экономических отношений. Линии этой зависимости многообразны и выявляются конкретно-историческим анализом. Методология указывает лишь на сам факт зависимости субъективной стороны от объективной и на этой основе выявляет принципы объективного анализа первой.

В определении К. Маркса заложена еще одна важная идея. Он выделяет именно политико-юридическую надстройку. Вряд ли это можно рассматривать как полную характеристику надстройки. Речь идет здесь, по нашему мнению, о ядре надстройки, главном

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6—7.

ее содержании, связанном с тем, что именно юридическая и политическая надстройка (государство, система права и т. д.) прямо выражает и закрепляет те отношения собственности, которые складываются в сфере базиса и характеризуют его специфику. При определении политико-юридической надстройки экономические отношения собственности тем самым приобретают новую форму выражения. Базис и политико-юридическую надстройку объединяет то, что в обоих случаях речь идет об отношении собственности, но в первом — об их экономическом содержании, а во втором — об их политико-юридической форме. Эта зависимость выражена в известных положениях марксизма, что политика есть концентрированное выражение экономики, а право — юридическое выражение собственности. Государство — основное учреждение надстройки классового общества, ее стержень. С его помощью класс, господствующий в экономике, становится господствующим и в сфере надстройки, в обществе в целом.

Такова основная линия детерминации надстройки: содержание и структура экономических отношений определяет содержание и структуру политико-юридической формы. В онтологическом плане таким путем образуется *структура общественно-экономической формации*. В методологическом — эта зависимость создает *возможность объективного научного анализа* всей сферы государства, политических и юридических отношений конкретного общества, определенной формации.

Но характеристика надстройки не исчерпывается указанием на ее зависимость от базиса. В отличие от экономических отношений, политико-юридические формы, надстроечные учреждения, организации и отношения не могут сложиться, не будучи опосредствованы сознанием людей. Поэтому, вступая в сферу надстройки, мы покидаем область материальных отношений, складывающихся помимо воли и сознания людей, и включаемся в систему отношений, которые формируются, «проходя через сознание» (В. И. Ленин), — отношений идеологических.

Идеологические отношения — иной тип отношений по сравнению с материальными. Они вторичны, производны от материальных. Это значит, что идеологические общественные отношения также не произвольны, не могут устанавливаться вне зависимости от материальных условий жизни общества. И в той мере, в какой они зависят от материальных отношений, они могут быть «выведены» из них. Например, так же как политический антагонизм классов буржуазного общества с необходимостью определяется противоположностью их экономических интересов, отношения дружбы, сотрудничества трудящихся классов с необходимостью порождаются социалистической общественной собственностью на средства производства.

Вместе с тем для идеологических отношений характерна и зависимость от общественного сознания, в результате чего в них включается субъективный момент. Так, политические отношения приобретают адекватную форму, лишь будучи опосредствованы политическим сознанием, правовые — при наличии соответствующих норм, выражающих волю господствующего класса, и т. д.

В идеологических отношениях мы впервые сталкиваемся с детерминирующей ролью сознания, идеологии, а следовательно, с проявлением их активности. Наличие этой второй детерминанты обуславливает большую вариативность надстроечных явлений по сравнению с базисными: в определенных границах на основе одного и того же базиса могут возникать своеобразные варианты надстроечных отношений и учреждений.

Активность общественного сознания, идеологии, проявляющаяся в их участии в формировании идеологических отношений, — только одна сторона взаимоотношения общественных явлений как социальных сил, во взаимодействии которых осуществляется развитие общественных формаций. Другая важная сторона — *обратное воздействие надстройки на породивший ее материальный базис*. Каналы такого воздействия разнообразны. Надстройка влияет на базис, поскольку составляющие ее учреждения выполняют определенные экономические функции в организации хозяйственной жизни общества. В этом плане особенно большую роль играет социалистическое государство, являющееся собственником основных средств производства¹.

Надстройка воздействует на базис и тем, что она определенным образом стимулирует деятельность людей. Она влияет на экономику, выполняя и социально-политические функции. Здесь важно учитывать ту особенность учреждений надстройки, что они выступают как идеологической, так и материальной силой. Политическое единство класса в условиях антагонистических формаций или общества при социализме воплощается в государстве, которое обладает материальными орудиями власти — армией, полицией (милицией), тюрьмами и т. д. Различные объединения, возникающие на основе идейного единства, скрепляются материальным единством организации, дисциплины и т. д. Даже моральное сознание, которое не подкрепляется в обществе какими-либо особыми учреждениями и организациями, охраняется силой общест-

¹ Некоторые экономисты возражали против экономической роли социалистического государства истолковали как превращение его экономических учреждений в элемент базиса. Из сказанного ясно, что такая точка зрения не выдерживает теоретической критики. См.: Об экономической деятельности государства и роли надстройки при социализме. — Коммунист, 1976, № 1; Загайнов Л. И. Социалистическое государство и законы экономики. М., 1975; Вербин А. И., Келле В. Ж. Базис и надстройка и механизмы социальной деятельности людей. — Философские науки, 1979, № 1.

венного мнения, то есть специфическим практическим воздействием на нарушителей морали или поощрением выполняющих ее требования.

То обстоятельство, что духовные элементы надстройки выражаются и подкрепляются материально, позволяет им служить проводником воздействия определенных идей на базис, *превращает идеи в материальную силу*. Без соответствующих элементов надстройки идеи оставались бы простым пожеланием и не могли бы воздействовать на развитие общества.

Таким образом, надстройка как идеологическая и материальная сила обладает относительной самостоятельностью и способностью обратно воздействовать на породивший ее базис, закреплять его политически и духовно, тормозить его развитие или, напротив, способствовать ему.

Надстройка — необходимый элемент каждой формации. Ведь люди, объединенные в общество с помощью материальных отношений, подчиняющиеся действию объективных законов, вступают в эти отношения и реализуют требования объективных законов как существа, одаренные сознанием и волей. Поэтому на базе материальных отношений с необходимостью возникают идеологические духовные образования, материализующиеся в соответствующих отношениях, учреждениях и организациях и образующие вместе с ними надстройку определенной формации. Она одна из тех социальных сил, во взаимодействии которых происходит развитие общественных формаций.

Материальные и идеологические отношения являются видами общественных отношений — многообразных связей, складывающихся между большими группами людей в процессе их деятельности в различных сферах общественной жизни. Как продукт взаимодействия людей, общество и образуется совокупностью этих отношений, в рамках которых формируются и существуют люди как социальные существа.

Общественные отношения следует отличать от *личных* отношений — любви, дружбы и т. д. Люди вступают в личные отношения как общественные существа, но сами эти отношения носят индивидуальный характер. На производстве и в быту, в семье и в коллективах, где люди поддерживают непосредственные контакты, личные отношения играют большую роль и изучаются рядом наук: психологией, историей, конкретной социологией в связи с проблемой общения. Проблема эта в последнее время привлекает большое внимание ученых, поскольку игнорирование наукой личных связей и недооценка роли общения образовали значительный пробел в нашей науке, без восполнения которого трудно, а иногда и невозможно изучать процессы, происходящие в семье, в трудовых коллективах, воспитание подрастающего поколения и т. д.

Методологический интерес представляет проблема соотношения общественных отношений и общения. Диалектика их взаимосвязи весьма сложна. С одной стороны, характер общения зависит от общественных отношений, от социальной принадлежности вступающих в общение людей; с другой — в самих личных отношениях проявляются общественные отношения; с третьей — отношения общения могут влиять на общественные отношения, вступать с ними в противоречия и т. д.

Заметим, между прочим, что выяснение диалектики общественных отношений и общения дает ключ к переходу от анализа глобальных социальных структур, больших социальных групп и отражающих их категорий (формация, базис, надстройка и т. д.) к анализу процессов, происходящих в «малых группах» — в трудовых коллективах, в семье и т. д. Иначе говоря, появляется возможность перейти на иной уровень анализа — от общей социологии к конкретной, от макросоциологии к микросоциологии, к изучению интимных процессов в микросреде индивида. Опыт развития социологических исследований в СССР показал, что неумение некоторых социологов перекинуть «мостик» от общих категорий исторического материализма к понятиям конкретной социологии может привести к недооценке и даже отрицанию значения исторического материализма для конкретных социологических исследований, его роли в качестве общесоциологической теории. В то же время без общих категорий, с помощью которых можно отразить существенные формы социального целого, невозможно понять и частные социальные явления, и процессы, происходящие в различных сферах общественной жизни.

Так, при исследовании классового общества всегда нужно учитывать, что здесь господствующей надстройкой являются учреждения и идеи господствующего в экономике класса. Государство, церковь, школа, средства массовой пропаганды и воспитания находятся в руках господствующего класса, и «в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу»¹. В ходе же развития классово антагонистических формаций, с обострением свойственных им антагонизмов появляется новая идеология, отражающая общественные противоречия с позиций тех классов, которые призваны эти противоречия разрешить. По своей природе новые идеи и соответствующие им организации и учреждения представляют тоже явления надстроечного характера. Но они противостоят господствующей надстройке, которая стремится их подавить или, по крайней мере, ограничить сферу их влияния, поскольку они направлены не на утверждение, а на разрушение, корен-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. *Противоположность материалистического и идеалистического воззрений*, с. 59.

ное изменение данного базиса, выступают элементами отрицания данной формации, порожденными ее собственным развитием.

В противоположность надстройке антагонистических формаций, связанной с интересами господствующих в экономике классов, в социалистическом обществе надстройка выражает интересы трудящихся масс — носителей социалистических производственных отношений — и потому служит не только орудием сохранения и защиты экономического базиса, но и могучим средством его изменения и развития в интересах самих масс. В то же время по своей природе она остается подчиненной общим законам развития надстроечных явлений.

Способ производства, базис и надстройка — основные элементы формации, поскольку они характеризуют ее материально-экономическую основу, социально-политический и духовный облик. Но общий теоретический анализ социальной системы, чтобы быть строго научным, не может игнорировать и другие реально существующие структурные элементы общества.

Чтобы разобраться в их многообразии, следует различать, по крайней мере, два подхода к анализу структуры общества. Первый подход заключается в ее рассмотрении как *объективной системы общественных явлений* — системы разнообразных социальных институтов, учреждений, организаций и других элементов социального целого. В этом плане можно выделить в структуре формации кроме базиса и надстройки такие явления, как естественные и технические науки, язык, сфера быта, а также досуга, спорта и развлечений и т. д.

Второй план анализа возникает, когда в обществе выделяются не компоненты социальной системы, а *группы людей*, различающиеся на основании существенных и объективных критериев. Здесь выявляется *собственно социальная структура*, включающая такие образования, как исторические формы семьи, определенные исторические общности людей (племя, народность, нация, международная общность), классы (основные, неосновные, социальные слои, прослойки), сословия, касты, наконец, социально-профессиональные группы, различные типы поселений (город, село) и т. д.

Хотя обе эти структурные сетки в реальной жизни не существуют изолированно, пересекаются, в методологическом отношении их важно различать. Без такого различения было бы трудно перейти от характеристики закономерного развития общества к анализу человеческой деятельности в истории, к изучению форм проявления общественных закономерностей в деятельности людей.

Но исследование всех структурных элементов общества, в каком бы плане мы их ни выделяли, опирается на некоторые общие принципы, которые можно свести к следующим:

исследование *специфической природы* данного явления, отличающей его от других *явлений*;

определение специфической потребности системы, на основе которой с необходимостью появляется данное явление, иначе говоря, выяснение *функции, роли* этого явления в системе;

установление *места* данного явления в целостной социальной системе и *характера его связи* с другими структурными элементами формации и его отношения к ним;

выяснение *особенностей его развития*.

Реально существующие и развивающиеся общества предстают перед познанием в виде сложных, многообразных социальных организмов. Глубокий анализ составляющих конкретный общественный организм явлений, выяснение их специфики, характера их взаимосвязи с основными и неосновными структурными элементами данного общества, учет своеобразной роли каждого элемента в жизни и развитии общества имеет огромное теоретическое и практическое значение. Ведь особенности каждого общественного явления определяют наше отношение к нему, в силу чего неправильное определение его специфики чревато тяжелыми практическими последствиями.

Подводя итог анализу структурных элементов общества, целесообразно еще раз подчеркнуть, что общественная формация, рассматриваемая как исторически определенный социальный организм, — это весьма сложная и многообразная социальная система. Исторический материализм как руководство к ее познанию нацеливает общественные науки на необходимость *учитывать все стороны общественной жизни, все общественные явления в их социальных связях и взаимодействиях*. Поучительно в этом отношении замечание Ф. Энгельса, содержащееся в письме к Й. Блоху от 21—22 сентября 1890 г.: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, то есть до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки»¹. И характерно, что в этом же письме в качестве «великолепного образца» применения теории Энгельс приводит работу Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» — работу, в которой конкретный период в истории Франции анализируется не только с точки зрения состояния экономики, но и с учетом активного воздействия на эту,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 396.

в конечном счете определяющую, детерминанту всего многообразия общественных явлений.

Категория формации потому и помогает овладевать сложной сетью общественных явлений, потому и выполняет методологическую роль, что характеризует целостное общество во всем богатстве его проявлений. Если обеднить содержание этого понятия, свести его только к некоторым структурным элементам и игнорировать другие, то при анализе конкретного общества не возникнет правильного представления о нем.

Всесторонность подхода есть важнейшее требование диалектики. Для действительного познания предмета надо охватить все его стороны, связи и опосредствования. Реализовать это требование можно только при бесконечном развитии познания. В каждой же конечной точке процесса познания никогда нельзя раскрыть абсолютно все связи и отношения предмета, в данном случае общества, но само требование всесторонности предостережет нас от ошибок, от омертвления наших сегодняшних относительных представлений об обществе. Чем ближе мы будем подходить к истине, тем больше обнаружится ее сложный характер и неисчерпаемость.

4. Об основной детерминанте общественного развития

Идея естественноисторического характера общественного прогресса есть результат применения материализма к развитию общества, то есть трактовка этого развития как определяемого не волей и сознанием человека, а объективными детерминантами — материальными условиями, законами. В предшествующем изложении уже шла речь о теоретико-методологических принципах, являющихся необходимыми предпосылками такой трактовки. Это объективные материальные отношения общественного человека с природой и людей друг с другом; определяющая роль материальных базисных отношений в обществе; зависимость производственных отношений от производительных сил и т. д., а также выработка самого понятия общественно-экономической формации. Но обоснование и последовательное проведение идеи естественноисторического развития требует в нем выделения *основной, исходной его детерминанты*, а в связи с этим дальнейшей конкретизации тезиса о роли производительных сил в общественном прогрессе.

Хотя вопрос об основной детерминанте исторического процесса в марксизме давно решен, причем однозначно и вполне определенно, приходится с сожалением констатировать, что в современной марксистской литературе встречается еще непонимание этого фундаментального вопроса, а то и искажения как в его общей постановке, связанной с признанием единой детерминанты для

всей истории, так и в конкретном обозначении того, что же таковой является.

Вот только некоторые примеры. В ходе уже упоминавшейся дискуссии об азиатском способе производства высказывалось мнение, что зависимость общества от способа производства наблюдается только в капиталистической формации, а развитие других обществ осуществляется-де на иной основе¹. Л. А. Седов считает, что для построения типологии социальных структур «недостаточно исходить из анализа отношений собственности или экономических отношений, так как экономическая или адаптивная, как ее называют социологи, сфера социальной активности становится доминирующей лишь в капиталистическом обществе... Но на различных этапах социального развития могут доминировать другие сферы социальной реальности»², как-то: семья, политика, религия и т. п.

Отрицание единой основы общественного развития вдохновляется, видимо, стремлением не сводить материалистическое понимание к экономическому материализму. Но по сути это отказ от материалистического понимания истории. «Открытия» того, что в истории возможны общества, в которых главную роль играет политика или религия, делались неоднократно и были опровергнуты и высмеяны основоположниками марксизма. В «Капитале» К. Маркс писал: «Ясно... что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир — политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм... Еще Дон-Кихот должен был жестоко поплатиться за свою ошибку, когда вообразил, что странствующее рыцарство одинаково совместимо со всеми экономическими формами общества»³.

Любопытно, что как некоторые сторонники, так и противники азиатского способа производства отмечают у своих оппонентов отсутствие внимания к вопросу о конечной детерминанте исторического процесса. Например, Ю. В. Качановский пишет: «В работах сторонников указанной концепции вопрос об уровне развития производительных сил, которому соответствовал бы азиатский способ производства, практически не ставится. Если они пишут о производительных силах, то крайне редко и мало, в самой общей форме»⁴. И это действительно так. Причем недостаточное внима-

¹ См., например: Павловская А. И. По поводу дискуссий об азиатском способе производства на страницах журналов «Ирен» и «Пансе». — Вестник древней истории, 1968, № 3.

² Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока, с. 77.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 92.

⁴ Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства?, с. 111.

ние к исследованию производительных сил общества дополняется явной недооценкой значения его материально-технической базы. Такая недооценка отчетливо проявляется в тех редких случаях, когда исследователи пытаются хотя и в самой общей форме, но все-таки что-то сказать о производительных силах. Характерно в этом отношении заявление того же Ю. В. Качановского, что специфика орудий труда и технологических приемов «еще не определяет уровень развития производительных сил»¹. В. П. Илюшечкин утверждает, что «нет никакой сколько-нибудь существенной разницы в уровне развития производительных сил древних и средневековых классовых обществ»². Л. С. Васильев и И. А. Стучевский, обосновывая идею о трех равноправных путях перехода от доклассового к классовому обществу, вообще снимают проблему зависимости производственных отношений от производительных сил. Так, переход некоторых народов от первобытности прямо к феодализму, минуя рабство, с их точки зрения, вовсе не связан с изменениями в орудиях труда³. Наконец, Г. А. Меликишвили писал: «Одни и те же орудия труда, по-видимому, могут служить основой как рабовладельческого, так и феодального, а в отдельных случаях — даже первобытнообщинного строя...»⁴ Получается, что все различные типы производственных отношений — рабовладельческие, феодальные, азиатские — порождаются близкими друг другу по уровню производительными силами.

Хотя тезис об определяющей роли производительных сил в общественном развитии глубоко обоснован марксизмом и эта тема получила достаточно полное освещение в нашей литературе, представляется целесообразным, учитывая опыт дискуссии, еще раз обратиться к данному вопросу и определить свои позиции.

Как категория исторического материализма производительные силы включают в себя два основных элемента: средства производства, и прежде всего средства труда (необходимые вещественные элементы активной производительной деятельности), и сам труд (как личный элемент этой деятельности). По сути, активной силой общества, его производительной силой выступает *труд, взятый в единстве с его средствами*. Люди создают и совершенствуют средства труда и приводят их в движение, но в то же время они вынуждены постоянно приспосабливаться к имеющимся в обществе средствам труда, сохраняя необходимое единство живого и

¹ Качановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства?, с. 112.

² Илюшечкин В. П. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. М., 1970, с. 72—73.

³ См.: Васильев Л. С., Стучевский И. А. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ.— Вопросы истории, 1966, № 5.

⁴ Меликишвили Г. А. К вопросу о характере древнейших классовых обществ.— Вопросы истории, 1966, № 11, с. 77.

накопленного труда. Поэтому возникает *зависимость живого труда от труда, накопленного в орудиях и средствах производства*, причем эта зависимость выступает как *наиболее существенное выражение общей зависимости субъекта от объекта, личного фактора производства от его вещественного фактора*.

Человек как производительная сила, со всеми своими навыками, опытом и знаниями, зависит от того, какие средства труда он использует. С изменением орудий труда необходимо меняются опыт и навыки непосредственного производителя, то есть меняются производительные силы в целом. Землекоп не может просто пересест на землеройную машину, хотя она выполняет ту же работу. Нужен другой работник. Это означает, что средства труда определяют не только способ возможного воздействия людей на природу — способ деятельности, но и тот запас знаний, опыта, навыков, которыми должен обладать человек как производительная сила, способная приводить в движение наличные средства труда. Отсюда вытекает важное с философско-социологической точки зрения их значение в качестве *основного средства связи и преемственности в истории*.

Будучи воплощением накопленного труда, показателем степени познания человеком природы и овладения ею, средства труда выполняют также функцию накопления, хранения и трансляции жизненно значимой информации. Вступая в жизнь, каждое новое поколение исходит из имеющихся в его распоряжении средств труда как продукта деятельности предшествующих поколений, делает их основой своего развития, совершенствует и передает затем следующим поколениям. Тем самым прошлое с будущим связывается материальной преемственной связью. Можно, таким образом, говорить о своеобразной *генетической роли техники*, рассматривая ее как «наследственное вещество» общества. Наследование средств труда и производительных сил в целом есть основа преемственности в истории.

Таким образом, различные элементы производительных сил выполняют в производстве разные функции, хотя только в единстве средства труда и люди составляют производительные силы любого общества, независимо от его конкретной формы. В этом единстве *средства труда* являются *определяющим* элементом, а *люди* — *главным* элементом производительных сил.

Характеристика средств труда как определяющего элемента производительных сил, а людей как главного элемента противоречива. Но это не противоречие мысли, а противоречие действительности. Более того, это такое противоречие, которое раскрывает глубинные истоки движения истории человечества.

Поскольку любая производительная сила есть производительная сила человеческого труда, постольку человек является глав-

ной производительной силой. И он всегда таковой останется, независимо от того, будет или нет непосредственным агентом производства. Средства труда, отделенные от человека, его практической энергии, представляют производительную силу лишь в возможности.

Однако в производстве существует и система материальных отношений и зависимостей, неподвластных воле человека, его сознанию и воле, а определяемых природными закономерностями, их проявлением в технологической системе (ее иногда называют «техносферой»), а также внутренней логикой развития самих производительных сил. Наличие этой системы связей выражается в том, что человек на каждой данной ступени развития производства с необходимостью ставится в определенное отношение к природе и перед ним раскрываются ограниченные известными рамками возможности воздействия на природу и использования ее сил и свойств. Объективны и прямые и косвенные последствия воздействия человека на природу, и требования, предъявляемые техникой к самому человеку. Эти зависимости исторически меняются, но стержнем всей системы объективных связей остаются средства труда. Поэтому в историческом материализме они рассматриваются как определяющий элемент производительных сил.

Но и сами средства труда неоднородны с точки зрения их функций в производственной деятельности людей. В них имеется вспомогательная, сравнительно пассивная часть, и активное центральное «ядро» — функционирующие и действующие орудия труда как совокупность средств, являющихся прямыми проводниками, человеческого воздействия на объективные процессы и их использования для нужд общественного человека. «Технология, — писал К. Маркс, — вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений»¹.

В рамках самого производства роль средств труда выражается прежде всего в том, что состояние производительных сил в целом зависит от качественной и количественной характеристики используемых в производстве орудий труда. В этой связи очень важное общесоциологическое значение приобретает различие понятий «характер» и «уровень развития» орудий труда. Первое отражает их качественную, второе — количественную определенность. Характер и уровень развития орудий труда соответственно определяет характер и уровень развития производительных сил в целом.

Анализируя изменение социального качества орудий труда,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 383.

К. Маркс подчеркивает, что если с точки зрения механики принципиальной разницы между ремесленным орудием и машиной нет, поскольку первое можно рассматривать как простую машину, а второе — как сложное орудие, то с точки зрения социально-экономической дело обстоит совсем иначе, ибо машина отличается от простого орудия качественно. Непосредственно это выражается в том, что человек присоединяет орудия к своим естественным органам, усиливая их, машина же отделяет их от человека, превращая «в орудия механического аппарата, рабочей машины...»¹. Если оценить это изменение социологически, то суть его состоит в том, что орудие приводится в движение индивидуальным трудом, *машинное же производство функционирует только в руках обобщественного труда*. «Машинная индустрия, разрушая мелкое обособленное производство окончательно... обобществляет труд»².

Характер орудий труда определяется способом приведения их в действие. Если орудия труда приводятся в движение индивидуальным трудом и обеспечивают индивиду (одиночному или в масштабах семьи) производство необходимых жизненных благ, то такие орудия по своему характеру являются *частными*. Если же орудия производства выступают в виде машин (системы машин), которые технически требуют для своего приведения в действие коллективного труда, то такие орудия являются по своему характеру *общественными*. В соответствии с определяющей ролью орудий труда и производительные силы в целом могут быть частными или общественными по своему характеру. Отсюда и возникает противоречие между частнокапиталистическими производственными отношениями и общественным характером современных производительных сил.

Создание материально-технической базы коммунизма на основе использования достижений научно-технической революции есть процесс становления комплексно-механизированного, полностью автоматизированного производства, что означает качественно новый этап в развитии орудий труда. Последние превращаются из элементов механической системы, куда включен и человек, в элементы *самодействующей* технологической системы, в которой на долю человека падают задачи наладки, общего контроля и т. д. Социальные последствия такого изменения материально-технической базы грандиозны. Конечно, существенные изменения орудий труда происходят здесь в рамках их общественной природы, в рамках общественных по своему характеру производительных сил, но эти изменения имеют своим следствием качественно новую ступень обобществления производства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 389.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 428.

Таким образом, изменение средств труда, и прежде всего орудий труда, ведет в конечном счете к изменению состояния производительных сил, что служит материальной основой для изменения производственных отношений и — через них — всей социальной структуры общества.

Иными словами, именно орудия труда определяют особенности материально-технической базы каждого исторически конкретного общества, а эффективность их функционирования, то есть производительность общественного труда, обуславливает материальные возможности, которыми располагает общество для своего развития.

Между тем создается впечатление, что некоторые теоретики побаиваются решительно апеллировать к орудиям труда при анализе социального развития. А ведь хорошо известно, что основоположники марксизма, определяя суть своей социально-философской теории, выражались с недопускающей разночтений определенностью: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда»¹. Или: «Вместе с ...революцией в производительных силах, которая выступает как революция технологическая, совершается также и революция в производственных отношениях»². Конечно, дело не в тех или иных цитатах, а в самой логике рассуждений основоположников марксизма. От «Немецкой идеологии», письма Маркса к Анненкову и других ранних работ через классическое изложение материалистического взгляда на историю в Предисловии к «К критике политической экономии» и «Капитале» до последних писем Энгельса 90-х годов красной нитью проходит мысль о том, что *конечной детерминантой социального развития является характер и уровень развития средств труда, и прежде всего орудий труда*. Добавим, что для Маркса эта идея не была абстрактной декларацией. В течение всей своей жизни он уделял огромное внимание изучению истории техники, изобретений и открытий. Не ясно ли, что без изучения динамики материально-технической базы того или иного исторически конкретного общества нельзя глубоко разобраться в его развитии.

Разумеется, социальную детерминацию не следует отождествлять с механистической. Известно, что в конце своей жизни Ф. Энгельс в письмах об историческом материализме счел необходимым подвергнуть критике тех сторонников этой теории, которые рассматривали экономику в качестве единственной детерминанты общественного развития. Но это не значит, что, рассматривая общество как целостную, функционирующую и развивающуюся систему, нельзя говорить о законах *однозначной детер-*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191.

² Там же, т. 47, с. 461.

минации. Наоборот, именно в той мере, в какой развитие общества выступает как естественноисторический процесс, можно и должно говорить об определяющих это развитие четких типах связи, охарактеризованных К. Марксом в известном письме к П. В. Анненкову: «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена [сообщения] и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, условий или классов, — словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества»¹. В соответствии с этим принципом подходили к исследованию общества и Ф. Энгельс и В. И. Ленин. В письме к К. Каутскому от 26 июня 1884 г. Энгельс писал: «Орудия дикаря обуславливают его общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистическое общество»². В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин следующим образом характеризовал различия разных эпох русской истории: «Пореформенная эпоха резко отличается в этом отношении от предыдущих эпох русской истории. Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»³.

Говоря об однозначной детерминации естественноисторического процесса, вскрывая объективную необходимость развития общества, мы отвлекаемся от форм реализации этой необходимости в деятельности людей. Переходя же к анализу деятельности людей, рассматривать ее в рамках жесткой, однозначной детерминации, конечно, никак нельзя. Закономерно обусловленный характер сознания и поведения людей сказывается лишь в ансамбле, то есть в поведении масс, в классовом обществе — классов. Законы человеческой деятельности носят, таким образом, вероятностный, статистический характер. Это значит, что в обществе, как и в мире физическом, исследователь сталкивается с необходимостью учитывать различие жесткой и вероятностной детерминации.

При объяснении имеющей место недооценки роли материально-технической базы в развитии общества можно выделить две основные причины. Прежде всего это действительные трудности исследования конечной детерминанты общественного развития. Во «Введении к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 402.

² Там же, т. 36, с. 146.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 597—598.

с 1848 по 1850 г.» Энгельс писал: «При суждении о событиях и цепи событий текущей истории никогда не удастся дойти до *конечных* экономических причин. Даже в настоящее время, когда соответствующие специальные органы печати дают такую массу материала, нет возможности даже в Англии проследить ход развития промышленности и торговли на мировом рынке и изменения, совершающиеся в методах производства, проследить их изо дня в день таким образом, чтобы можно было для любого момента подвести общий итог... Поэтому материалистическому методу слишком часто приходится здесь ограничиваться тем, чтобы сводить политические конфликты к борьбе интересов наличных общественных классов и фракций классов, созданных экономическим развитием, а отдельные политические партии рассматривать как более или менее адекватное политическое выражение этих самых классов и их фракций. Само собой разумеется, что такое неизбежное игнорирование совершающихся в то же время изменений экономического положения, этой подлинной основы всех исследуемых процессов, должно быть источником ошибок»¹.

Указанная Ф. Энгельсом трудность, связанная с нехваткой соответствующих материалов, усугубляется, несомненно, сложностью самого процесса реконструкции физиономии общества по ее конечной детерминанте. К. Маркс писал, что орудия труда дают социологу такую же возможность судить о соответствующих социальных образованиях, как естествоиспытателю — кости животных об определенных видах². Теперь можно бы добавить, что, подобно тому как антропологи реконструируют по черепу лицо человека, историки могут реконструировать «лицо» общества по сохранившимся орудиям труда. Заслуга Маркса состоит не только в установлении зависимости физиономии общества от уровня развития производства, детерминированного в конечном счете материально-технической базой, но и в разработке метода воспроизведения физиономии общества по сохранившимся орудиям труда. Как показывает опыт, воспринять этот метод в виде общей декларации, просто повторяя такие формулы, как «ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»³, нетрудно. Но последовательно руководствоваться этим положением Маркса, суметь строго научно провести его в практике конкретных исследований значительно труднее.

Вторая причина, в силу которой в литературе обнаруживается своеобразная боязнь апелляции к материально-технической базе общества при исследовании его развития, объясняется существу-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 529—530.

² См. там же, т. 23, с. 191.

³ Там же, т. 4, с. 133.

ющей опасностью техницизма, то есть извращения марксизма в духе различного рода вариантов технологического детерминизма. В прошлом к извращению материалистического понимания истории в духе вульгарного техницизма прибегали главным образом деятели II Интернационала, и особенно их лидер К. Каутский, для оппортунистического извращения марксистской теории революции. Опираясь на марксистскую терминологию, обильно уснащая текст цитатами из Маркса и Энгельса, Каутский использовал свой «авторитет» антибернштейнианца и вообще «сионского стража марксизма». Именно он заменил марксово обоснование необходимости революции, вытекающее из конфликта между выросшими производительными силами и наличными производственными отношениями, ставшими тормозом для их развития, теорией автоматического краха капитализма и затем ее разновидностью — теорией ультраимпериализма, в основе которых лежит абсолютизация производительных сил и определяющей роли материально-технической базы общества. Каутский извратил действительную диалектику естественноисторического развития общественных формаций в духе плоско-эволюционистского понимания прогресса общества под автоматическим воздействием развития производительных сил, определяемого в свою очередь абстрактно понятым техническим совершенствованием. В этой связи в марксистском общественном сознании сложилась исторически оправданная традиция непримиримого отношения к оппортунистической «теории производительных сил». Беда лишь в том, что в сознании некоторых людей такая традиция трансформировалась в настороженное отношение к любым исследованиям, устанавливающим зависимость общественного состояния в конечном счете от материально-технической базы производства.

Современная обстановка еще более усилила эту тенденцию. Ныне марксизм утвердился во всем мире как самая влиятельная и самая действенная теория. Это заставляет буржуазных теоретиков считаться с марксизмом, отдавать ему должное и даже раскланиваться перед ним. Если же еще учесть роль научно-технической революции, воочию показавшей как плодотворные, так и демонические силы техники, то станет ясно, почему столь сильное влияние среди буржуазно-апологетических теорий, воинственно нацеленных против марксизма и в то же время заимствующих отдельные его положения, занимают различного рода техницистские концепции. Так называемая «теория стадий» У. Ростоу, индустриальное, постиндустриальное, технотронное общества Р. Арона, Д. Белла, З. Бжезинского, апокалиптические видения А. Тоффлера и других идеологов капитализма — все это разновидности теорий, стремящихся обозначить технику в качестве непосредственной детерминанты общественного состояния. Острая критика

такого рода теорий — важная составная часть современной идеологической борьбы.

Уже классики буржуазной политэкономии констатировали, что производство — основное условие человеческой жизни: оно создает богатство народов, за счет которого они существуют. Если бы прекратилось производство, исчезла бы жизнь человеческая и осталось бы только животное состояние. Новое у К. Маркса состоит в рассмотрении производства не только как экономического, но и как философско-социологического понятия, имеющего важнейшее значение для осмысления функционирования и развития общества в целом. Маркс показал, что производство — это не только изготовление материальных жизненных благ, источник «богатства народов», но и процесс производства и воспроизводства человека, общества в целом. «Если рассматривать буржуазное общество в его целом, то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т. е. сам человек в его общественных отношениях»¹.

Тем самым задается существенное единство людей — единство их родовой сущности, основой которого оказывается единство способа их жизнедеятельности. Производство как основа жизни и развития любого общества есть *универсальная форма единства человеческого рода*. «...Именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь»².

Конечно, сущностное единство человечества не следует понимать абстрактно. Оно исторично. Но, рассматривая труд как основу человеческого существования, вечную естественную необходимость, независимую от общественной формы, в которой он осуществляется, одинаково общую всем его формам, марксизм сразу же снимает вопрос о различных детерминантах общественного прогресса на разных его этапах и плюрализме путей развития разных регионов. Всем фазам и всем регионам общественного развития при всей их конкретной специфике в той мере, в какой они имеют своей основой трудовую материально-производственную деятельность, свойственны некоторые *общие особенности и одинаковые черты*, обусловленные действием общих законов функционирования и развития этой деятельности. И если конкретно-историческое исследование «привело» кого-то к иному выводу, то не вернее ли предположить, что такое исследование еще не дошло до более глубокой детерминанты исторического процесса.

Уяснение общих черт, присущих процессу труда, и общих закономерностей, характеризующих социальные формы его разви-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 222.

² Там же, т. 42, с. 94.

тия, имеет решающее значение для превращения исторического материализма в теорию и метод конкретно-научного социального познания вообще, исторического познания в частности. В данном случае, подчеркнем это еще раз, речь идет не об экономическом, а о философско-социологическом подходе к производству, связанном с вычлениением и фиксацией тех моментов производства, которые характеризуют не его специфически экономические особенности, а те, которые важны для понимания его определяющей роли по отношению ко всем другим явлениям общественной жизни.

5. Логика мировой истории и реальный исторический процесс. Некоторые соображения о соотношении логического и исторического

Рассмотрение основных теоретических принципов, опираясь на которые исторический материализм представил развитие общества как естественноисторический процесс, можно подытожить краткой и четкой ленинской формулировкой: «...только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественноисторическим процессом»¹.

Поскольку этот подход более или менее подробно освещен в работах по историческому материализму, нет необходимости излагать здесь схему развития общественно-экономических формаций. Отметим лишь, что усмотрение в орудиях труда и изменении их количественной и качественной определенности конечной детерминанты общественного развития, определяющей прежде всего изменение производственных отношений — скелета каждой формации, дает возможность вскрыть логику всемирной истории и обнаружить в ней три основных этапа. На первом этапе, в доклассовой первобытнообщинной формации, человечество вырвалось из животного состояния и, опираясь на искусственные средства труда, стало, так сказать, на собственные ноги. На втором этапе, в процессе развития классово антагонистических формаций, средства труда приобрели такой характер и достигли такого уровня, которые создают предпосылки для подчинения производства мощи объединившихся индивидов, ликвидации неравномерности развития отдельных народов и достижения подлинной свободы. Коммунистическая формация — третий этап, начинающий новую эру в истории человечества, решает грандиозную задачу овладения человеком

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138.

своими общественными отношениями и на этой основе утверждения гармонических отношений общества и природы в интересах всестороннего развития личности. Человек, его развитие становится главной целью общества.

Конечно, следует учитывать, что общая теория, прочерчивая логическую линию движения истории, должна отвлекаться от многих составляющих реального исторического процесса. Но только таким путем можно проникнуть в сущность исторического развития человеческого общества и разгадать великие загадки общественного познания: почему люди делают историю так, а не иначе; от чего зависит общее направление исторического процесса, что может ожидать человечество в будущем, чем определяется историческая необходимость и какова логика перехода общества от одного качественного состояния к другому и т. п.

Когда сформулированы принципы общей теории, отражающей *сущность* социальных процессов, возникают два тесно связанных друг с другом вопроса: как проявляется эта сущность в реальном процессе и как применять принципы теории к изучению реальности. Возникновение этих вопросов вполне естественно, ибо сущность и явление не совпадают друг с другом, а реальность включает в себя и то и другое. Поэтому наличие теории еще не дает гарантии правильного понимания реальности. Надо уметь теорию применять.

Как показывает опыт, применение теории, раскрывающей сущность исторического процесса, таит в себе опасность пойти по пути ошибочных тенденций.

Во-первых, часто обнаруживается стремление представить общую теорию в виде некоей философско-социологической схемы, навязываемой действительной истории. Между тем теория дает лишь подход к научному познанию конкретной истории, метод, которым надо правильно пользоваться.

Во-вторых, есть реальная опасность внесения телеологии в марксистское понимание исторического прогресса — истолкование его как определяемого с самого начала заложенной в нем целью построения коммунистического общества. Коммунизм есть результат всей предшествующей истории. Но было бы неправильно на этом основании считать, что вся прошлая история «работала» на его осуществление. В этом случае закономерный результат истории превращается в ее цель, и тем самым история истолковывается телеологически. Материалистическое понимание истории избавляет историческое сознание от телеологии, открывая путь к познанию истории как закономерного процесса. Точно так же, как закономерное течение реки к морю не означает, что у нее есть эта цель, так и естественноисторический характер развития формаций не есть осуществление какой-то высшей цели. Цели существуют

только в человеческой деятельности, и люди ставят перед собой только те задачи, материальные предпосылки для осуществления которых уже созрели или находятся в процессе становления¹.

Поэтому марксизм отказался от поисков абстрактной внеисторической «формулы прогресса» и решает проблему прогресса на основе анализа развития общественно-экономических формаций. Такая историческая конкретизация этой проблемы позволила преодолеть теоретические трудности, о которые спотыкались все идеалистические концепции, начиная от религиозно-эсхатологических и кончая гегелевским провиденциализмом. В противовес этим телеологическим теориям, согласно которым направленность прогресса определяется заложенной в развитии некой изначальной целью, материалистический подход означает познание законов истории, что позволяет предвидеть ее направленность, тенденции ее развития и ее будущее.

В-третьих, следует учитывать, что в истории нет однолинейной причинно-следственной зависимости, а всегда имеет место диалектическое взаимодействие, что социальная детерминация носит исторический характер и закономерная зависимость различных общественных явлений не реализуется автоматически, без влияния субъективного, человеческого начала исторического процесса. Без учета этого момента вся сложная диалектика истории исчезает из поля зрения исследователя, что ведет к упрощенчеству. Думается, что упрощенное понимание характера социальной детерминации проявляется не только в вульгаризованной теории экономического материализма и современных буржуазных техницистских теориях, но и в суждениях, согласно которым положение о последовательной смене общественно-экономических формаций оказывается неточным, если применять его к докапиталистическим обществам. Однако обязательное подтверждение указанного положения историей развития каждого исторически конкретного общества на самом деле вовсе не предполагается теорией.

Напротив, исторический материализм только потому и сумел научно сформулировать общие принципы познания истории, что он апеллировал к истории в целом, ибо только на этой основе можно было выявить законы, которые в действительности стягивают историю конкретных обществ в единый процесс. Н. И. Конрад справедливо заметил, что общая концепция исторического процесса имеет своим материалом только историю всего человечества, а не историю отдельных стран, регионов или континентов². Ту же мысль подчеркивают М. А. Барг и Е. Б. Черняк: «История как

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

² См.: Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1972, с. 452, 473.

процесс отличается всемирностью даже тогда, когда взаимодействие между регионами не наблюдается на поверхности»¹.

Речь идет не о том, чтобы противопоставить непосредственное описание истории и ее теоретическое воспроизведение. И не о том, что историческая наука отличается от исторического материализма степенью общности тех законов, которые она исследует. *Сам подход* к обществу, его видение у частных наук, в данном случае у исторического исследования, принципиально иной, чем у исторического материализма. Это обнаруживается с особой очевидностью, когда исследователи имеют дело с общими законами. Историка в этом случае интересует специфика проявления общего закона в истории данного конкретного общества, исторические причины, модифицирующие его проявления, а подчас приводящие даже к видимому противоречию с ним. Философа же общие законы интересуют именно как законы единства мировой истории; он разрабатывает методологию их познания и применения. *Философско-социологический подход* — это, следовательно, видение единства и цельности исторического процесса, оценка отдельного (общества или явления) с точки зрения функционирования и развития целого (общества или мирового исторического процесса).

Но если исторический материализм раскрывает единство истории и единую логику мирового развития, то естественно предположить, что эта логика проявляет себя в масштабах всемирности, то есть реализуется лишь в многообразии взаимодействующих конкретно-исторических обществ и не может полностью проявить себя в истории какого-либо одного народа или государства. История человечества — единый процесс, но не в том смысле, что это история некоего «общества вообще» или одного какого-либо социального образования, совершающего восхождение ко все более сложным формам, реализуя свои внутренние потенции. Особенность предистории человечества, завершающейся капиталистической формацией, заключается, между прочим, в том, что переход от одной формации к другой не мог осуществляться вне исторического взаимодействия, в рамках одного конкретного общества. Это подтверждается не только теоретическими соображениями, но и фактами истории.

Уже при азиатском способе производства становление антагонистических отношений связывается с подчинением одной общины другой, тем самым необходимость по крайней мере двух общин оказывается очевидной. Переход к производству, основанному на рабстве, связан с необходимостью постоянного притока рабов извне. Развитие рабовладельческого общества нельзя рассматривать

¹ Барг М. А., Черняк Е. Б. Регион как категория внутренней типологии классово антагонистической формации. — Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975, с. 55.

вне его взаимодействия с варварской периферией, процессов ее завоевания и т. д. Конечно, при теоретическом анализе возникновения рабства важно вскрыть внутренние источники, ведущие к расчленению родо-племенного коллектива, но несомненно, что главным источником рабского труда (по крайней мере вначале) было превращение в рабов военнопленных. Не случайно понятие «раб» первоначально означало не что иное, как «живой убитый». Что же касается перехода от рабовладельческой формации к феодальной, а затем от феодальной к капиталистической, то эти перевороты происходили на стыке процессов, протекавших в разных регионах, находившихся к тому же на различных ступенях общественного развития. Так, феодальный строй возникает путем синтеза разлагающегося рабовладельческого общества с некоторыми элементами первобытнообщинного строя. Что касается капитализма, то хорошо известно, что без эпохи географических открытий и последовавшего затем ограбления народов Азии, Африки и Америки его становление и развитие было бы чрезвычайно замедлено.

Логика всемирной истории реализуется не как результат развертывания внутренних потенций одного общества, а лишь как результат взаимодействия нескольких обществ, причем стоящих, как правило, на разных ступенях мирового развития. При этом одна часть обществ развивается за счет других, создающих необходимые условия для развития первых и тем самым втягивающихся (главным образом насильственно) в реализацию ведущей тенденции мирового развития в данную историческую эпоху. И это верно не только по отношению к капиталистической формации, в рамках которой раздел мира между империалистическими хищниками насильственно втянул Азию, Африку и Латинскую Америку в единую систему империализма, но и — в специфической форме — по отношению к рабству и феодализму. Порабощая варварскую периферию, рабовладельческие государства приобщали их тем самым к рабовладельческой ступени формационного развития. Феодализм же при всех его особенностях, связанных с «возвращением» к натуральному хозяйству и социальной раздробленности, сохраняет эту тенденцию в той мере, в какой превращает свободное крестьянство завоеванных областей в зависимое от феодалов состояние.

Зафиксировав в истории и единую магистральную линию развития человечества, и многообразие конкретных судеб разных народов, можно теперь добавить: поскольку магистральная линия исторического развития реализуется только во взаимодействии народов, постольку историю творят все народы, а не только те, которые в каждое данное время выступают носителями прогрессивной фазы мирового развития.

Уяснение вопроса о характере реализации логики мировой истории имеет огромное значение при изучении конкретной истории. В той мере, в какой магистральная линия общественного развития задается в конечном счете развитием средств труда, создается возможность соотносить и сравнивать различные конкретные общества. Это значит, что важно не просто зафиксировать, какие общества в реальной истории существовали, а определить, какие из них обеспечивали возможность дальнейшего прогрессивного развития производительных сил. Это единственно объективный критерий для сравнения разных обществ и выделения из реально существующих в каждую эпоху именно тех, которые олицетворяют соответствующую данной эпохе ступень на лестнице прогрессивного восхождения общества от низших к высшим формам.

Однако в связи с этим возникает соблазн считать, что для исторического развития человечества важна история только тех обществ, которые однолинейно располагаются на лестнице общественного прогресса. Как известно, именно в таком подходе выразился принцип историзма, свойственный философии истории Гегеля. Прогресс истории Гегель изобразил как движение от Древнего Египта через античную Грецию и Рим к завершающей эпохе господства германцев. Только эти народы, по Гегелю, были в определенные эпохи носителями мирового духа и выступали необходимыми ступенями его саморазвития. Остальные народы и созданные ими социальные структуры хотя и существовали в истории, но их реальное бытие не было необходимым, и потому оно для истории несущественно. Так извращается диалектика, когда она разрабатывается на идеалистической основе: поскольку существенное значение имеет только диалектика понятий, постольку реальная действительность имеет значение лишь в той мере, в какой она соответствует логике развития понятий.

Коренное отличие марксовой диалектики от гегелевской состоит как раз в том, что она основана на противоположном принципе: она не навязывает действительности никаких схем, ибо в истории человечества наряду с объективной логикой восхождения формаций от низших к высшим, от первобытнообщинного строя к коммунизму есть и реальная история многообразных обществ, в которых эта логика реализуется, не всегда совпадая с общей линией восхождения в каждой конкретной точке. И задача действительно научного познания состоит как раз в том, чтобы учитывать оба эти аспекта исторического движения.

Научная диалектика противоположна как метафизическому подходу к истории с его мучительными усилиями подогнать реальную историю под общие законы или непосредственно вывести ее из них, так и гегелевскому спекулятивному разрешению противоречия между действующими в истории общими законами и реаль-

ной историей путем простого устранения из последней всего того, что не укладывается в общую логику ее развития. Поскольку это объективное противоречие, первым условием применения научной методологии является отказ от каких бы то ни было попыток устранить его. Тем не менее, несмотря на неоднократные указания основоположников марксизма-ленинизма о том, что открытые историческим материализмом общие законы истории служат лишь средством познания ее действительного хода, что трудности возникают при применении этих законов к анализу реальной истории¹, находятся ученые, как показывает опыт дискуссии об азиатском способе производства, которые пытаются снять эти трудности. Одни путем отказа от открытого историческим материализмом общих законов и фундаментальных понятий, прежде всего понятия формации, другие — путем подгонки реальной истории под общие законы и понятия. Ясно, что на таком пути дискуссионные проблемы разрешены быть не могут, так как обе позиции не соответствуют теоретико-методологической сути материалистического понимания истории, не отражают объективной сложности и противоречивости реального исторического процесса.

Руководствуясь в конкретном исследовании основной детерминантой, определяющей развитие общества, необходимо учитывать роль конкретно-исторических условий, в рамках которых она реализуется, специфических законов, во взаимодействии с которыми проявляют себя общие законы развития производства. Россия первой прорвала фронт империализма. Объяснить этот факт, апеллируя непосредственно к конечной детерминанте исторического процесса, никак не удастся. Но если учесть действие закона неравномерности развития капитализма, согласно которому в эпоху империализма пролетарская революция становится возможной не в той стране, где больше всего развиты производительные силы, а в той, которая является слабым звеном империалистической цепи, и объяснить, что именно Россия, имевшая средний уровень промышленного развития, была таким слабым звеном, то революция в ней предстанет объективно обусловленной, возможной и необходимой.

В высказываниях участников дискуссии об азиатском способе производства, обнаруживших «противоречия» между реальной историей и «марксистскими схемами эволюции общества», проявилось на самом деле нежелание или неумение выявить те конкретные законы, влиянием которых объясняется своеобразный характер действий этих «схем». Проиллюстрируем это примером закона разделения труда. Известно, что отделение пастушеских племен от земледельческих, ремесла от земледелия, умственного труда от фи-

¹ См., например: Маркс К., Энгельс Ф. *Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений*, с. 36—37.

зического, города от деревни имело огромные последствия для конкретно-исторических судеб отдельных народов. Ф. Энгельс писал, что, пока общество делится на классы, рядом с «огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда»¹. В ходе многочисленных дискуссий никому, кажется, не приходило в голову «уточнить» это положение исторического материализма, проведя подсчеты количества людей, занятых умственным трудом и принадлежащих к эксплуататорскому классу, или отвергнуть его, если окажется, что эти количества не совпадают. Но вот вопросы о существовании рабовладельческой формации и о ее исторической необходимости связываются почему-то с подсчетами количества рабов в том или ином конкретном обществе и количества рабовладельческих обществ, которые можно зафиксировать в конкретной истории. Ссылаясь на позднейшие специальные исследования, некоторые историки утверждают, например, что в период максимального расцвета рабовладения в Италии рабы составляли не более 40 %, а в Аттике — не более 37 % населения и, следовательно, число свободных крестьянских хозяйств было больше. Отсюда делается вывод, что якобы нет серьезных научных оснований относить даже древнюю Аттику и Рим к рабовладельческой формации.

Некоторые историки подсчитывают, сколько народов прошли рабовладельческую стадию исторического развития. Установив, что таких народов было меньшинство, провозглашают: рабовладение не было фактическим этапом развития большинства народов, следовательно, оно необязательно и закономерная последовательность смены формаций, сформулированная историческим материализмом, должна быть поэтому пересмотрена. Наивность такой позиции очевидна. Если руководствоваться подобными соображениями, Россию накануне Октябрьского переворота никак нельзя отнести к капиталистической формации, поскольку капиталистический уклад хозяйства буквально тонул в море крестьянских хозяйств, а класс пролетариев составлял меньшинство по сравнению с классом крестьянства. Опровергая такого рода рассуждения, В. И. Ленин подчеркивал: «Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма...»²

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 293.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 23.

Принципиальный смысл этого ленинского положения состоит в том, что характеристика формации и соответственно того класса, который находится в центре той или иной эпохи, определяется не эмпирическими подсчетами, не количественными параметрами различных укладов хозяйства и классов, с ними связанных, а научно-теоретическим анализом данного общества, выяснением, какой уклад хозяйства и какой класс — носитель соответствующих производственных отношений господствуют «над центром и нервом» всей хозяйственной системы.

Только отвлекаясь от эмпирического многообразия истории, только проникнув в ее сущность, можно выявить магистральную линию развития человечества, вскрыть его конечную материальную детерминанту и логику его развития, выработав *понятие общественно-экономической формации как исторически определенной ступени развития человечества*. Это понятие позволяет вскрыть направленность исторического процесса, его характер, закономерные, необходимые, обязательные этапы развития всемирной истории человечества, раскрывающие ее сущность, логику развития, единство и цельность. Но оно не содержит ответа на вопросы о том, как эта логика реализуется в истории, чем объяснить многообразие конкретных обществ на определенных этапах истории, почему не только в прошлом, но даже сегодня, когда образовалось содружество социалистических стран, в рамках которого имеются возможности для гармонического развития и рационального решения возникающих проблем, магистральная тенденция общественного прогресса реализуется с трудностями, зигзагами и отступлениями.

Ведь речь идет не просто о внешнем объяснении причин и следствий наблюдаемого многообразия, а о раскрытии того, почему логика мировой истории реализуется, и на определенном этапе истории только и может реализоваться, в многообразии социальных образований, находящихся на различном уровне общественного развития. Это многообразие должно быть зафиксировано поэтому не только как эмпирический факт, но и как объективная необходимость, без которой не только не могла бы реализоваться логика мирового развития, но человечество вообще не могло бы сохраниться. Не значит ли это, что на всем протяжении истории человечества на развитии общества сказывается еще некоторая закономерность, присущая всему органическому миру, хотя и проявляющаяся здесь своеобразно? Мы имеем в виду закономерность, согласно которой необходимость может реализоваться только через массу случайных процессов, только как вероятностный процесс. Необходимость истории реализуется в деятельности масс, классов и конкретно-исторических личностей. К рассмотрению этой стороны дела мы теперь и перейдем.

ГЛАВА II

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ

1. Постановка вопроса

«Марксизм,— писал В. И. Ленин,— отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,— а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»¹.

Анализ истории как процесса и результата деятельности людей есть второй из названных нами аспектов методологии исторического материализма. Есть ли необходимость выделения этого аспекта? Разве недостаточно знания общих законов, определяющих ход истории, для создания теории общественного развития, для разработки методологии социального познания?

Мы уже подчеркивали, что задача социального познания в широком смысле слова — объяснение деятельности людей. Но чтобы провести материализм в истории, еще недостаточно просто исходить из деятельности. От признания деятельности в качестве предмета социального познания легко прийти и к откровенному идеализму, и к позитивизму, и к иному подобному «изму». Ведь объяснение деятельности может быть как материалистическим, научным, исходящим из объективных законов исторического процесса и позволяющим выявить материальные детерминанты человеческой деятельности, так и идеалистическим, выводящим деятельность из сознания, эмоций или настроения людей. Буржуазная социология и социальная психология, рассматривающие себя в качестве «поведенческих» наук, изучающих действия людей, идут по пути именно такого психологического объяснения истории, глубокий критический анализ которого дан в советской философско-социологической литературе².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 23.

² См., например: Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. М., 1960; Кон И. С. Позитивизм в социологии. М., 1964; Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

Марксистская трактовка развития общества как естественно-исторического процесса является исходной для материалистического понимания и объяснения истории. Выделение этого аспекта анализа исторического процесса дает возможность поставить человеческую деятельность в связь с ее материальными условиями, вскрыть ее зависимость от такого рода условий и тем самым распространить на нее принцип детерминизма, а следовательно, и объективные научные методы познания. Данное обстоятельство очень важно, ибо невозможно объяснить деятельность из идеальных факторов (вспомним мысль К. Маркса, что об эпохе переворота нельзя судить по ее сознанию¹), так как этим закрывался бы путь к познанию ее объективного содержания.

Но наука не может и просто отбросить идеальные цели, мотивы и т. п., ибо тогда, как уже говорилось, исчезает субъект деятельности и вместо объяснения феномен деятельности просто ликвидируется, а история сводится к «чистым» законам, причинам и т. д.

Основоположники марксизма неоднократно указывали, что материализм в истории не отрицает идеальных побудительных мотивов практической деятельности людей, но он идет дальше, вскрывая *материальные причины*, их определяющие, исследуя материальные условия и объективные законы общественной жизни. Таким образом и выделяется аспект анализа общества, который мы рассмотрели в предыдущей главе.

И в то же время такой подход ограничен. Когда история рассматривается только как объективный естественноисторический процесс, субъект лишь включается в этот процесс, но не анализируется специально. Между тем целостный подход к истории немыслим без анализа активности субъекта исторического действия. И этот активный субъект с необходимостью обнаруживает себя при рассмотрении истории как *результата деятельности*.

Заметим, что объяснение «идеальных побудительных сил» из их материальных причин и даже указание на обратное влияние идей на ход истории еще не дает нового аспекта анализа общества, а лишь открывает возможность перехода к нему на основе решения исходной задачи исторического материализма — включения человеческой деятельности в систему объективной социальной детерминации. Новый аспект анализа общества продолжает и дополняет предыдущий, когда ставится вопрос о том, *как* эта детерминация осуществляется, *каков механизм* проявлений законов в деятельности людей. Здесь предметом анализа становится сам субъект исторического творчества, пути и способы его влияния на ход событий. Анализ исторического процесса под

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

этим углом зрения выявляет совокупность новых методологических проблем, объединяемых задачей исследования исторического субъекта, его конкретной роли как творца истории, соотношения объективной закономерности и сознательной деятельности.

В этом случае деятельность выступает не просто как предмет объяснения, а как объяснительный, или, лучше сказать, *методологический принцип*. Иначе говоря, объяснять деятельность из ее материальных причин можно и в пределах первого аспекта анализа исторического процесса. Когда же центр внимания перемещается на анализ механизма действия и особенно механизма сознательного использования объективных законов (что по содержанию тождественно применению научной теории), когда сама деятельность выступает как методологический принцип, возникает иной, новый аспект подхода к общественному развитию, характерный для *гуманитарного знания*.

В марксизме разработку проблем, относящихся к этому плану исследования истории, можно подразделить на содержательную, конкретную, с одной стороны, и методологическую — с другой. В конкретном плане роль субъекта учитывалась основоположниками марксизма при анализе конкретных проблем и исторических событий. В методологическом же плане эти проблемы стали предметом специального анализа в связи с распространением марксизма в рабочем движении и осознанием задач формирования самого субъекта революционного процесса. Осмысление их нашло отражение в письмах Ф. Энгельса 90-х годов, получивших название «Письма об историческом материализме». Но особая заслуга принадлежит В. И. Ленину, который поставил и теоретически обосновал задачу соединения социализма с рабочим движением, исходя из идеи активности социального субъекта. В условиях социализма, когда возникает необходимость формирования механизмов сознательного исторического творчества масс в масштабах всего общества, этот круг методологических проблем получает особенно актуальное звучание. Не случайно исследователи все чаще обращаются к рассмотрению роли субъективного фактора в развитии общества. Но мы здесь ставим вопрос не просто о роли субъективного фактора, а об *особом методологическом аспекте анализа исторического процесса в рамках исторического материализма*. Идея такого анализа была заложена уже В. И. Лениным, когда, излагая учение Маркса в работе «Карл Маркс», он выделил теорию классов и классовой борьбы в особый раздел наряду с разделом, посвященным историческому материализму.

Когда приступают к познанию общественной жизни с учетом деятельности исторического субъекта, возникает задача анализа уже не только общих материальных условий деятельности, но и условий конкретно-исторических, задача, которую В. И. Ленин

называл конкретным анализом конкретной ситуации. Без этого «посредствующего» звена невозможен переход от общих законов истории и материальных предпосылок деятельности к описанию и оценке реального исторического процесса.

Наконец, при анализе истории как объективного естественно-исторического процесса в значительной мере абстрагируются от выяснения роли случайности в истории. Но при рассмотрении законов истории не «в чистом виде», не в абстракции, а в формах их реального проявления в деятельности людей, в противоборстве различных исторических тенденций, в столкновении интересов, борьбе классов игнорирование роли случая может обернуться большими методологическими просчетами. Недаром еще К. Маркс писал, что история выглядела бы весьма мистически, если бы случайности не играли в ней никакой роли. Поэтому методологическая проблема роли случайности в истории должна обязательно находиться в поле зрения, когда история рассматривается как результат деятельности людей.

Таким образом, выделение деятельностного аспекта анализа исторического процесса подводит к разработке методологических проблем соотношения объективного и субъективного, включая проблему активности субъекта исторического действия, определение конкретных условий деятельности и роли случайности в истории, что позволяет исследовать законы общественного развития не только в «чистом» виде, но и в формах их проявления в деятельности людей.

Отмечая необходимость более конкретного методологического уровня анализа, В. И. Ленин специально подчеркивал, что без понятий «класс» и «классовое общество» понятие «общественная формация» недостаточно конкретно¹, что именно теория классов и классовой борьбы дает руководящую нить в познании противоречивых стремлений и интересов различных общественных классов, слоев, народов, обществ и т. д.² «Деятельностный» аспект методологии исторического материализма выступает в качестве звена между самым абстрактным уровнем методологии и теории общественного развития — уровнем формации, общих законов истории — и конкретным познанием социальных явлений и процессов специальными общественными науками. В то же время следует подчеркнуть, что это еще не само конкретное социальное и историческое знание, а определенный уровень методологии познания. Чтобы научно подойти к познанию истории, необходим сложный, многомерный и многоуровневый методологический инструментарий, который и разрабатывается в рамках материалистического понимания истории. Без этого инструментария позна-

¹ См.: Ленинский сборник XI, с. 383.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 58.

ние общества обречено либо на бесплодное эмпирическое описание многообразия социальных фактов, либо на блуждание в дебрях различного рода идеалистических концепций.

Указанная проблема марксистской методологии важна не только потому, что ее решение необходимо для научного объяснения деятельности людей в истории. Она, кроме того, выражает основную ориентацию и направленность всего марксистско-ленинского учения — быть руководством к действию, руководством в практической борьбе за революционное преобразование общества на коммунистических началах. Признание существования объективных законов не решает этой задачи, ибо может вести к фатализму, к идее предопределенности хода истории и даже к отождествлению социального с природным, к отрицанию специфики социального (скажем, в бихевиоризме абсолютизация и вульгаризация детерминистского подхода к человеку доведены до отрицания творческого, сознательного характера человеческой деятельности). Именно в этом смысле надо понимать и марксову критику так называемой объективной историографии, слабость которой заключалась именно в том, что она рассматривала исторические отношения в отрыве от деятельности¹. Только диалектический подход к соотношению объективного и субъективного, к взаимосвязи объективных законов истории и деятельности людей позволяет строго научно подойти к историческому процессу.

2. Сведение индивидуального к социальному

Когда теоретически анализируется отношение открытых социальной наукой законов к деятельности людей, а в более широком плане — материальная детерминация последней, то сразу же возникает вопрос, о какой деятельности идет речь: о деятельности индивида или масс.

Конечно, закон всегда проявляется в отдельном и через отдельное, но проявляется по-разному. Так, статистические законы, как известно, действуют только в массовых процессах, в движении массы частиц, а если это процессы социальные, то в действиях массы людей. Правда, квантовая механика ныне говорит о статистическом поведении и отдельной микрочастицы. Для физики это означает, что будущее состояние, например, электрона может быть предсказано лишь с некоторой вероятностью. Но такого рода статистика свидетельствует лишь о том, что в природе есть объекты, не подчиняющиеся строго однозначно законам классической механики. Тем более это можно сказать об обществе, где

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, с. 53—54.

действуют не физические частицы, а сознательные существа, имеющие возможность выбора различного образа действий. Если признать, что их действия полностью, абсолютно детерминированы внешними обстоятельствами, если считать, что деятельность каждого человека лишь выполняет действия объективных социальных законов, то нельзя уйти от идеи предопределения.

Именно на такой подмене понятий, когда признание детерминирующей роли законов развития в обществе подменяется идеей абсолютной детерминации этими законами деятельности каждого человека, и строят свои обвинения против исторического материализма его противники, утверждая, что он якобы превращает человека в простую марионетку исторической необходимости. В качестве альтернативы при этом выдвигается отрицание объективных законов истории — точка зрения, которая неизбежно ведет к волюнтаризму.

Метафизическое мышление связывает творческую роль человека в истории с отрицанием объективных законов. Для него признание объективной детерминированности человеческих действий означает, что человек лишается всякой самостоятельности, а следовательно, и свободы выбора, свободы воли, то есть практически перестает отличаться от механической частицы, движение которой целиком задается действием внешних сил. Но дилемма: признание либо объективных законов и детерминированности человеческих действий, либо творческой роли человека в истории, свободы воли и т. д., которая для метафизического мышления приобретает реальный смысл, на самом деле ложна, иллюзорна, методологически порочна, ибо она обусловлена односторонней трактовкой законов и деятельности людей, детерминизма и свободы. На самом деле наука здесь имеет дело одновременно и с существованием объективных законов истории, и с реальной творческой ролью человеческой деятельности. И это прекрасно показал в полемике с народниками В. И. Ленин: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»¹.

Каким же образом диалектика сочетает те противоположности, которые метафизическое мышление абсолютно противопоставляет, строя на этом противопоставлении всю полемику против исторического материализма? Проблема эта многоплановая, но один из основных, можно сказать, стержневых аспектов ее реше-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

ния — установление форм, способов, механизмов проявления объективных законов в деятельности людей¹. При этом следует различать деятельность индивида и деятельность масс.

Что касается статистических законов, то они не могут не только целиком детерминировать деятельность индивида, но даже проявиться в индивидуальной деятельности. Однако в обществе существуют закономерности и другого типа, которые социальная наука не может выразить количественно, а дает им лишь качественную характеристику, например закон соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил. Может ли индивид в принципе выразить требования этого закона? Очевидно, может, скажем, когда он действует в интересах общественного прогресса. И все-таки было бы неправильно отсюда заключать, что закон реализуется этими действиями индивида. В принципе отдельный человек слишком *слаб, чтобы реализовать* требования закона. Индивид может *участвовать* в реализации объективной закономерности как член какой-то социальной группы, класса, общества, а не сам по себе. Поэтому, когда говорится, что законы общественного развития реализуются в деятельности людей, то всегда имеется в виду *деятельность массы людей*. Социальные законы проявляются и осуществляются только в деятельности масс, а индивид участвует в этом процессе, поскольку принадлежит массе.

Для науки весьма важно найти способы перехода от действий индивидуальных к действиям массовым, выработать метод сведения индивидуального к социальному. Последнее выражение нельзя понимать в том смысле, что индивидуальное в обществе не социально. Любой индивид социален, поскольку он существует и действует не изолированно и обособленно, а в системе общественных отношений, связан с другими людьми. Речь идет о том, каким образом, исходя из индивидуальных действий, выработать категории, в которых можно выразить социально значимые действия массы людей, действия, реализующие объективные социальные законы. Необходимость для науки разработки способов перехода от индивидуального к социальному вызвана еще и другим. На поверхности истории наблюдается масса индивидуальных действий, поступков, событий, ответов на внешнее воздействие и т. д.

Описать их все общественная наука не в состоянии. Но и игнорировать их она не может. Она должна в них разобраться, классифицировать, упорядочить, существенное выделить, несущественное отбросить, то есть провести необходимые для всякого научного познания процедуры, позволяющие бесконечное многообра-

¹ По нашему мнению, из всех этих терминов наиболее удачен термин «механизм», ибо он ориентирован на выявление структуры деятельности, обуславливающей данную форму проявления объективного закона.

ние чувственных данных превратить в действительную эмпирическую базу науки.

Внимательнее присмотревшись к действиям людей, можно заметить, во-первых, что они не так уж бесконечно многообразны, что в них имеются и общие моменты, во-вторых, что смысл многих действий может быть понят, если рассматривать их не сами по себе, а в связи с другими действиями, как часть совокупной деятельности. Это означает, что в самой действительности имеются механизмы, как бы объединяющие действия людей, благодаря чему создается возможность их разбить на определенные группы на основании объективных критериев. Отсюда вытекает существо метода сведения индивидуального к социальному: выделение в обществе групп людей, объединяемых общими интересами и оказывающих социально значимое влияние на ход истории, на жизнь общества.

Основным видом деятельности в обществе является труд в материальном производстве. Однородные виды трудовой деятельности в любом сколько-нибудь развитом обществе создаются на основе разделения труда. Правда, разделение труда имело место и в первобытном обществе, на ранних стадиях человеческого развития, но его источником тогда были естественные различия людей по полу и возрасту, и оно не приводило к возникновению особых групп людей со своими интересами, то есть к социальным различиям. Индивид был настолько связан и даже слит с коллективом, родом, племенем, общиной, что проблема сведения индивидуального к социальному еще не возникала. Обычай, традиции, формы организации первобытной коллективности полностью задавали образ жизни индивида.

Общественное разделение труда приводит к образованию групп людей, различное положение которых в производстве, вызванное этим разделением, закрепляется социально в формах собственности, позволяющих одной части общества эксплуатировать труд другой. Возникает классовое деление общества.

Это деление в течение длительного периода истории было главным, коренным, затрагивающим все сферы общественной жизни — от производства до идеологии. Его основой и источником выступают те же самые причины, которые определяют всю структуру формации — отношения собственности на основные средства производства. При этом каждая общественно-экономическая формация, господствующие отношения собственности которой позволяют одной части общества присваивать себе труд другой, имеет собственное классовое деление и обусловленную им социально-классовую структуру. Остается пока проблематичной классовая структура общества, основанная на азиатском способе производства. Если основным угнетенным классом здесь является крестья-

нин-общинник, то остается неясным, как охарактеризовать группу людей, занимающих экономически господствующее положение в обществе. Это положение обусловлено, по всей видимости, принадлежностью к аппарату власти. Может быть, такое положение связано с тем, что здесь процесс классового деления фактически только начинается, и четко грани классового деления еще не выявились.

Более четко классовое деление общества проявляет себя в античном рабовладельческом (рабы и рабовладельцы) и средневековом феодальном (крепостные крестьяне и феодалы) обществах. Но и здесь экономическая сущность классового деления часто скрыта и замаскирована различными политическими, традиционными и другими наслоениями. В результате на поверхности социальной жизни здесь выступают не классы в «чистом виде», а касты, сословия и другие образования в виде, например, аристократии и демократии в Древней Греции, патрициев и плебеев в Древнем Риме, цеховых мастеров и подмастерьев в средневековой Европе и т. д.

Вместе с классовым делением начинают возникать и более широкие и многочисленные общности людей, ибо рамки племени или общины оказываются слишком узкими для развития производительных сил и разделения общества на классы. В отношении докапиталистических формаций такие общности принято называть народностью.

Капитализм, опираясь на новые производительные силы, осуществляет коренной переворот, специфический в двух отношениях. Во-первых, классовое деление общества выступает здесь уже, так сказать, в «чистом виде». Деление на буржуа и пролетариев имеет четко выраженные экономические основания; богатство господствует прямо и откровенно. Во-вторых, формирование буржуазных связей было одновременно формированием национальных связей, то есть процессом образования более широкой, чем прежде, исторической общности людей — нации. Как и прежние общности классовых формаций, нации раздирались классовым антагонизмом: их основная масса — народ — противостояла господствующим классам. Последние, с одной стороны, были угнетателями народа, с другой — стремились создать видимость единства нации, затушевывать противоположность классовых интересов.

Только в социалистическом обществе, где уничтожены эксплуататорские классы, понятие «народ» обретает свой подлинный смысл, ибо уже не маскирует, не вуалирует противоположность классов, а воплощает подлинное социально-политическое и идейное единство рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции. В СССР наряду с национальными образованиями сложилась новая историческая социальная и интернациональная

общность — единый советский народ. Это образование является переходным от нации к единому ассоциированному человечеству — творцу истории будущего. Постепенное стирание классовых различий, а затем и уничтожение классов в процессе строительства социализма и коммунизма открывает качественно новые возможности для совместных объединенных действий народных масс.

Таким образом, с развитием общества, и особенно с переходом к социализму, происходит включение все более широких слоев народных масс в процесс исторического творчества, то есть *возрастает роль народных масс в истории. Эту объективную тенденцию можно рассматривать как историческую закономерность.* Вместе с тем усиливается и роль субъективного фактора, роль идеологии в историческом процессе.

Выработка идеологии — необходимое условие перехода от индивидуального к социально-классовому. Класс не может, подобно индивиду, руководствоваться в своей деятельности индивидуально-психологическими побудительными мотивами, включая преходящие настроения, капризы, нравственные чувства, вроде зависти, жадности, честолюбия и т. д. Но у класса есть свои идеальные побудительные мотивы, выражающие, обосновывающие и даже оправдывающие его материальные интересы и стремления. Они и оформляются в идеологии. В сфере идеологии сведение индивидуального к социальному завершается и закрепляется путем идейного выражения социального в деятельности идеолога. Поэтому идеолог выступает с самого начала не просто как индивид, а как «литературный представитель класса», как индивидуальный носитель общего интереса. Особенность его индивидуальной деятельности состоит в том, что она не просто включается в совокупную деятельность масс, а что ее индивидуальные результаты социально значимы и социально учитываются. Конечно, и это положение нельзя абсолютизировать. В истории иногда приобретают социальное значение результаты индивидуально стертой коллективной идеологической деятельности. Но важно подчеркнуть, что все «индивидуальные результаты» идеологической деятельности приобретают социальное значение, если за ними стоит социальная сила, приемлющая их в виде идеальных мотивов деятельности, в виде руководства к действию. Лишь научная идеология имеет помимо этого также и «внутреннюю» силу, которая состоит в ее соответствии объективной реальности.

Рассуждения, касающиеся идеологов, относятся и к индивидуальным действиям политических лидеров. Их действия, усиленные во много раз поддержкой социальных групп, становятся социально значимыми и социально учитываемыми. Они уже не теряются в общей массе других действий, а обретают социальную силу,

сравнимую с силой больших социальных групп. Но происходит это опять-таки благодаря тому, что за ними стоит сила класса.

Выявление основ классового деления общества и разработка научной теории классов и классовой борьбы — великая заслуга марксизма-ленинизма. В методологическом плане значение этой теории состоит прежде всего в том, что она дает общественной науке возможность перейти от индивидуального к социальному, свести массу индивидуальных действий, каждое из которых, взятое в отдельности, несущественно для истории, даже случайно (оно могло быть и не быть, от этого общее направление развития не изменилось бы), к действиям социально улавливаемым, социально значимым — к действиям общественных классов. Категория «класс» позволяет, отвлекаясь от несущественного в действиях отдельных людей, вскрывать общее направление движения масс людей, составляющих социальную силу, влияющую на ход истории. И поскольку теория позволяет это сделать, она способна служить руководством к изучению истории. Методологическую сторону теории классов и классовой борьбы прекрасно охарактеризовал В. И. Ленин: «Что стремления одних членов данного общества идут вразрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы»¹.

3. Механизм действия социальных законов. Объективная детерминация деятельности и роль субъективного фактора

Соотношение социальных законов и деятельности нельзя понимать как первоначально существующие отдельно, а затем вступающие в такое отношение компоненты, когда деятельность становится формой проявления закона. Мы уже говорили, что отдельно от деятельности, в «чистом виде», социальный закон существует лишь в абстракции. Реально он существует только в деятельности: существование закона и есть его действие. В этом и заключена непреодолимая трудность для метафизического мышления. Изображая деятельность людей в качестве пассивного проводника действия закона, метафизики полностью искажают реальную картину, так как для реализации закона нужна именно активная деятель-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 58.

ность, целеустремленная борьба. Г. В. Плеханов в свое время обнажил всю смехотворность позиции немецкого неокантианца, который ставил марксистов перед «грозной» дилеммой: если вы создаете партию для борьбы за социализм, значит, вы отрицаете закономерность его прихода, если же вы признаете неизбежность наступления социализма, зачем создавать партию борьбы за социализм? Ведь не создают же партию содействия лунному затмению, которое неизбежно наступит в соответствии с действием закона природы. Плеханов показал, что закон природы действует помимо человека, действие же социального закона предполагает деятельность людей¹.

Вне практической деятельности людей ни о каких законах общественного развития не может быть и речи. При этом, однако, важно обратить внимание на два момента.

Во-первых, диалектика истории такова, что люди изменяют обстоятельства под давлением самих обстоятельств, что, проявляясь лишь в практической деятельности людей, законы общественного развития *определяют* содержание и направление этой деятельности. Победа социализма во всем мире неизбежна. Она определена действием законов общественного развития в современную эпоху. Но достигнуть этой победы можно только самоотверженной борьбой передовых общественных сил, преодолевающих сопротивление приверженцев старого общества, практической деятельностью сотен миллионов людей.

Во-вторых, законы определяют лишь *общее направление* исторического процесса, а конкретный ход истории, детальный «рисунок» этого процесса, а также формы и темпы развития обусловлены более конкретными причинами, в том числе и творческой инициативой людей, соотношением социальных сил, сил прогресса и реакции, активностью лиц, групп, партий и т. д. Так, без анализа такого рода конкретных причин невозможно объяснить приход к власти фашизма в Германии. Ход событий мог быть и иным. Ведь во Франции фашизму не удалось одержать верх, хотя попытки насадить фашистские порядки были и там. А разве правильно рассматривать как неизбежность поворот Китая от марксизма-ленинизма к маоизму? Были же там силы, которые могли противостоять падению Китая в бездну анархии и произвола. Значит, в каждом конкретном случае ход событий зависит от людей, их взглядов, стремлений, активности, силы. Не признавать этого — значит сводить роль деятельности людей, их инициативы к нулю или к какой-то незначительной величине. Но тогда история приняла бы «мистический» характер.

¹ См.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5-ти т. М., 1956, т. 2, с. 303—304.

Итак, общество развивается по объективным законам, люди в своих действиях ограничены определенными материальными условиями. Но в рамках объективной необходимости — а эти рамки довольно широки — люди могут принимать различные решения, проявлять самую разнообразную инициативу в соответствии со своими интересами, пониманием объективных условий, конкретными обстоятельствами и т. д.

Поэтому каждый народ имеет свою историю, хотя во всех странах, имеющих одинаковый социально-экономический строй, действуют одни и те же законы. И нельзя противопоставлять объективные законы общественного развития творческому характеру деятельности людей в обществе. Их деятельность является именно той силой, которая движет развитие общества и в подлинном смысле слова творит историю во всем ее конкретном многообразии.

Люди сами делают свою историю, но делают ее не по произволу, а в соответствии с объективными условиями и социальными законами. Так в историческом материализме разрешается в самом общем виде дилемма социального закона и деятельности, дилемма, которая без диалектики в принципе решена быть не может, ибо метафизическое мышление бессильно совместить социальные законы и деятельность и потому приходит к отрицанию либо одного, либо другого. Вся сложность понимания истории как осуществляемого людьми закономерного процесса в том и заключается, что познание должно ухватить противоположные начала в деятельности людей: объективное и субъективное; необходимое и случайное; независимое от человека, нечто субстанциональное и зависящее от его сознания, воли, выбора; закономерное и определяемое совокупностью конкретных обстоятельств; общее и отдельное и т. д. Эти противоположности не просто противостоят друг другу, они постоянно переходят одна в другую; случайное становится необходимым, необходимое проявляется в случайном, общее в отдельном, из массы конкретных единичных действий складывается закономерный процесс и т. п. Все это можно теоретически осмыслить только с помощью диалектики.

Конкретизация механизма действия закона общественного развития связана с анализом его отношения к различным элементам структуры человеческой деятельности; в качестве таковых обычно выделяют потребности и интересы, мотивы и стимулы, цели и средства.

Потребности и интересы служат средством перевода объективного в субъективное. Именно благодаря потребностям и интересам образуется специфический субъект деятельности со своими стремлениями, целями, особенностями.

Сказанное относится и к индивидуальным и к общественным потребностям. Последние делают значимыми для социального

субъекта те или иные задачи общественного развития, определяемые объективными закономерностями общественной жизни, ее противоречиями и т. д. Индивид становится «частицей» социального субъекта, поскольку через общественные интересы и потребности он подключается к решению назревших задач общественного развития. Потребность принадлежит субъекту и осознается им (особенно это касается первичных биологических и социальных потребностей) как необходимое требование к объекту, без удовлетворения которого невозможно его существование (например, потребность в пище, жилье, общении и т. д.). Прогресс общества сопровождается появлением новых потребностей, без удовлетворения которых сохранение достигнутого общественного состояния и дальнейшее движение становится невозможным. Прогресс общества включает в себя закон возвышения потребностей.

К потребности близка категория интереса. В понимании интереса существуют разные точки зрения. Одни исследователи считают, что интерес объективен, другие — что он субъективен, связан с сознанием, третьи рассматривают его как единство объективного и субъективного¹. Думается, что «гносеологические корни» такого разнобоя в том, что в разных науках в эту категорию действительно вкладывается разный смысл. А некоторые авторы некритически переносят содержание понятия, выработанные в одной из наук, в область, где оно приобретает другое значение. Так, в психологии интерес есть явление сознания, и выражается он в определенной направленности внимания. В системе психологических понятий такая трактовка интереса не только оправдана, но и необходима.

В историческом материализме в понятие интереса вкладывается иной смысл, определяемый местом этого понятия в системе социологических категорий. И те авторы, которые пытаются оперировать в социологии понятием интереса, перенесенным из психологии, совершают грубую ошибку.

В противоположность психологии исторический материализм трактует интерес прежде всего как категорию объективную, исходя из основополагающего методологического положения Ф. Энгельса, что «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*»². Если и можно что-либо принять за основной управляющий принцип общества, замечает Энгельс, то таким принципом будет интерес. Это положение

¹ См.: *Здравомыслов А. Г.* Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964; *Глезерман Г. Е.* Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973, с. 60—83; *Айзикович А. С.* Важная социологическая проблема. — *Вопросы философии*, 1965, № 11; *Лавриненко В. Н.* Проблема социальных интересов в ленинизме. М., 1978, и др.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 271.

означает, что объективные интересы данного социального субъекта (социальной группы, класса и т. д.) определяются его положением в системе определенных общественных (экономических) отношений.

Сложность проблемы состоит, однако, в том, что, будучи объективным, интерес, как и потребность, всегда есть интерес какого-то субъекта. Более того, потребности и интересы формируют субъекта, «лепят» его как нечто особенное, специфическое, отличное как от объекта, так и от других субъектов, обладающих другими потребностями и интересами. Нельзя представить себе субъекта без потребностей и интересов. Отнимите у субъекта потребности и интересы, и он превратится в ничто, ибо тогда не будут возникать противоречия между субъектом и объектом, исчезнет то, что побуждает субъекта действовать¹.

Интерес является, таким образом, определенным элементом структуры человеческой деятельности, назначение которого в том, чтобы служить *источником человеческой активности*, побуждать людей действовать в случае возникновения противоречий с объектом. Поэтому недостаточно сказать, что интерес объективен. Интерес, поскольку он проявляется в деятельности, «переводит» объективное в субъективное. Вряд ли правильно определять интерес как единство объективного и субъективного, поскольку такого единства может и не быть, а интерес будет существовать. Но бесспорно, что это объективный компонент структуры деятельности, через который субъекты «подключаются» к функционированию и развитию экономических и социальных систем, а законы этих систем «переводятся» в план деятельности, то есть приобретают конкретные формы своего проявления.

Проблема интересов многообразна. Она включает в себя и иерархию интересов (коренные и некоренные, материальные и духовные), и сочетание индивидуальных и общественных интересов, и адекватность осознания интересов и т. д. Но в рамках нашей темы было важно установить, как через интересы «проникают» в деятельность людей объективные законы общественного развития.

Решающую роль в проявлении объективных социальных законов в деятельности людей играет *классовый интерес*. Как социальный субъект класс реализует требования объективных законов. Последние либо существуют в виде определенных возможностей развития, превращение которых в действительность может происходить лишь с помощью активной деятельности социального субъекта, либо сами выступают как принудительная сила, побуждаю-

¹ Подробнее об источниках активности субъекта и факторах ее детерминации см.: *Арефьева Г. С. Социальная активность*. М., 1974, с. 183—207.

шая людей действовать так, а не иначе. Но в любом варианте деятельность социального субъекта оказывается необходимым посредствующим звеном в их проявлении.

Признание объективного характера интересов позволяет осуществлять объективный историко-материалистический анализ социальной структуры общества и ее динамики, определять стратегию и выработать тактику рабочего класса и его партии по отношению к другим классам и партиям и т. д. Так, развитие производительных сил — высший критерий прогресса, конечная детерминанта общественного развития и, следовательно, конечный пункт социального анализа. Но производительные силы развивают люди, руководствуясь своими интересами. Значит, нельзя понять источник развития производительных сил, отвлекаясь от интересов людей, или, например, определить возможного союзника рабочего класса на том или ином этапе революционного движения, не выявляя тех классов или групп, интересы которых полностью или частично совпадают с интересами рабочего класса. Не ясно ли, что всякие попытки субъективизировать категорию интереса в историческом материализме могут привести к подрыву основы его методологии, к лишению теории важнейшего показателя для оценки и определения объективного содержания и направления деятельности того или иного социального субъекта. А это и означает, что понятие интереса нельзя рассматривать вне связи со всей системой категорий данной науки.

Определяя специфику класса как социального субъекта, интерес выступает источником его активности. Он обуславливает характер создаваемых этим субъектом социальных институтов. Такая особенность интереса позволяет использовать его как средство выявления объективного содержания не только самой деятельности классов, но и ее результатов. Иначе говоря, понятие классового интереса — ключевое в марксистском методе классового анализа, поскольку служит основой объективного подхода к явлениям, имеющим классовую природу. Например, применение этого метода к объяснению природы государства сразу сорвало все иллюзорные покровы, в которые окутывала его идеология эксплуататорских классов, и обнажило его подлинную природу. С формальной стороны государство есть социальный институт, обеспечивающий гражданский порядок и возможность совместной деятельности людей, представляющий и охраняющий права, которыми могут пользоваться члены общества, выражающий внутри и вовне общие интересы, а право — это система норм, которыми в общих интересах должны люди руководствоваться в своей жизни и деятельности. Правовые нормы регулируют отношения людей в обществе, а государство охраняет общественный порядок. Подобными абстракциями пользуются буржуазные теоретики, чтобы скрыть истинную со-

дальнюю природу данных явлений, посеять в отношении них всевозможные иллюзии.

Но рассмотренные с точки зрения классового интереса, государство и право выглядят совсем по-другому. Государство есть политическое учреждение, оно выражает политические интересы господствующего в обществе класса. Продолжая приведенную выше мысль Ф. Энгельса о природе интереса, можно сказать, что политические отношения обнаруживают себя как политические интересы. А соотношение между ними и экономическими интересами таково же, как между политикой и экономикой вообще. Как выражение политических отношений и интересов эксплуататорское государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий, орудие политического господства класса, занимающего господствующее положение в экономике, машина для угнетения одного класса другим и т. п. Право же — возведенная в закон воля господствующего класса, с помощью которого при поддержке государственной машины он навязывает свою волю всему обществу.

Государство и право охраняют порядок, но они охраняют прежде всего классовый порядок — порядок, угодный господствующему классу. Поэтому буржуазное государство, даже если оно принимает самые демократические формы, все равно остается средством защиты капиталистической системы. Иллюзией и буржуазной выдумкой являются идеи «чистой», или неклассовой, демократии. Они лишь замазывают исторически конкретную социальную сущность этого явления. Поэтому марксизм-ленинизм решительно критикует буржуазно-реформистскую идею о надклассовости политико-юридических форм. Не менее опасная крайность — вульгарно-примитивная, анархистская, левацкая трактовка метода классового анализа. Классики марксизма-ленинизма остро критиковали сторонников этой позиции за недиалектичность, непонимание сложности проблемы. В. И. Ленин писал, что русское самодержавие опиралось не только на насилие, на военно-полицейский аппарат. «Самодержавие держалось вековым угнетением трудящегося народа, темнотой, забитостью его, застоём экономической и всякой другой культуры»¹.

Конкретная история антагонистических обществ не сводится к борьбе классов, и, чтобы не впасть в вульгарный социологизм, следует видеть пределы классового подхода к анализу различных общественных явлений. Можно сказать, что в системе морали любого общества доминирует классовое начало. Но нельзя забывать, что мораль возникла задолго до появления классов. Кроме того, с развитием морали складывается совокупность норм, необходимых для

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 180—181.

жизнедеятельности любой человеческой общности. Эти простые нормы нравственности вырабатываются народными массами, концентрируют в себе в обобщенном виде опыт человеческого общения и остаются после того, как классы вообще отойдут в область предания. Следовательно, необходимо учитывать специфику общественных явлений, их социальную природу. Но важно отметить и другую сторону дела. Социализм отвергает мораль эксплуататорских классов, но воспринимает те простые нормы нравственности, которые выработаны народными массами, в которых аккумулярован и закреплён опыт человеческого общения, и формирует новую коммунистическую нравственность, которая «служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда»¹. Поэтому при решении вопроса о том, что надо отбросить, а что сохранить и использовать из порождений классово-антагонистического общества, необходимо опираться на конкретно-исторический социально-классовый анализ, рассматривать явления во всей системе их связей, а не однолинейно, примитивно, абстрактно.

Вместе с тем важно понимать, что возможности классового подхода ограничены как природой самих явлений общественной жизни, к которым он применяется, так и историческими условиями. Иначе неизбежна вульгаризация.

В нашей стране после Октябрьской революции такая вульгаризация была допущена деятелями Пролеткульта, собиравшимися выбросить как негодную всю культуру прошлого и начать строить новую «пролетарскую» культуру на голом месте. В. И. Ленин показал тогда, что линия Пролеткульта ничего общего с марксизмом не имеет, что пролетарская культура может строиться лишь на прочном фундаменте всего культурного наследия прошлого. И уж совсем недавно мы были свидетелями возрождения традиций Пролеткульта в многократно умноженных масштабах в ходе так называемой «пролетарской культурной революции» в Китае. Причём здесь отрицание культуры прошлого, прикрывающееся лживым флагом окарикатуренного «классового подхода», обернулось трагедией для целого поколения молодежи, которое подверглось обольщению: вместо знаний сознание их заполнялось цитатами из работ великого кормчего.

Упрощенчество тем более недопустимо при подходе к явлениям, которые классовыми не становятся ни при каких обстоятельствах, — к таким, например, как техника, наука, язык. Классовый характер носят лишь социально-экономические и политико-идеологические формы их развития. Так, мировоззренческие и методологические основы естествознания подлежат классовой оценке, по-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

сколько они относятся к области философии, идеологии. Попытки же применить классовые характеристики к теоретическому содержанию самого естествознания оборачиваются, как правило, дикой вульгаризацией, подобно тому как это в свое время произошло с оценкой генетики, биологии, теории относительности, кибернетики, когда на эти науки в целом или конкретные научные теории наклеивались ярлыки идеалистических, механистических, буржуазных и т. п. В природе не существует буржуазной или пролетарской биологии, физики или математики, а существует наука, которая в своих мировоззренческих, методологических и гносеологических основаниях и интерпретациях вступает в сферу, где происходит борьба философских направлений. Подлинная наука всегда материалистична; она стихийно рождает материализм. Но развитие естествознания в буржуазном обществе происходит в обстановке сильнейшего давления на него различных направлений идеалистической философии. Защитить его от натиска идеализма может только диалектический материализм.

Итак, *метод классового анализа предполагает строго дифференцированный подход к различным общественным явлениям с учетом их специфики и взаимоотношения с другими явлениями общественной жизни, исторических условий и практических задач классовой борьбы пролетариата.*

Классовый подход, метод классового анализа — мощное средство проникновения в глубины социального организма. Только опираясь на принципы классового подхода, можно научно анализировать деятельность людей в условиях классового общества и получать то знание об обществе, которое необходимо для решения практических задач революционной борьбы. Классовый подход оберегает от опасности объективизма, который, как это показал В. И. Ленин, в лучшем случае позволяет отметить некоторые «исторические тенденции», но не дает возможности определить ни направления решения назревших социальных задач, ни тех сил, которые в состоянии эти задачи решить. Но, как и всякое оружие, надо классовый подход использовать умело, иначе можно нанести непоправимый ущерб революционному движению и в теории и на практике.

Противоположностью упрощенчества в классовом анализе является отказ от классового подхода, от метода классового анализа. Такой отказ может принести не меньше вреда, так как обезоруживает революционное движение, лишает его мощного теоретического средства социального анализа и ориентации в политической жизни. «Люди, — писал В. И. Ленин, — всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными,

политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»¹.

По своему классовому смыслу обе крайности — и характерный для реформизма отказ от классового подхода, и его примитивизация, выражающаяся в псевдореволюционности, — есть результат мелкобуржуазных шатаний. Убийственную типологическую характеристику этих явлений дал в свое время В. И. Ленин: «Мелкобуржуазный реформизм, т.е. прикрытое добренькими демократическими и «социал»-демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционаризм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле — таковы два «потока» этих шатаний. Они неизбежны, пока не устранены самые глубокие корни капитализма»². Меняется только их форма, существо же остается. Маоистский Китай и явил собой специфическую форму этих мелкобуржуазных шатаний перед лицом тех огромных трудностей, которые неизбежно возникают при решении грандиозных проблем подъема многомиллионных масс людей от тысячелетней отсталости, нищеты, невежества к развитым социалистическим формам жизни, где формируется качественно новый тип исторического развития, связанный с переходом к новому типу социальной деятельности, — сознательному творчеству истории.

Таким образом, интерес — весьма сложное явление по своему содержанию, его осознанию человеком, характеру выражения и обоснования.

Прежде всего интерес выражается в стремлении субъекта к определенной цели и в действиях, направленных на ее достижение. Но эта деятельность должна быть *мотивирована*. Человек может действовать под влиянием самого низменного интереса, но мотивы при этом выставлять благородные, чтобы оправдать свои действия перед другими, да и перед самим собой. Поэтому по мотивам нельзя судить ни о действиях, ни о реальных интересах людей. В мотивационной сфере интерес может отражаться в искаженном виде, в иллюзорной форме. Люди иногда даже не осознают реальных побудительных сил, которые заставляют их действовать так, а не иначе, и пробавляются различными мифами и иллюзиями о причинах своих действий.

При рассмотрении не психологической, а методологической стороны проблемы мотивации важно иметь в виду следующее. Материальные интересы осознаются в своей непосредственной, экономической, форме лишь в экономической сфере, то есть там, где реализация интересов состоит в достижении экономических целей

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47.

² Там же, т. 44, с. 101.

экономическими же средствами. Так, капиталист свой интерес — увеличение капитала — реализует в сфере производства, целью которого выступает погоня за прибылью, посредством усиления эксплуатации живого труда. Но когда тот же капиталист ради тех же целей стремился к захвату колоний, его экономический интерес трансформировался в интерес политический. Это значит, что реализация экономического интереса опосредствована применением политических средств. Таким образом, то, что материальный (экономический) интерес осознается в различных идеологических формах, не случайно.

Такой способ осознания экономического интереса зависит от самой структуры общества, наличия различных сфер жизни и деятельности со своими специфическими целями и соответствующими средствами их достижения. Этот способ создает возможность маскировать первичный интерес, если в этом есть социальная необходимость, представлять его в различных «идеальных» облачениях.

Кроме того, здесь действует закономерность, на которую обратил внимание Ф. Энгельс. Каждая идеологическая сфера (политическая, правовая, нравственная) имеет свои внутренние потребности, должна быть внутренне «упорядочена», сформирована как система. Внутренние потребности данной сферы также вносят «коррективы» в способ осознания экономических отношений и интересов, характер их выражения. Ведь в идеологии речь идет не просто об осознании интереса, но и его оправдании, идейном обосновании. И все эти моменты отражаются в мотивационной сфере — сфере идеальных побудительных мотивов человеческих действий.

Описанный способ субъективного представления интереса открывает еще одну возможность, усложняющую исследование связи интересов и деятельности людей, — возможность как для отдельных индивидов, так и для целых социальных групп действовать вопреки своим действительным интересам. Отдельные люди сознательно и бессознательно могут действовать, когда ложно понятый интерес принимается ими за реальный. Что касается социальных групп, то здесь на модификацию интереса, как правило, оказывает влияние чуждая их интересам идеология, навязываемый им (или обществу в целом) способ деятельности, неадекватный их собственным интересам.

Совершенно очевидно, например, что идеология гегемонизма не отвечает коренным интересам китайского народа. Народ, сбросивший иго империализма и собственных эксплуататоров, вовсе не заинтересован ни во враждебном противостоянии Советскому Союзу и другим странам социалистического содружества, ни в братании с фашистами, антикоммунистами, реакционерами всех

мастей, ни в милитаризаций страны, ни в черносотенных погромах в области культуры и образования, ни в травле народной интеллигенции, ни в разгроме революционных кадров,— во всем том, что навязывали и навязывают стране и народу китайские лидеры. Политическими и идеологическими средствами они заставляют многомиллионный народ действовать вопреки своим действительным интересам — интересам борьбы за социализм. Но можно предположить, что реальный интерес трудящихся масс этой страны все-таки пробьет себе путь, а политику маоизма ожидает полный крах.

Итак, между материальными интересами, выражающими реальное положение социальных групп и общностей в системе общественных отношений и стимулирующими закономерный для них в данных условиях способ действий, и идеальными побудительными мотивами деятельности не существует однозначного соответствия и жесткой причинно-следственной зависимости. Сфера материальных интересов, конечно, определяет действия людей. Но так как она оказывает свое влияние не только непосредственно, а и через идеологическую и психологически-мотивационную сферу, где рождаются «идеальные побудительные силы», то последние тоже влияют на поведение и действия людей. Так в обществе возникает две возможности: тормозить действие объективных законов общественного развития путем навязывания людям образа действий, соответствующего интересам реакционных классов и групп, или, напротив, способствовать их действию путем формирования прогрессивных общественных сил, способных оказывать решающее влияние на ход событий.

Проведенный анализ проблемы показывает: из признания определяющей роли материальных интересов как побудительных причин деятельности людей с необходимостью вытекает, что *объективные социальные законы пробивают себе дорогу через столкновения, борьбу различных социальных групп с разными и противоположными интересами.* Это показывает, что наличие в обществе объективных законов отнюдь не превращает человека в «марионетку», что реализация объективных законов целиком и полностью зависит от людей, от их активности, деятельности, борьбы. И в столкновении различных социальных сил объективные законы пробивают путь как *исторические тенденции.*

Важными компонентами структуры человеческой деятельности являются *цели и средства.* В процессе деятельности всегда существует проблема выбора целей, целеполагания и определения средств для их достижения.

Казалось бы, в выборе целей своей деятельности человек меньше всего детерминирован внешними обстоятельствами, в наибольшей степени свободен и независим. Идеалисты широко используют

факт целесообразного характера деятельности для отрицания того, что результат этой деятельности — исторический процесс — подчинен действию каких-либо законов. Логика их рассуждений проста: если деятельность направляется свободно выбранными целями, то ход истории определяется волей людей, а не какими-то объективными детерминантами — законами и другими факторами. Чтобы последовательно провести в этом вопросе линию материализма, надо глубоко разобраться в действительной *природе целоположения*.

Прежде всего история свидетельствует, что человек не так уж свободен в выборе своих целей. Уже шла речь о связи целей и интересов. Побудительная сила последних выражается, в частности, в том, что они определяют характер избираемых целей или, во всяком случае, сужают сферу их выбора. Например, экономические и политические цели современной империалистической буржуазии весьма четко детерминированы ее интересами: погоней за максимальной прибылью, стремлением сохранить свои позиции и укрепить капитализм и т. д. Кроме того, выбор целей индивидом, классом, обществом обусловлен наличием или отсутствием средств для их достижения. Особенно отчетливо это просматривается при выборе технических целей. Например, общество пока не может поставить своей задачей устранить автомобили с двигателями внутреннего сгорания, сжигающими ценное горючее и загрязняющими окружающую среду, и заменить их другими хотя бы потому, что для этого еще не созданы соответствующие технические средства.

Итак, материальные условия, интересы и средства детерминируют и ограничивают поле выбора целей, и потому последние так или иначе связаны через ряд посредствующих звеньев и с законами общественного развития.

Свобода выбора целей, как и свобода человека, вообще сама есть продукт общественного прогресса. Чем примитивнее общество, тем меньше свободы имеют составляющие его индивиды и социальные группы. Для крепостного крестьянина свобода выбора целей практически отсутствует, ибо цели его заданы ему от рождения самой его принадлежностью к определенному сословию, семье и т. п. При капитализме для индивида возможности выбора расширяются, но в сфере производства они жестко задаются и экономической системой капитализма, и технологической системой машинного производства. Социализм в огромной степени расширяет возможности свободного выбора целей для каждого нового вступающего в жизнь поколения. Но максимальная свобода в этом отношении будет достигнута лишь в условиях коммунизма, когда вся масса трудящихся сможет приобщиться к творческой деятельности и самостоятельности, внутренне связанная с самостоятельным

выбором целей действующим субъектом, станет всеобщим достоянием¹.

Таким образом, ход истории дает основание для выявления закона, согласно которому степень свободы выбора целей расширяется в ходе исторического развития, что связано, как мы увидим дальше, с изменением форм проявления объективных законов в деятельности людей.

Но целеполагание — лишь одна сторона дела. Другая — это *целеосуществление*, реализация целей, достижение определенного результата. Для осуществления целей прежде всего необходимы средства. Хотя верно, что в своих средствах человек возвышается над остальной природой, но он зависим в выборе средств от уровня общественного — материального, социального, культурного — развития.

Реальность цели зависит не только от ее соответствия объективным законам общественного развития, но и от наличия средств для ее реализации. Поэтому наличие или отсутствие средств «заземляет» любые цели, мечты, фантазии, утопии. С другой стороны, в движении больших масс людей реальный смысл имеют те социальные задачи, средства решения которых уже имеются налицо или находятся в процессе становления. Поэтому К. Маркс и считал, что люди в своей социально-исторической деятельности ставят перед собой разрешимые задачи. Это важное марксистское положение избавляет материалистическое понимание развития от свойственных идеализму телеологии и провиденциализма.

Проблема соотношения целей и средств весьма многопланова: она имеет экономические, политические, моральные, философские и иные аспекты. Здесь нет необходимости рассматривать все эти моменты. Хотелось бы лишь отметить, что в известном смысле *человеческая деятельность есть не только форма проявления, но и средство реализации законов общественного развития*. Но когда деятельность рассматривается в таком плане, то внимание акцентируется именно на «вооруженности» самой деятельности. Эта «вооруженность» зависит от материальных, социальных и культурных условий. Значит, объективно детерминированы и цели, и мотивы, и средства человеческой деятельности. Однако последние детерминируются не только объективно. Они зависят и от поставленных целей. Между целями и средствами их реализации должно быть соответствие: реализация цели предполагает использование средств, соответствующих как объективным условиям, так и самой цели. Нарушение этого соответствия либо исключает возможность реализации цели, либо искажает ее так, что она может превратиться в собственную противоположность.

¹ См.: Яценко А. И. Целеполагание и идеалы. Киев, 1977, гл. III.

4. Движущие силы исторического процесса

Всякий процесс развития имеет своим источником внутренние противоречия. В природе они возникают и разрешаются во взаимодействии стихийных сил, в человеческом обществе — в деятельности людей, совокупным результатом которой и является движение общества вперед, то есть его развитие. Поэтому при анализе исторического процесса возникает проблема не только источников, но и движущих сил общественного развития.

В самом общем виде можно сказать, что движущая сила общественного развития есть деятельность людей. Но этот ответ слишком абстрактен и потому мало содержателен: в нем еще не определяется ни характер деятельности, ни ее побудительные причины. Более конкретный подход к вопросу должен выразиться в трактовке движущих сил общественного развития как *деятельности людей в определенной системе общественных отношений, взятой в единстве с ее материальными причинами и идеальными побудительными силами*. Чтобы понятие движущих сил приобрело статус категории исторического материализма, важно определить и ту сферу общественной жизни, в которой эти силы действуют.

Поскольку основу развития общества составляют производительные силы, то правильно будет сказать, что деятельность людей в сфере материального производства и есть движущая сила истории. Но такое понимание ничего не добавляет к трактовке производительных сил как основы исторического процесса.

Если же обратиться к социально-политической области, то здесь и теоретически и практически всегда стоит вопрос о силах, способных решить возникающие проблемы и задачи.

С учетом последнего обстоятельства можно сказать, что движущие силы исторического процесса — это те социальные силы, в деятельности которых разрешаются стоящие перед обществом социальные проблемы.

В антагонистическом обществе движущей силой исторического процесса является борьба общественных классов. Согласно марксизму, изучать историю как результат деятельности людей — значит практически изучать ее (это касается всего периода писаной истории) как историю классов и классовой борьбы и руководствоваться теорией классов при описании конкретного хода событий. Рисунок конкретной истории, конечно, создается не только действиями борющихся классов. Но понять историю, абстрагируясь от классов и классовой борьбы, невозможно.

Именно с момента возникновения классового деления общества и отношений эксплуатации возникла и социально-политическая сфера, а все социальные преобразования осуществляются в столкновении классов с различными и противоположными интересами.

В доклассовом обществе, где проблемы социальных преобразований не было, движущие силы истории, видимо, совпадали с процессом труда.

В докапиталистических антагонистических формациях классовое деление вуалировалось сословными, кастовыми различиями, облекалось иногда в патриархальные формы, но оно оставалось основным, исходным, сущностным социальным делением, и в столкновении классов решались социальные проблемы той эпохи. Рабы и рабовладельцы, феодалы и зависимые крестьяне — основные классы рабовладельческой и феодальной формаций. При капитализме экономические основания классового деления общества на буржуазию и пролетариат выявились вполне открыто и определенно.

Классы состоят из людей, действия классов — из индивидуальных действий, суммированных по определенным признакам. Это суммирование, или, как сейчас модно говорить, интегрирование массы действий отдельных личностей в действия класса, происходит в самой действительности, причем интегрирующими факторами выступают определяемые экономическими основаниями общие потребности, интересы, общность положения, психологии, а в классовой борьбе также общность целей, идеалов, стремлений. И общественная наука не может не считаться с этими социальными реалиями.

Теоретическая схема класса как социального субъекта исторического действия, конечно, идеализирована. В действительности класс в целом никогда не действует как нечто единое. В нем имеются группы, слои со своеобразными интересами, программами, идеями. Так, в условиях капитализма за коммунистами, действительно выражающими коренные общеклассовые интересы пролетариата, идет лишь часть рабочих, другая же часть находится под влиянием правооппортунистических, иногда даже чисто буржуазных партий. Поэтому перед революционными марксистскими партиями всегда стоит задача идейной борьбы — борьбы за умы и сердца людей, за массы, за их освобождение из-под духовного гнета буржуазии и проводников ее влияния в среде рабочего класса. С учетом этого можно сказать, что идеализированная схема социального субъекта выражает некоторую предельную ситуацию, которая в жизни полностью не осуществляется, но имеет методологическое значение для теории классов и классовой борьбы.

Как и отдельный человек, социальный класс не появляется на свет в виде готового субъекта — он им становится в более или менее длительном процессе, который в марксизме обозначается как превращение «класса в себе» в «класс для себя». Это превращение, как неоднократно отмечали основоположники марксизма, происходит в процессе *политической борьбы* — высшей формы

классовой борьбы, где класс выступает как целое против своего антагониста и отстаивает свои коренные общеклассовые интересы.

В ходе этой борьбы формируются политические отношения, особенность которых состоит в том, что они складываются в соответствии с идеологией борющихся классов и предполагают наличие организаций, спланивающих и объединяющих индивидов для достижения политических целей каждого из этих классов, определяющих линию его политики во взаимоотношениях с другими классами.

Сущность политико-юридической надстройки общества определяется тем, интересы какого класса она представляет, какой класс держит в своих руках аппарат политической власти. Что же касается ее форм, то они зависят от конкретных условий, традиций, от соотношения классовых сил, внутреннего и международного положения и от самого «субъекта» политического господства, от того, как он и его духовные и политические лидеры понимают общеклассовые интересы. Господствующий класс не изолирован и вынужден считаться с объективными условиями, с обстановкой, с расстановкой классовых сил и активно бороться за сохранение и упрочение своего господства, тем более если возникает реальная угроза этому господству.

Демократизация политического строя в рамках капитализма или, напротив, ужесточение политического режима отражают перевес тех или иных сил. Массу подтверждающих данное положение примеров дает послевоенная история Европы и других континентов, обнаруживая при этом глубокую взаимосвязь внутреннего и международного развития. Так, США в борьбе с миром социализма опираются на реакционные режимы и силы реакции во всех странах. Но делать ставку на них становится все труднее, о чем свидетельствует падение диктатуры шаха в Иране, свержение кровавого режима Сомосы в Никарагуа и т. д. Силы демократии растут в разных странах, активно препятствуя внешнему вмешательству во внутренние дела своих стран.

Таким образом, изменение соотношения классовых сил отражается в изменении форм политического устройства, а когда созревают материальные предпосылки для уничтожения старого общества, классовая борьба оказывается *единственной силой, способной осуществить революционный переворот*, преодолеть сопротивление сил, охраняющих старые порядки и использующих для этих целей всю мощь надстройки.

Эта социальная задача решается посредством политической революции, которая сама является высшим развитием, кульминационным пунктом борьбы противоположных классов. Главный вопрос всякой революции — вопрос о власти. Лишь взяв власть в свои руки, прогрессивные движущие силы революции получают

возможность довести революцию до конца и отстоять ее завоевания. В условиях социалистической революции, которая для теории марксизма представляет наибольший интерес, проблема власти стоит как проблема диктатуры пролетариата. Отличие марксиста от немарксиста, революционера от неревolutionонера заключается в том, борется ли он за победу рабочего класса, за социализм и коммунизм или нет. Все другие показатели не проводят необходимого водораздела либо производны. Поэтому В. И. Ленин писал: «Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*»¹. И это действительно безошибочный критерий. Известно, что во многих странах и неоднократно приходили к власти правые социал-демократы. Но капиталистический строй при этом сохранялся. Значит, их власть не была властью рабочего класса. Конечно, утверждение диктатуры пролетариата не может быть всегда непосредственной целью борьбы, ибо для прихода рабочего класса к власти, для свержения власти буржуазии нужны соответствующие условия — революционная ситуация. Но в принципе идея диктатуры пролетариата остается незыблемой, ибо отражает объективную закономерность, игнорирование которой не может быть оправдано никакими тактическими соображениями.

Диктатура пролетариата — это революционная политическая форма перехода от капитализма к социализму. Революционная партия рабочего класса, даже если она пришла к власти чисто парламентским путем, встав на путь социалистического преобразования страны, неизбежно столкнется с сопротивлением буржуазии и будет вынуждена опираться на внепарламентские действия масс. А это значит — она должна утвердить диктатуру пролетариата.

Но диктатура пролетариата не противостоит подлинной демократии — демократии для большинства. В. И. Ленин подчеркивал, что без борьбы за демократию не может быть и борьбы за социализм. И рабочий класс — самый последовательный борец за демократию. Основные демократические установления и социальные завоевания не дарованы массам, а вырваны ими у господствующего класса — буржуазии в ходе решительной борьбы за свои права.

В чем же специфика классового подхода в условиях социализма и каковы движущие силы социалистического общества?

Как известно, важнейшую особенность социализма составили замена частной собственности на средства производства общественной социалистической собственностью, ликвидация на этой основе эксплуататорских классов, перевод крестьянства на рельсы коллективного хозяйства и создание новой, народной интеллиген-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 34.

ции. Эти глубочайшие революционные преобразования в экономической основе общества и его социальной структуре подняли общество на качественно новую ступень исторического прогресса, положили начало развитию социализма на его собственной основе. Здесь тоже возникают сложнейшие социальные проблемы, но они уже носят принципиально иной характер по сравнению с проблемами предшествующих обществ, поскольку в качестве практической задачи ставится достижение конечной цели коммунистического движения — полное уничтожение классов и создание бесклассового общества. Чтобы прийти к этому результату, социализму предстоит полностью преодолеть остатки старого общественного разделения труда, ликвидировать существенные различия между городом и деревней, между промышленным и сельскохозяйственным, умственным и физическим трудом. Это предполагает глубокое изменение в характере самого труда, стирание всех классовых различий. Видимо, на первый план в социально-однородной структуре будущего общества выступят трудовые коллективы, которые уже в настоящее время являются основными ячейками экономической и политической организации развитого социалистического общества.

С точки зрения внутреннего развития социализма борьба классов исчерпывает свои возможности как движущая сила исторического прогресса. Более того, возникновение борьбы классов в этих условиях было бы движением не вперед, а назад. И вполне закономерно диктатура пролетариата перерастает в общенародное государство. Необходимы новые движущие силы, и история их порождает. Что же это за движущие силы?

И при социализме источник развития образуют противоречия, возникающие в процессе движения общества. Но эти противоречия, как указывал В. И. Ленин — и его слова полностью подтвердились на практике, — теряют свою антагонистическую природу. Отсюда возникает фундаментальный для социалистического общества принцип: *все его проблемы и противоречия решаются совместными усилиями всех социальных групп общества, в интересах всего общества*, под руководством Коммунистической партии и на основе ее единства с народом. Движущими силами развития социализма становятся те факторы, которые *скрепляют экономическое, социально-политическое, моральное и идейное единство общества и соответствующим образом направляют и стимулируют социальную деятельность людей.*

Применительно к нашему, советскому обществу движущие силы определяются как *морально-политическое единство, дружба народов и советский патриотизм*. В этих факторах развития отражаются и характерные черты социализма как социальной системы и особенности Советского Союза. В своей совокупности эти фак-

торы характеризуют единство советского общества, сплоченность его классов, социальных групп, наций и народностей, единство личности и общества при социализме. Таким образом, факторы, скрепляющие единство социализма, одновременно выступают и факторами и движущими силами его развития. В этом важная особенность нового строя.

До социализма в революционном движении тоже существовала проблема единства, являвшаяся одним из важнейших условий победы революционного пролетариата над его классовыми врагами. Отсюда лозунг «Манифеста Коммунистической партии»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В наше время коммунистические партии выступают за единство всех антимонаполистических сил в революционном процессе, за единство всех миролюбивых сил в борьбе за разрядку, за предотвращение ядерной войны. В условиях социализма единство приобретает новое качество, распространяется на все общество: осуществляется диалектический переход, включающий и преемственность с традициями революционной борьбы, и возникновение нового.

Рабочий класс и при социализме остается ведущей силой общества. Постепенное перерастание диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство не означает, что социалистическое государство перестало быть классовым. И внутри страны и на международной арене оно проводит классовую социалистическую политику, выражающую интересы рабочего класса. Отличие состоит лишь в том, что на идейные и политические позиции рабочего класса перешли и крестьянство и интеллигенция, а в социальном отношении они стали однотипными с рабочим классом: мелкобуржуазное по своей природе крестьянство и буржуазная в прошлом интеллигенция стали социалистическим колхозным крестьянством и народной интеллигенцией.

Социальное единство советского общества, дополненное интернациональным братством всех наций и народностей страны, привело к формированию новой исторической общности — советского народа. Но поскольку идейно-политические позиции рабочего класса, выражаемые Коммунистической партией, стали позицией всех социальных групп общества, постольку и партия рабочего класса стала партией всего народа, сохранив свои классовые позиции. Такова диалектика социализма, определяемая тем, что это общество, где идет процесс стирания граней между классами, сближения наций, развития новой исторической общности.

Подобная же диалектика классового и общенародного проявляется и в сфере права. Что же касается морали, мировоззрения и некоторых других сфер социалистической идеологии, то мы бы подчеркнули возрастание в них не просто общенародных, а именно *общечеловеческих* элементов. Так, коммунистическая мораль, бес-

спорно, классовая, но она содержит в себе общечеловеческие элементы, которые будут усиливаться в процессе перехода от социализма к коммунизму. Такая природа этих явлений отражает особенности социализма как эпохи преодоления классовых различий.

Сказанное о методе классового анализа, о классовом подходе относится и к периоду социализма, но с обязательным учетом двух важных обстоятельств. Во-первых, с ликвидацией социальных антагонизмов и эксплуатации появились новые движущие силы развития, развернувшиеся на базе социального и идейно-политического единства общества при ведущей роли рабочего класса. Во-вторых, социализм развивается в мире, расколотом на антагонистические социальные системы, и угроза империалистической агрессии, войны и связанные с этим опасности еще далеко не сняты с повестки дня.

Хотя внутри социалистического общества классовая борьба отсутствует, оно не находится вне классовой борьбы, поскольку классовый характер носят взаимоотношения различных социальных систем, поскольку в мире идет напряженная идеологическая борьба, поскольку враждебные социализму силы, используя современные технические средства, пытаются воздействовать на умы и чувства людей в странах социалистического содружества, поскольку сохраняются еще пережитки старого, которые подчас принимают классово враждебные социализму формы или питают почву, на которой произрастают антисоциалистические взгляды.

Диалектика истории такова, что строительство бесклассового общества осуществляется в условиях происходящей в мире острой классовой борьбы и является *фактом* и *фактором* этой борьбы, так как укрепляет международный рабочий класс, все прогрессивные антиимпериалистические силы. Поэтому мир капитализма, несмотря на все провалы своих попыток стереть социализм с лица земли, несмотря на то, что он вынужден отступать и даже припять условия мирного сосуществования со странами социализма, не оставляет надежд на то, что ему удастся сбить социалистические страны с избранного ими пути. И буржуазная пропаганда, меняя формы и способы борьбы, продолжает действовать в этом направлении. Отсюда следует, что народы социалистических стран не могут терять бдительность и должны в своей деятельности руководствоваться классовыми критериями.

«Фактом является и заметное обострение идеологической борьбы,— подчеркивалось на XXVI съезде КПСС.— Для Запада она не сводится к противоборству идей. Он пускает в ход целую систему средств, рассчитанных на подрыв социалистического мира, его разрыхление. Империалисты и их пособники систематически проводят враждебные кампании против социалистических

стран. Они чернят и извращают все, что происходит в этих странах. Для них самое главное — отвратить людей от социализма»¹. Коммунистическая партия предупреждает о важности формирования классовой точки зрения у подрастающего и вступающего в жизнь поколения молодежи, что связано с трудностями, ибо это поколение формируется в условиях строительства бесклассового, социально-однородного общества. Преодолению этих трудностей должен помочь комплексный подход к воспитательной работе, предполагающий единство политического, трудового и нравственного воспитания, утверждение в сознании каждого человека идей советского патриотизма и социалистического интернационализма, готовности защищать завоевания социализма.

Из всего сказанного очевидно, что после выхода человечества из первобытного состояния все развитие общества, рассматриваемое как результат деятельности людей, можно научно осмыслить лишь на основе марксистской теории классов и классовой борьбы, лишь руководствуясь методологией классового анализа. И, заключая анализ этой проблемы, можно сделать вывод: *классовый подход — ключ к пониманию истории как результата деятельности людей.*

5. Детерминизм и свобода. Коммунистическая революция как изменение характера деятельности

Деятельность, говорил К. Маркс, угасает в результате, результат завершает процесс деятельности и служит началом, основой или средством дальнейшей деятельности². Поскольку деятельность целесообразна, то результат означает осуществление некой цели. Поскольку же в ней проявляются законы, то результат деятельности выступает как момент осуществления закона. Таким образом, в результате деятельности *цель и закон* вступают в особое отношение — *отношение осуществления*. В методологическом плане это отношение служит объективным показателем характера исторического процесса, показателем того, носит ли этот процесс стихийный характер или оказывается сознательным творчеством истории.

Говоря о стихийном или сознательном характере процессов, мы имеем в виду процессы, вызванные деятельностью большого числа людей, и, соответственно, совокупные результаты массового дейст-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 9.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191—192.

вия, хотя они и складываются из действий отдельных индивидов. Деятельность отдельного человека, поскольку она связана с осуществлением им или ему поставленной цели, носит сознательный характер. Конечно, люди могут действовать импульсивно, под влиянием аффекта или в силу привычки делать что-то механически, по однажды заведенному порядку, не задумываясь. Но все-таки индивидуальная деятельность сознательна, направлена на достижение определенных целей.

Характер же совокупной деятельности имеет сложную природу. Здесь мы сталкиваемся с различными вариантами связи индивидуальной и совокупной деятельности, при этом индивидуальная деятельность во всех вариантах носит сознательный характер.

Первый вариант — *стихийный процесс*. С точки зрения соотношения цели и результата классическая модель стихийного процесса была дана Ф. Энгельсом. Она строится на различении *непосредственного и общественного результата индивидуальной деятельности людей*. Люди сознательно добиваются осуществления своих будничных, повседневных целей. Из непосредственных результатов их сознательных действий складывается совокупный общественный результат как равнодействующая огромной массы отдельных действий, не совпадающая ни с одним из них, то есть этот общественный результат не содержался в целях, сознательных намерениях действующих субъектов. Поэтому, хотя действующие агенты сознательны, сам процесс и его результаты не зависят от воли и сознания людей. Но в таком случае чем же они определяются? Они определяются социальным законом, механизм которого таков, что в действиях людей, руководствующихся в каждом отдельном случае определенными сознательно поставленными целями и намерениями, реализуется нечто, не входящее в их цели и намерения, нечто «субстанциальное», а именно: законы общественного развития, историческая необходимость, которая в конечном счете и определяет общественные результаты деятельности масс людей. Люди вовсе и не думают ни о каких законах. Они просто действуют в соответствии со своими целями и интересами. Но оказывается, что тем самым они творят историю, что через их действия реализуется объективная историческая необходимость.

Второй вариант — *сознательный массовый процесс с непредвиденным общественным результатом*. Индивидуальные воли могут действовать не только вразброд, но и в одном направлении, настраиваясь, как молекулы полупроводника под влиянием электрического поля. Роль такого поля в социальной жизни играют революционные идеи, идеалы, идеология. Попадая на почву, подготовленную складывающимися объективными условиями, идеи сплачивают и объединяют массы, поднимают их на борьбу. Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами.

Но, чтобы овладеть массами, идеи должны выступить как цели борьбы, отвечающие жизненным интересам масс. Интересы и есть жизненная почва революционных идей. Деятельность масс под флагом определенных идей образует иной тип исторического процесса: он приобретает сознательный характер в том смысле, что *масса людей сознательно борется за осуществление уже не индивидуальной, а общественной цели*, от реализации которой каждый ожидает какой-то выгоды и для себя. Эта цель приобретает форму позитивного идеала, который должен быть сформулирован таким образом, чтобы он оказался приемлемым для всех и смог вдохновлять все слои, борющиеся за его осуществление. Социальная цель не выполнит своих функций, если она будет представлена только в рациональной форме. Она должна обязательно облечься в нравственные, эстетические и другие идеологические одежды (в середине века, например, когда чувства массы, по меткому определению Ф. Энгельса, были вскормлены религией, она выступала в религиозной форме).

Но конечный итог всей деятельности и борьбы масс оценивается по результату, по тому, насколько он соответствует заранее намеченной цели, реализует тот позитивный идеал, который служил вдохновляющим стимулом в борьбе. И вот оказывается, что во все прошлые эпохи, несмотря на сознательный характер борьбы (мы здесь отвлекаемся от случаев стихийных выступлений, ибо они, как правило, просто подавлялись и потому ни к какому позитивному результату для борющихся масс не приводили), совпадения социальной цели и общественного результата борьбы история не знает. Возьмем для примера французскую буржуазную революцию XVIII в., самую великую из всех буржуазных революций в истории. Ее идеалы, цели, вдохновляющие стимулы выражали три слова: свобода, равенство, братство. Эти идеалы были еще до революции обоснованы великими умами той грандиозной переходной эпохи, которая обозначается рубежами Возрождения и Просвещения. Эти идеалы спланировали третье сословие в борьбе против дворянства и духовенства, которые являлись опорой феодализма и абсолютизма. Каков же был итог революции? Можно ли сказать, что провозглашенные ею цели были осуществлены? Или этого не произошло?

Конечно, революция разрушила старый строй и открыла путь буржуазному обществу. В этом смысле она сыграла свою историческую роль. Но вместе с тем позитивный результат революции оказался совсем иным по сравнению с тем, который провозглашался ее идеологами и за который выступали массы. Царство разума, мыслимое как воплощение свободы, равенства и братства людей, обернулось царством буржуазии, стержнем и движущей пружиной которого стала нажива. Как заметил Ф. Энгельс, утопи-

ческие социалисты первыми указали на это противоречие между блестящими обещаниями просветителей и реальностью буржуазного общества, отразили разочарование масс в результате революции и дали острую критику капитализма, его внутренних противоречий, и прежде всего противоречий между бедностью и богатством.

Таким образом, иллюзорный характер позитивных целей сыграл в ходе революции свою роль: он помог сплотить вокруг этих целей разнородные социальные силы, объединить их в борьбе против феодализма. А когда иллюзорность целей обнаружилась, буржуазия уже утвердилась у власти и массам надо было начинать новую борьбу за свои права. Но это уже была борьба против капитализма, и ведущей силой в этой борьбе выступил рабочий класс.

Приведенный пример показывает, что в истории имели место случаи, когда сознательная деятельность масс приводила к стихийному результату, не совпадающему с поставленной целью. В периоды массовых движений, в периоды революций люди сплачивались под флагом иллюзорной идеологии, которая давала возможность решать назревшие задачи общественного развития, но вовсе не обеспечивала совпадение целей и результатов. Последние определялись материальными условиями общественной жизни, их зрелостью и действующими на этой основе объективными законами. Переход от феодализма к капитализму — вполне закономерный процесс и необходимый результат революции, поскольку она победила, результат объективно обусловленный, какие бы иллюзии насчет будущего общества ни строили себе те, кто эту революцию делал.

С другой стороны, примеры итальянского или германского фашизма, а также маоистского Китая показывают, что массы объединяет иногда и реакционная идеология, если для этого имеется определенная почва. Но, конечно, чтобы свернуть массы людей на путь реакции и тем затормозить действие объективных законов прогрессивного развития общества, реакционные силы выдвигают на политическую арену ловких демагогов, используют чудовищную ложь, обман, насилие, террор, пускают в ход машину слежки, доносов, круговой поруки, раздувают милитаризм и т. п. Если этим силам на какое-то время удастся обмануть массы и взять верх, в истории происходит попятное, регрессивное движение до тех пор, пока прогрессивные силы не созреют для разгрома реакции.

Добавим к этому, что буржуазная идеология стремится насадить настроения социальной пассивности, отвлечь массы от социальных проблем, от активного действия, что также играет на руку реакции.

Итак, во все периоды истории люди действовали не только во имя достижения своих повседневных, будничных целей, но и во имя больших социальных задач, формулируемых в сфере идеологии и объединяющих деятельность групп, классов, масс. Но результаты их деятельности определяются системой объективных взаимозависимостей и закономерностей, вследствие чего и складывается в конечном счете закономерный ход истории.

Третий вариант: *сознательное творчество истории*. Главная особенность этого типа развития состоит в *совпадении социальных целей и общественных результатов совокупной деятельности людей*. Условия этого совпадения: во-первых, знание закона, его требований, характера его действия; во-вторых, создание соответствующего механизма использования закона. Знание закона, то есть его более или менее адекватное отражение на уровне общественного сознания, позволяет вырабатывать реальные, осуществимые и прогрессивные цели социальной деятельности масс. Формирование механизма использования закона необходимо для того, чтобы соединить это знание с практикой, чтобы оно не ограничивалось рамками теории, превратившись в реальную цель деятельности масс, а деятельность стала сознательным творчеством.

Впервые знание, способное обслуживать потребности этого нового типа развития, было добыто марксизмом. Марксистская общественная наука открыла законы развития капитализма и его перехода в новую общественно-экономическую формацию — коммунистическую, выявила общие законы исторического процесса, а также определила те социальные силы, которые способны по своему объективному положению в системе капиталистических отношений, по своим коренным классовым интересам реализовать историческую необходимость этого перехода. Силы эти — рабочий класс и его потенциальные союзники в борьбе против капитализма. Марксизму органически присуща идея революционного преобразования мира в интересах освобождения труда и силами самих трудящихся, идея, что теория должна служить социальной практике.

В. И. Ленин еще в начале своего революционного пути обратил внимание на эту принципиальную особенность марксизма: «...Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она «по самому существу своему — теория критическая и революционная»... Задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе»¹.

Чтобы теория могла служить практике, необходим ряд посредствующих звеньев, приспособляющих теорию к потребно-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 340—341.

стям деятельности, образующих цепь от «чистого» знания реальности, ее законов до непосредственной практики. Звенья этой цепи составляют *ближайшие и конечные цели* борьбы, ее *стратегия и тактика*, конкретная *политика*. Чтобы теория могла реализоваться на практике, необходима *организация*, связанная с массами, возглавляющая и направляющая их преобразующую деятельность, их революционную борьбу.

Все это общие предпосылки сознательного исторического творчества. Но характер деятельности и формы использования объективных законов зависят от социально-экономических условий. В условиях капитализма единственной возможностью сознательного исторического творчества, возникшей, когда капитализм начал изживать себя, является революционная борьба против существующего строя, поскольку господствующая система — экономическая, социальная, политическая, — стремясь к самосохранению, тормозит действие объективных законов общественного развития.

Доказав, что история подчиняется объективным законам, марксизм сразу же отверг самую возможность фаталистической позиции, надежду на то, что законы «сами все сделают», что капитализм рухнет сам под давлением «объективной необходимости». Напротив, открытие исторически преходящего характера капитализма и законов его перехода на новую, более высокую ступень общественного развития означало подведение теоретической базы под активную деятельность масс: «Мы не говорим миру: «перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки», мы даем ему истинный лозунг борьбы»¹.

В этой формуле наиболее концентрированно выражена не просто функция теории, но *специфика самого механизма сознательного использования социальных законов* революционным рабочим движением в условиях капитализма. «Лозунг борьбы» необходим потому, что он придает теории форму, в которой она оказывается способной служить практике. Он вырабатывается на основе теории с учетом стратегических и тактических задач и конкретных условий движения. Это есть «выход» теории к практике.

«Лозунг борьбы» необходим рабочему революционному движению, которое имеет перед собой мощного противника в лице буржуазии с ее экономикой, аппаратом власти и средствами духовного воздействия. В условиях капитализма рабочее движение должно учитывать обстановку, постоянно быть готовым к ее изменениям, к смене форм и средств борьбы. Эта ориентация необходима, поскольку изменение условий происходит под влиянием факторов, до поры до времени независимых от самого движения, часто в неожиданном направлении, и планировать социальные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 381.

преобразования, управлять обстоятельствами здесь невозможно. Нужен именно «лозунг борьбы», выработанный на основе научной теории с учетом конкретных условий места и времени. Он необходим потому, что цель деятельности должна быть представлена не просто в своей рационально-научной форме, а в виде вдохновляющего на борьбу призыва, знамени.

Таким образом, механизм использования объективных законов общественного развития в условиях антагонистического общества, где рабочий класс еще борется за власть, совпадает со всей системой организации борьбы революционного класса (масс), опирающейся на научную и революционную теорию. Разумеется, возможности использования объективных законов, а следовательно, сознательного творчества истории здесь ограничены: новый тип развития еще только зарождается и не может охватить все общество. Кроме того, имеются мощные силы, тормозящие действие объективных законов. Эти законы проявляют себя не только через сознательную борьбу революционного класса, но и стихийно, через различного рода катаклизмы капиталистической системы — кризисы, обострение внутренних противоречий и т. д.

Буржуазия, конечно, предпринимает усилия, чтобы сглаживать возникающие противоречия, как-то выходить из кризисных состояний. Но поскольку противоречия и кризисы есть порождение собственных законов функционирования капиталистической системы, возможности буржуазии в этом отношении ограничены. Законы вновь и вновь с еще большей силой пробивают себе дорогу, стихийно вызывая в капиталистической системе еще более глубокие противоречия, более обширные кризисы и разрушительные катаклизмы. Только победа революционного движения способна привести к разрешению этих противоречий путем утверждения социальной системы, функционирующей на основе иных законов и соответствующей их требованиям.

Качественно новым этапом в развитии механизмов сознательного использования объективных законов является социализм¹. Завоевание власти рабочим классом, устранение из общественной жизни эксплуататорских классов, тормозящих исторический процесс и препятствующих реализации требований объективных законов, утверждение общественной собственности, отношений коллективизма, интернационализма, морально-политического единства на базе единства коренных интересов всех социальных групп создают возможность:

планово осуществлять назревшие социальные преобразования; сознательно управлять экономическими и социальными процессами в масштабах всего общества;

¹ Подробно об этом см.: Глезерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979.

формировать новый тип исторического процесса, в основе которого лежит сознательное использование объективных законов, сведение к возможному минимуму негативного влияния стихийных процессов, все возрастающее совпадение социальных целей общества и общественных результатов его деятельности;

втягивать все большие массы трудящихся в процесс сознательного творчества истории путем включения индивидуальной деятельности в совокупную деятельность общества на основе единства личных и общественных интересов, развития культуры и коммунистического сознания масс, дающего каждому понимание исторической значимости и социального смысла его деятельности, всестороннего развития личности всех членов общества.

Характеризуя в этом плане социализм, В. И. Ленин писал: «...как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни»¹.

Преимущество социализма перед капитализмом состоит, в частности, в том, что формируемый им новый тип исторического развития решает важнейшую историческую задачу: создает условия для ускорения экономического, социального и духовного прогресса, для гармонического развития и общества и человека².

Но надо иметь в виду, что, поскольку новый тип развития при социализме еще только формируется, возможности социализма в данном отношении не безграничны. И это следует учитывать, намечая пути дальнейшего совершенствования экономических и социальных механизмов сознательного использования объективных законов в процессе строительства коммунизма.

В чем же состоит отличие социализма от коммунизма в плане рассматриваемых нами проблем? Прежде всего налицо *ограниченность материальных возможностей* социализма. Наша страна, например, вынуждена была после революции догонять развитые капиталистические страны в экономическом отношении. Вполне понятно, что средства в первую очередь направлялись на развитие основы экономики — тяжелой промышленности; одновременно развивать столь же высокими темпами легкую промышленность и сельское хозяйство страна не могла. Лишь достижение ступени зрелого социализма принципиально изменило обстановку. Как отметил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, в настоящее время СССР имеет такие материальные воз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 99—100.

² См.: Косолапов Р. И. Социализм. К вопросам теории. М., 1979.

возможности, о которых раньше можно было только мечтать¹. Соответственно и развитие народного хозяйства становится более гармоничным; появляется возможность вкладывать средства в те отрасли, которые раньше отставали.

Могут сказать, что все это специфика России, что революции в развитых странах не будут сталкиваться с такими трудностями. Отчасти это верно, ибо трудящимся нашей страны пришлось после революции сначала доделывать то, что должен был сделать еще капитализм, но ограниченность ресурсов в любых условиях будет известным сдерживающим фактором в процессе становления нового типа исторического развития.

Вторым обстоятельством является уровень развития культуры, сознательности, компетентности масс, то есть *развитие самого человека*. Опыт реального социализма доказывает, что характер нового общества зависит от традиций, культуры народа, трудящихся, строящих это общество. Чем выше уровень материального и социального развития общества, тем большее значение приобретает «человеческий фактор». Ведь воспитание нового человека — проблема гораздо более сложная, процесс более длительный, чем создание новой материально-технической базы. Об этом важном направлении работы говорил в своем докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества» Л. И. Брежнев: «Заглядывая в будущее, мы должны сделать и еще один вывод. Для всех сфер жизни и развития нашего общества все большую роль будет играть уровень сознательности, культуры, гражданской ответственности советских людей. Воспитывать в человеке устремленность к высоким общественным целям, идейную убежденность, подлинно творческое отношение к труду — это одна из самых первоочередных задач. Здесь проходит очень важный фронт борьбы за коммунизм, и от наших побед на этом фронте будет все больше зависеть и ход экономического строительства, и социально-политическое развитие страны»².

Становление нового типа социально-исторического развития связано с *достигнутым состоянием и дальнейшим совершенствованием всей системы социально-экономических отношений, механизма народнохозяйственного планирования и социального управления*, включая практическое использование науки не только в технологии, но и в практике планирования и управления. Очевидно, что все эти механизмы не возникают сразу. Они сами зависят от уровня развития экономики и культуры и, кроме того, требуют систематической «отладки». На самом деле, невероятно трудно наладить в масштабах целой страны функционирование огромной

¹ См.: Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 38.

² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1978, т. 6, с. 586.

производственной системы, предусмотреть те изменения, которые ее развитие вызовет в социальной области, учесть обратное влияние социальных факторов на экономику, а также потребности людей не только в данный момент, но и их рост в будущем, предусмотреть их удовлетворение в планах экономического и социального развития и т. д. и т. п. Чтобы вся эта сверхсложная система работала бесперебойно и «в наиболее оптимальном режиме», нужны систематические научные разработки, творческая инициатива.

Поэтому становление нового механизма сознательного использования объективных законов и, соответственно, нового типа общественного прогресса происходит постепенно — вместе с развитием социалистического общества. Это сложный процесс, его темпы определяются совокупным действием многих факторов. Среди этих факторов существенную роль играет *наука*. По мере развития системы социального управления расширяется потребность в науке, все новые и новые сферы научного знания подключаются к практике управления. Но эти отрасли знания сами должны быть подготовлены к тому, чтобы эффективно обслуживать нужды практики. Для многих общественных наук это новая функция, которая начинает формироваться при социализме или для развития которой именно социализм создает самые широкие возможности.

Использование науки в социальной практике налагает большую взаимную ответственность и на науку и на практику: наука должна готовить себя, чтобы быть способной служить практике, практика на всех уровнях управления должна быть готовой к тому, чтобы воспринять и реализовать данные науки. Необходимым условием выполнения этой задачи для всех общественных наук является использование марксистско-ленинской методологии. Важно также развитие теоретических исследований, систематическое познание происходящих в обществе социальных процессов, формирование прикладных отраслей знания, выработка практических рекомендаций. В условиях развитого социализма в дополнение к традиционно используемым общественным наукам все шире начинают использоваться на практике данные таких наук, как конкретная социология, социальная психология и другие отрасли психологии, демография, экономическая математика и т. п.

Однако применение социальных наук в таком широком масштабе — дело для общества новое. Здесь допускается еще немало ошибок, робости, имеются неиспользованные резервы, а то и прямое непонимание как со стороны научных работников, так и со стороны практиков, работников государственного аппарата того, что же нужно обществу от науки. Историческое значение имело в этой связи постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммуни-

стическом строительстве» (1967 г.), реализация требований которого будет важным вкладом в совершенствование механизма сознательного использования объективных социальных законов в нашей стране.

Простор действию законов социализма открывается гораздо больший, когда социалистическому обществу ничто не угрожает извне и оно может направить максимум сил и средств на решение собственных проблем. Но в условиях сосуществования двух противоположных систем социализму приходится развиваться под постоянной угрозой со стороны враждебных ему сил империализма. Это сдерживает свободное развертывание и проявление преимуществ нового общества, накладывает свой отпечаток на его развитие. Социализм заинтересован в мире, ибо мир есть условие его развития. Советское государство родилось с лозунгом мира, но ему не удалось предотвратить гражданской войны, интервенции и вероломного нападения фашистских агрессоров. Советский народ проявил чудеса героизма и отстоял в жестоких боях свободу и независимость своей отчизны. В послевоенный период КПСС и Советское государство вместе с другими социалистическими странами и при поддержке миролюбивых сил всего мира последовательно отстаивают дело мира и международной безопасности. «Ибо нет сейчас ни для одного народа вопроса более существенного, более важного, чем сохранение мира, чем обеспечение первейшего права каждого человека — права на жизнь»¹, — отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии.

Мирные инициативы, твердая миролюбивая политика социализма принесли свои плоды: принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем получил всеобщее признание. Народы социалистических стран уже более 30 лет живут в условиях мира. Но империалистические государства продолжают вооружаться, расходуя на военные цели астрономические суммы. И поскольку угроза войны не снята с повестки дня, задача защиты социализма от возможных внешних опасностей продолжает сохранять свое первостепенное значение.

Таковы вкратце особенности и трудности становления нового типа исторического прогресса, основанного на познании и сознательном использовании объективных законов. Очевидно, что на этапе развитого социализма общество делает новый серьезный шаг по пути совершенствования механизма сознательного использования законов, но и сейчас остается много нерешенных проблем в области обеспечения возможно большего совпадения целей и результатов деятельности масс. Предстоит еще очень многое сделать, чтобы окончательно сформировать новый тип исторического

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 5.

прогресса, добиться в процессе коммунистического строительства полной реализации научно сформулированных целей деятельности всего общества.

В научной литературе, посвященной проблеме социальных законов при социализме, как правило, отмечается, что следует различать механизм действия и механизм использования законов, ибо, если даже мы сознательно закон не используем, он продолжает действовать и действует тогда уже разрушительно¹. Этот тезис не вызовет возражения, если к нему добавить, что использование тоже есть действие закона и механизм стихийного действия закона при социализме «отделяется» от механизма его сознательного использования, когда общество не учитывает требований закона или просто нарушает его. В таком случае проявляется его стихийное действие. Поэтому механизм сознательного использования законов не должен ускользать из-под контроля общества. Тогда возможность всякого рода стихийных «взрывов» будет сведена до минимума.

¹ Особенно основательно эту проблему ставил академик В. С. Немчинов применительно к экономическим законам. См., например: *Немчинов В. С. Принципиальные вопросы экономической кибернетики. — Методологические проблемы общественных наук.* М., 1966, с. 295—304; также: *Приписнов В. И. Механизм действия социальных законов и субъективный фактор.* Душанбе, 1972, с. 118—134.

ГЛАВА III

ОБЩЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЛЮДЕЙ КАК ИСТОРИЯ ИХ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

1. Место проблемы в методологии анализа исторического процесса

Выше мы рассмотрели принципы анализа истории как объективного закономерного естественноисторического процесса и как результата деятельности людей. Казалось бы, этими методологическими срезами научный анализ целостного исторического процесса исчерпывается. Однако в обоих этих срезах истории человек присутствует лишь как компонент более общей системы — производительных сил, производственных отношений, класса и т. д. Между тем задачей гуманитарного знания — и в этом его отличие от знания естественнонаучного — является познание не только общих, необходимых, существенных связей и отношений, но и их проявления в индивидуальном. Такое познание важно потому, что люди накладывают на ход истории печать своей индивидуальности.

Не только люди делают историю, а и история делает людей. Более того, история приобретает смысл, если она раскрывается как *история собственного развития человека*. Эта идея заложена в самой сущности материалистического понимания истории. Поэтому всякие рассуждения о необходимости дополнить материалистический детерминизм особым учением о человеке, дополнить марксизм экзистенциализмом и т. п. основаны в лучшем случае на недоразумении, на непонимании подлинной сущности исторического материализма, его гуманистической природы.

«...Общественная история людей, — писал К. Маркс, — есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это, или нет»¹. Это важнейшее положение Маркса указывает на необходимость выделить в методологии исторического анализа особый срез исследования целостного исторического процесса — рассмотрение истории как истории индивидуального развития людей. Такой подход дает возможность уловить те проблемы, которые раньше либо оставались в тени, либо вводились в методологию социального анализа чисто механически, а не концептуально. Он позволяет:

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 402—403.

во-первых, ввести в методологию философско-социологического исследования общества проблему человека, индивида, личности не просто в виде отдельной темы (общество и личность и т. п.), а как *один из аспектов подхода к историческому процессу в целом*, имеющий особенно важное значение для методологии исторической науки, гуманитарного знания вообще;

во-вторых, разработать методологические принципы перехода от социального к индивидуальному в различных общественных условиях и тем самым *органически ввести в науку категорию «образ жизни», сущность которой и состоит в проявлении социального в индивидуальном*;

в-третьих, подвергнуть анализу *исторические типы социальности*, формирующие индивидов и определяющие характер взаимодействия индивида и общества;

в-четвертых, понять коммунизм как «решение загадки истории»¹. Коммунизм раскрывался до этого как закономерный продукт истории и как результат активной творческой деятельности масс людей. Новый угол зрения высвечивает его подлинно гуманистический смысл — как общества, в котором *свободное и всестороннее развитие каждой отдельной человеческой личности становится самоцелью*. Но чтобы раскрыть, как это становится возможным, надо рассмотреть типы взаимоотношений общества и личности в прежних формациях, рассмотреть филогенетический процесс формирования человека как личности.

Введение в методологию исторического материализма указанного среза анализа истории имеет не только теоретическое значение. В настоящее время в процесс активного исторического творчества включаются многие миллионы людей, в недалеком прошлом жившие под пятой колонизаторов, людей, сформировавшихся в самых различных, в том числе архаических, социальных структурах. Чтобы представить себе, как будут развиваться события в освободившихся от колониальной зависимости странах, важно учитывать не только внутренние и международные условия, но и характер того «человеческого материала», который ныне выступает на историческую арену в Азии, Африке, Латинской Америке. А для этого нужно выявить, какими их сделала предшествующая история, проанализировав те типы социальности, в которых они формировались.

Сложные проблемы возникают ныне в области взаимоотношений общества и личности в экономически развитых капиталистических странах. Общий кризис капитализма болезненно сказывается на личности, стимулируя рост ее «социальных болезней», усиливая тенденции всеобщего отчуждения. Анализ этих процессов

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 116.

и порождаемых буржуазным образом жизни болезней личности является важной стороной критики современного капитализма, ибо каждая социальная система оценивается в конечном счете по тому, что она дает для человека.

И, наконец, в условиях развитого социализма, когда формирование нового человека — личности коммунистического типа — становится непосредственной практической задачей, анализ складывающихся здесь взаимоотношений личности и общества, выявление формирующихся тенденций существенно важны для практики коммунистического воспитания. Все это и требует разработки соответствующей методологии.

2. Исторические типы социальности и развитие индивида

В своей действительности, указывал К. Маркс, сущность человека есть совокупность всех общественных отношений¹. Это принципиальное положение, раскрывающее социальную природу человека, характеризует его родовую сущность. Однако в рамках этой общей родовой сущности имеется огромное многообразие и богатство человеческих индивидов.

Для понимания развития человека в истории и самой истории как развития индивида необходимо определить принципы, разработать методологию перехода от социального к индивидуальному. Именно в связи с этим в категориальную сетку исторического материализма и вводятся такие понятия, как «тип социальности», «социальный институт», «малая группа», «человек — индивид — индивидуальность — личность», «образ жизни — качество жизни — стиль жизни» и т. д.

В предшествующем изложении мы попытались показать, что без сведения индивидуального к социальному общественная наука была бы невозможна, ибо немислимо охватить и описать все огромное эмпирическое многообразие индивидуальных человеческих действий.

Совершить обратный переход — от социального к индивидуальному — значит не просто возвратиться к первоначальному эмпирическому многообразию человеческих действий, а подняться в своем познании на новую ступень — на ступень понимания *индивидуального как конкретного выражения социального*. Следовательно, здесь нам предстоит выявить уже не просто родовую сущность человека, а причины появления *конкретного многообразия* человеческих индивидов. Это путь научного познания конкретной социальной природы индивидов. В этом пункте гуманитарная наука сближается с искусством, которое также фиксирует общее,

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 285.

типичное в его индивидуальном проявлении. Однако если для художника, воспроизводящего социальный тип, важна художественная правда, то ученый ориентирован на объективную истину, познание которой требует выработки соответствующих научных категорий, и прежде всего понятия *тип социальности*.

Это понятие еще не получило достаточно четкого определения в философской литературе. Поэтому необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на его характеристике. Тип социальности задается общими условиями и отношениями исторически определенной общественно-экономической формации, или можно сказать иначе: формационное членение мировой истории служит основой для выделения конкретных типов социальности, хотя и не всегда в истории наблюдалось полное соответствие между ними.

Специфика категории «тип социальности» состоит в том, что она выступает как *синтетическая характеристика совокупности условий, формирующих человеческого индивида и определяющих тип его взаимодействия с обществом*. Поэтому развитие индивида можно проследить, анализируя типы социальности, имевшие место в истории.

Характеристика основных исторических типов социальности дана в гениальном обобщении К. Маркса:

«Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей. Поэтому патриархальный, как и античный строй (а также феодальный) приходят в упадок по мере развития торговли, роскоши, *денег, меновой стоимости*, в то время как современный общественный строй вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних»¹.

Таким образом, Маркс здесь выделяет три основных исторических типа социальности: отношения *личной зависимости*, отношения *вещной зависимости* и отношения *свободных индивидуальностей*. Возникает вопрос: как это деление соотносится с формационным членением общества, с глобальным разделением на доклассовое, классовое и бесклассовое общество?

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 100—101.

Очевидно, что в первый тип социальности — отношения личной зависимости — Маркс включает все докапиталистические формации. Основанием для этого, видимо, послужил тот факт, что, несмотря на качественное различие экономических основ первобытного общества и докапиталистических антагонистических формаций, общим для них с точки зрения развития индивида была включенность последнего в локализованную систему общественных связей, которая и выступает в качестве формирующей индивида ячейки — род, община, каста, сословие, цех и т. п. Что касается последующих ступеней социальности (второй и третий ее типы), то они совпадают соответственно с капиталистической и коммунистической формациями.

Рассмотрим процесс развития индивида в каждом из трех типов социальности.

Отношения личной зависимости характеризуются тем, что индивид здесь существует и формируется, будучи «слитым» с определенной ограниченной общностью, и иначе не может себя воспроизводить. Эта слитность с коллективом сыграла огромную роль в становлении и развитии человека на ранних ступенях истории.

Вначале отношения личной зависимости, как справедливо отмечает Маркс, были еще совершенно первобытными. Действительно, человек появляется в истории как «стадное животное», ибо слабость обособленной личности перед силами природы исключала возможность его изолированного существования и самостоятельного развития. Человек мог существовать только в коллективе. *Личная зависимость каждого человека от коллектива — таково первое проявление отношений личной зависимости* (хотя личности в собственном смысле слова еще не было и термин «личный» означает просто то, что связано с «отдельным человеком»).

Таким образом, отношения личной зависимости существуют и в условиях первобытного равенства людей в смысле зависимости друг от друга членов рода, племени, общины. С возникновением антагонистического общества понятие «отношения личной зависимости» приобретает еще и другое содержание — означает отношения господства и подчинения, отношения эксплуатации, при котором один человек является полной или неполной собственностью другого (раб, крепостной и т. п.).

Материальной основой объединения людей в общество всегда была экономика, производство необходимых для их жизни материальных благ. И понятие «отношения личной зависимости» неправильно трактовать как нечто противостоящее материальным, экономическим, производственным отношениям. Конечно, это понятие выражает и надстроечные отношения, но Маркс не случайно прямо говорит о существовании «отношений личной зависи-

мости в сфере производства»¹. Потому отношения личной зависимости — *тип социальных связей, который был либо единственным, либо доминирующим во всех докапиталистических общественно-экономических формациях*, и именно он определял и формировал социальную природу человека. О том, что для Маркса эта идея отнюдь не случайна, свидетельствуют написанные уже в конце его жизни наброски письма к Вере Засулич, в которых родоплеменные и общинные формы социальности он называет первичной или архаической формацией человечества².

Описываемый тип социальности, сам будучи следствием и порождением неразвитости, слабости производительных сил общественного человека, в то же время выступает предпосылкой и социальной основой отношения человека к природе, поскольку последнее существует всегда в рамках определенной общественной формы. Данный тип социальности определяет такое отношение человека к природе, точнее, к природным условиям его производства, когда они выступают как неорганическое продолжение его собственного тела. Иначе говоря, человек, трудящийся слит, «сращен» с условиями своего труда — с орудиями и средствами производства, и прежде всего с землей, которая во всех докапиталистических формациях была главным условием, предметом и средством труда (мы здесь отвлекаемся и от ранних форм присваивающей экономики и от кочевых племен, живших скотоводством).

Следовательно, человек здесь находится в единстве с естественно сложившимися условиями своего труда и в отношениях (также естественно сложившихся) личной взаимозависимости с членами той общности, к которой он принадлежит. Термин «естественное» употребляется Марксом в этом контексте не как нечто отличное от социального, а как определение социальных отношений между людьми, которые не опосредствованы вещами, то есть не выступают в форме отношений вещей. К. Маркс писал: «Все те формы (все они сложились в той или иной степени естественным путем, однако в то же время являются результатами исторического процесса), при которых община предполагает субъектов в определенном объективном единстве с их условиями производства, или при которых определенный способ существования субъектов предполагает саму общину в качестве условия производства, по необходимости соответствуют только ограниченному, и притом принципиально ограниченному развитию производительных сил»³.

Таким образом, характеризуя отношения личной зависимости как тип социальности, важно иметь в виду три момента:

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 99.

² См. там же, т. 19, с. 418.

³ Там же, т. 46, ч. I, с. 486.

во-первых, это такой тип социальности, когда индивид слит как с коллективом, так и с объективными условиями своего производства и потому еще не выступает как личность;

во-вторых, это естественно сложившийся тип социальности;

в-третьих, этот тип социальности характеризует отношения людей как в процессе производства, так и в быту, общественной и духовной сфере, что находит свое непосредственное выражение в их образе жизни.

Возникновение данного типа социальности связано с общественной собственностью на средства производства — собственностью рода, племени, общины. Маркс обращает внимание не только на то, что здесь существуют отношения сотрудничества в рамках коллектива, но и на то, что каждый человек относится к природным условиям производства как к своим собственным, лишь будучи членом данного коллектива. Община опосредствует отношение индивида к природе, присвоение человеком продукта природы в процессе труда. Собственность не разрушает, а закрепляет включенность человека в данный коллектив, его принадлежность коллективу. «Собственность означает, следовательно, первоначально (и таковой она является в ее азиатской, славянской, античной, германской формах) отношение трудящегося (производящего или себя воспроизводящего) субъекта к условиям своего производства или воспроизводства как к своим собственным. Поэтому в зависимости от условий этого производства она будет принимать различные формы»¹.

Дальнейшее развитие ведет к появлению в недрах общины частной собственности и к возникновению эксплуатации человека человеком в форме рабства и крепостничества. Частная собственность трудящегося индивида на орудия труда, дом, движимое имущество и т. д. не ведет к разложению данного типа социальности, ибо она никогда полностью не ликвидирует принадлежности индивида в той или иной форме к определенной общности. Примером в этом смысле может служить средневековый ремесленный цех.

Следствием и фактором разложения первобытной коллективности, составившего эпоху в истории человечества, является возникновение отношений эксплуатации. Эксплуатация в ее докапиталистических формах есть, по словам Маркса, «необходимый и последовательный результат собственности, основанной на общинном строе и на труде в условиях этого строя»². Общинная собственность означает, как мы говорили, отношение трудящегося индивида к объективным условиям производства как к его собственным, отношение, опосредствованное его принадлежностью к об-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 485.

² Там же, с. 485—486.

щине. Эксплуатация в этих условиях низводит самого работника до роли объективного условия производства, то есть предполагает превращение его в раба или крепостного. Поэтому, как писал Маркс, «рабство, крепостная зависимость и т. д. всегда являются вторичными формами...»¹.

Возникновение этих форм не уничтожает типа социальности, основанного на отношениях личной зависимости, но видоизменяет их содержание. В рамках общины, где существовало равенство и общность интересов всех ее членов, отношение личной зависимости выражалось в самом факте коллективности, во взаимозависимости членов общины друг от друга. С возникновением экономического неравенства, противоположности интересов, эксплуатации отношения личной зависимости выступают уже как *отношения господства и подчинения*. Сохранять и воспроизводить эти отношения можно лишь с помощью *внеэкономического принуждения*, а также политического, юридического, религиозного, традиционного закрепления *экономически обусловленной социальной дифференциации* в виде сословий, каст, корпораций, цехов и т. д. Отсюда следует, что сословно-кастовое деление в докапиталистических антагонистических обществах и выражает и маскирует основную классовую дифференциацию этого общества.

Проведенный анализ показывает, что в рамках типа социальности, характерного для всех докапиталистических обществ, происходило изменение и развитие форм собственности и соответствующее видоизменение конкретного содержания отношений личной зависимости. Возникает вопрос: какое влияние все эти процессы оказывали на формирующегося в таких условиях человека?

Главную особенность индивида, обусловленную этим типом социальности, составляет его *включенность в какую-либо форму общности* — род, общину, корпорацию, сословие и т. д.

Первоначально индивид слит с той родо-племенной общностью, членом которой он является. Он полностью ей принадлежит и в своем сознании и в поведении: в сознании он не отделяет себя от коллектива, а его поведение регламентировано нормами, запретами, традициями коллектива. Поскольку индивид еще ни в какой форме не обособился от коллектива, здесь отсутствует и сама проблема отношения индивида и общества, тем более что рамки коллектива для него совпадают с рамками общества.

Возникновение частной собственности в недрах общинного производства служит материальной основой для известного обособления индивида. Но поскольку эта собственность еще не разрывает общинные узы, включенность человека в систему общинных связей сохраняется. Регламентация поведения, господство

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 485.

традиций и обычаев еще доминирует в формировании человека, но уже нельзя говорить о слиянии индивида с общностью.

С появлением социально-классовой дифференциации отношение индивида к обществу начинает опосредствоваться его принадлежностью к сословной, кастовой, корпоративной и т. п. общности. Так, крестьянин феодального общества уже не только член определенной общины, но и принадлежит к сословию, которое угнетается, эксплуатируется феодалами и противостоит им. Следовательно, в самой оценке человека, его положения возникает новое существенное измерение: он выступает перед обществом как *сословный индивид*, то есть соотносится с обществом не непосредственно, а через свою социальную группу, сословие. Общинные отношения вплетаются здесь в новую сложную систему социальных связей, конкретная совокупность которых и характеризует сущность индивида данного общества.

Докапиталистический, архаический тип социальности не есть лишь достояние истории. С проблемами, касающимися формирования индивида в рамках этого типа общественных связей, сталкиваются многие развивающиеся страны. Племенные отношения, общинные связи до сих пор играют огромную роль в жизни государств Тропической Африки; лишь совсем недавно были формально ликвидированы касты в Индии, но еще далеко до исчезновения кастовой психологии; традиционные формы регламентации общественной и личной жизни существуют почти повсеместно и т. д. Причем сложность ситуации состоит в том, что докапиталистические социальные структуры (в прямой или пережиточной форме) переплетаются с современными капиталистическими, а в некоторых странах, вступивших на путь некапиталистического развития, — и с зародышевыми формами социалистических социальных структур.

Впервые в теоретическом плане вопрос о судьбе общинных структур в связи с перспективой социалистического развития был поставлен русской общественной мыслью. Рассматривая сохранившуюся в России общину как непосредственную основу для перехода к социализму, русские народники полагали, что возможно сохранить ее положительные стороны и отбросить отрицательные.

В противоположность народникам марксисты (сам К. Маркс, затем Г. В. Плеханов и в особенности В. И. Ленин) утверждали, что община не имеет внутренних самостоятельных потенций для непосредственного перехода к социализму, что судьба общины зависит от общих результатов борьбы общественных классов, что возможность ее использования для облегчения перехода крестьянских масс на путь социализма связана с победой пролетарской революции. В. И. Ленин показал, что народническая постановка

вопроса о сохранении «хороших» и устранении «дурных» сторон общины утопична и эклектична, антидиалектична.

Практически проблема использования общинных структур при переходе к социализму впервые возникла после Октябрьской революции в отношении ряда народов Средней Азии, малых народностей Сибири и Крайнего Севера. В настоящее же время эта проблема приобрела глобальный характер и у нее возникли новые оттенки¹. Поэтому всесторонняя теоретическая разработка относящегося сюда круга вопросов — необходимый момент применения марксистской теории для определения путей развития стран, сохранивших общинные структуры.

Общинные структуры, несмотря на присущие им традиции коллективизма, в силу своей архаичности создают определенные трудности для включения сформированного ими человека в процесс строительства социализма и жизни в условиях нового общества. Опыт Советского Союза доказывает, что эти трудности преодолимы в ходе социалистического строительства. Но при использовании советского опыта в иных исторических условиях, применительно к другим странам, необходимо учитывать специфику последних, что опять-таки говорит о необходимости разработки теории вопроса.

Докапиталистические социальные структуры и связанный с ними тип социальности разлагаются капитализмом. Процесс этот в деталях исследован К. Марксом в «Критике политической экономии» и «Капитале» при анализе исторических предпосылок возникновения капиталистического производства. Процесс первоначального капиталистического накопления состоит, как показал Маркс, в разрыве изначальной сращенности производителя со средствами и условиями его производства, в результате чего и образуется рынок свободной рабочей силы — свободной от средств производства и средств пропитания. Другую сторону этого процесса образует разрыв общинных связей, освобождение от отношений личной зависимости. В результате впервые в истории возникает свободный изолированный индивид — атом гражданского общества. «Человек обособляется как индивид, — писал Маркс, — лишь в результате исторического процесса»². Обособленный индивид — не исходный пункт исторического развития, а его результат.

Преодолевая прежние формы социальности, капитализм формирует новый тип социальных связей, который Маркс называет *вещными отношениями*. Вещные отношения — это отношения товаропроизводителей. Их особенность состоит в том, что отноше-

¹ Подробнее об этом см.: Андреев И. Л. Некапиталистический путь развития. М., 1974.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 488.

ния между людьми здесь опосредствуются обменом товарных стоимостей. Вещь — товар — воплощение стоимости — меновая стоимость выступает как объективный носитель общественных отношений между субъектами товарного производства и обращения. Всеобщим и в то же время индивидуализированным воплощением меновой стоимости являются деньги, поэтому *вещные отношения — это денежные отношения, отношения чистогана.*

Как тип социальных связей, вещные отношения обладают рядом принципиальных отличий от предшествующей формы. Они внутренне связаны с разделением труда и обменом деятельностью в форме товарных стоимостей. Поэтому в товарном производстве и обращении выражена взаимная связь индивидов-товаропроизводителей. Но в отличие от связи, присущей предыдущему типу социальности, это безличная связь безразличных друг другу индивидов. Характеризуя этот аспект вещных связей, Маркс писал: «Взаимная и всесторонняя зависимость безразличных по отношению друг к другу индивидов образует их общественную связь. Эта общественная связь выражена в *меновой стоимости*, ибо только в меновой стоимости для каждого индивида его собственная деятельность или его продукт становится деятельностью или продуктом для него самого; он должен производить всеобщий продукт — *меновую стоимость* или меновую стоимость в ее обособленно изолированном и индивидуализированном виде, т. е. *деньги*»¹.

К. Маркс вскрыл тайну вещных отношений. При натуральном хозяйстве человек производит продукт, необходимый для его собственного потребления, — хлеб, ткань, одежду, инструмент и т. д. При натуральной ренте эксплуататор изымает у производителя продукт, также необходимый для его собственного потребления. В товарном производстве вещь производится для продажи и деятельность товаропроизводителя становится деятельностью для него самого, лишь поскольку он в состоянии произвести нечто для других — меновую стоимость. Иначе говоря, ему неважно, что он производит, какую потребительную стоимость, важно, что он в состоянии произвести меновую стоимость, то есть вещь, с помощью которой он только и может вступить в отношение с другими товаропроизводителями. Отсюда следует также, что товаропроизводителю безразлично, с кем конкретно он вступает в отношение обмена, ему важно приобрести нужное для себя. Поэтому товарное производство порождает и безразличие к определенному виду труда, и безразличие индивидов друг к другу. *Вещные отношения есть отношения отчужденных, изолированных индивидов, которые зависят друг от друга уже не в локальных рамках узкой общности, а в масштабах общества.*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 99—100.

Далее, если в рамках отношений личной зависимости принуждение к труду и присвоение прибавочного продукта эксплуататорами осуществляется с помощью насилия, использования власти, внеэкономического принуждения, то в системе вещных отношений «та власть, которую каждый индивид осуществляет над деятельностью других или над общественными богатствами, заключается в нем как владельце *меновых стоимостей, денег*. Свою общественную власть, как и свою связь с обществом, индивид носит с собой в кармане»¹.

Маркс четко разъясняет, как взаимно «отталкиваются» друг от друга эти типы социальности: «В меновой стоимости общественное отношение лиц превращено в общественное отношение вещей, личная мощь — в некую вещную мощь. Чем меньшей общественной силой обладает средство обмена, чем теснее оно еще связано с природой непосредственного продукта труда и с непосредственными потребностями обменивающихся, тем больше еще должна быть сила той общности, которая связывает индивидов друг с другом — патриархальное отношение, античное общество, феодализм и цеховой строй»².

В данном высказывании Маркса важно выделить еще один момент. Товарное производство существовало и в рамках прежнего типа социальности, но оно не определяло его, ибо не играло доминирующей роли. Кроме того, это было простое товарное производство, где средство обмена тесно связано и с природой производимого продукта и с потребностями товаропроизводителей. Поэтому в простом товарном производстве вещные отношения еще находятся в процессе становления и их определения не выступают в развернутой форме.

Господствующими и определяющими (и характеризующими) тип социальности вещные отношения становятся при капитализме — *развитой форме товарного производства*, где товарно-денежные отношения приобретают всеобщий характер и товаром становится сама рабочая сила человека. Применительно к человеку, формирующемуся в рамках этого типа социальности, переход к капитализму означает следующее.

Капитализм впервые полностью отрывает человека от всех прежних форм общности, разрушает общинные, сословные, кастовые и иные перегородки (буржуазное равенство) и на место всех этих отношений ставит отношения чистогана — вещные отношения между людьми. Капитализм атомизирует индивида и создает тем самым предпосылки для развития личности. Вместе с буржуазным индивидом рождается и буржуазный индивидуализм как

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 100.

² Там же.

идеологическое, нравственное и психологическое отражение и оправдание атомизации индивида в буржуазном обществе. Человек, утверждают, например, представители экзистенциализма, является личностью и может рассматриваться как личность лишь в противопоставлении обществу. Апологеты буржуазного индивидуализма абсолютизируют реальное отличие индивида от общества, забывая, что индивид может обособляться только в обществе и что общество формирует человека как личность.

Буржуазные идеологи отождествляют индивидуализм и свободу личности, считая, что человек от природы наделен некоторыми неотъемлемыми правами, реализацию и защиту которых обеспечивает государство.

Формальное провозглашение буржуазных свобод было, конечно, великим демократическим завоеванием, прогрессом по сравнению со средневековьем с его сословным неравенством и т. п. Идея равенства и прав человека сыграла определенную роль в освобождении человека от рабской, сословной, кастовой психологии, в самоутверждении человека и формировании у него чувства собственного достоинства. Но фактически это лишь индивидуалистическая интерпретация свободы человека, ибо подлинная его свобода возможна только в свободном обществе, обеспечивающем самостоятельность индивидов, свободное развитие и проявление их способностей.

Реальную свободу капитализм обеспечивает не человеку как таковому, а частной собственности. Человек свободен лишь как собственник и в меру принадлежащей ему собственности. Таково положение индивида в частнособственнических формациях. Непосредственно он выступает здесь как *классовый индивид*.

Частная собственность не может служить источником действительной свободы, ибо она есть источник отчуждения. В условиях господства частной собственности овеществленный труд является одновременно трудом отчужденным, овеществленные отношения — отношениями отчужденными. *Всеобщее господство частной капиталистической собственности означает поэтому всеобщее господство отчуждения*: созданный человеком продукт отделяется от него и господствует над ним как слепая стихийная сила; овеществленные, объективированные отношения людей противостоят им как нечто чуждое; созданные людьми учреждения и организации навязывают им определенные ролевые функции. Таким образом, личность и общество при капитализме противопоставлены друг другу. Личность живет в мире чуждых ей социальных институтов, сил, общественных отношений. Это извращенный мир, существование в котором — источник многих «болезней личности».

Частная собственность разъединяет и противопоставляет людей друг другу, приводит к отчуждению человека от природы. В этих

условиях личность чувствует себя одинокой, потерянной, покинутой, как выражаются экзистенциалисты. Конечно, состояние отчужденности сознают и ощущают далеко не все люди. Многие приспосабливаются психологически к этому состоянию и превращаются в обывателей, конформистов, функционирующих в установленных рамках.

Среди некоторых слоев интеллигенции, которые особенно остро переживают коллизии личности, развивается гуманистическая критика капитализма. Но поскольку источником этих коллизий считают просто явление отчуждения, постольку такая критика остается ограниченной, не поднимается до понимания того, что действительная причина зла есть система капитализма в целом, система частной собственности, порождающей и явления отчуждения.

Вместе с тем отчужденный от человека, противостоящий ему и властвующий над ним мир вещного богатства и вещных отношений создает и развивает материальные предпосылки для дальнейшего развития общества. Отделение производителя от средств производства, осуществленное в процессе первоначального капиталистического накопления, в ходе развития капитализма дополняется отделением человека от природы, осуществляемым развитием промышленности. Именно промышленное производство в его капиталистической экономической и социальной форме стало той силой, которая втянула народы земли в общее русло капиталистического развития, создала мировой рынок, породила характерную для новой стадии исторического развития универсальность общественных связей, явилась могучим фактором интернационализации общественной жизни.

В этих условиях человек впервые вырывается окончательно из тех природных зависимостей, в рамках которых его производительность могла развиваться, по словам Маркса, лишь в очень ограниченной степени. Капиталистическая формация образует ту ступень прогрессивного развития человечества, которая создает качественно новую материальную базу, открывающую возможность его безграничного дальнейшего прогресса. Кроме того, преодолевая различного рода локальные связи, капитализм формирует нового субъекта деятельности, потенциально способного к безграничному развитию своих способностей и потребностей. Но эти объективные и субъективные возможности могут реализоваться лишь на базе преодоления того типа социальности, который характерен для капитализма.

К. Маркс говорил, что действительное богатство человека есть богатство его действительных связей. Но при капитализме универсально развитое богатство действительных связей отчуждено от человека, противостоит ему как совокупность вещных отношений. Чтобы развить себя и стать универсальным человеком, индивид

должен присвоить это богатство, сделать его своим собственным достоянием. Решению этой задачи препятствует господство частной собственности. Поэтому капитализм лишь объективно ставит задачу универсального, всестороннего развития индивида. Решить же ее должен коммунизм.

Итак, капитализм создает материальные предпосылки для перехода к коммунизму и формирования человека, свободного от местной, цеховой, сословной ограниченности и связанного с миром универсальных взаимодействий и отношений. Однако все это лишь предпосылки, ибо материально-техническая база капитализма не адекватна коммунизму, а формируемый капитализмом индивид еще не сделался человеком, способным присвоить себе мир универсальных отношений и стать всесторонне развитой личностью. Чтобы решить эти задачи, необходимо прежде всего изменение формы собственности — *уничтожение частной собственности на средства производства и утверждение общественной собственности*. Но общественная собственность коммунистического типа, будучи отрицанием частной собственности, принципиально отличается и от примитивной общественной собственности первобытного общества и ее последующих модификаций (община и т. п.). Она отличается от последних своим *общенародным* характером и тем, что адекватную ей материально-техническую базу создает высокий уровень развития производительных сил и *обобществления производства*. Поэтому данная форма собственности может служить основой для формирования качественно нового типа социальности.

Возникновение общественной собственности — необходимая, но не достаточная основа для утверждения нового типа социальности, который формируется в процессе развития общественной социалистической собственности. Это развитие заключается в использовании социалистической собственности для повышения общественной производительности до такого уровня, при котором *освобождается необходимое время для развития индивида, с одной стороны, и удовлетворяются его непосредственные материальные потребности — с другой*.

Происходящая в мире научно-техническая революция показывает, какие реальные формы может принять материально-техническая база коммунистического общества, ибо создаваемая ею техника как раз позволяет в огромной степени поднять производительность труда и освободить человека от тяжелого и монотонного труда в сфере материального и духовного производства, без чего труд нельзя превратить в первую жизненную потребность. Поэтому соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма есть стратегическая линия развития экономики социализма, в особенности на стадии развитого социализма.

Это развитие вместе с тем выступает и как развитие самого человека. Общественная собственность устраняет антагонизм индивида и общества, делает человека непосредственно заинтересованным в прогрессе и процветании общества. И не удивительно, что он активно участвует в борьбе за повышение производительности общественного труда, которую ведет социалистическое общество. С другой стороны, общество само заинтересовано в развитии каждого индивида, ибо от этого зависит рост производительности общественного труда, решение стоящих перед обществом социальных проблем. Поэтому в процессе коммунистического строительства постепенно формируется индивид, уже способный присвоить себе то универсальное богатство общественных связей, которое только и делает его всесторонне развитой личностью.

Таким образом, *формирование все более развитой личности является и средством решения задач коммунистического строительства и целью этого процесса.* Всесторонне развитая личность — это не некое однажды достигнутое и застывшее совершенство, а постоянное движение, процесс присвоения всего богатства человеческой культуры, непрерывное творчество, поиск нового, неизведанного.

Процесс производства на базе общественной собственности, рост материального и духовного богатства общества и соответственно развитие самого человека служат мощными факторами формирования принципиально нового типа социальности — *социальности коммунистической.* При социализме совершенно отчетливо, именно в силу того, что целью производства здесь становится не погоня за прибылью, не производство ради производства, а человек, экономический прогресс подчинен решению социальных задач, развитию всей совокупности социалистических общественных отношений и самого человека. Эта социальная заданность экономического развития представляет собой важное преимущество социализма перед капитализмом, объективное выражение его гуманистической природы, ибо общественная жизнь строится не на отчуждении общественного богатства от трудящегося индивида, а на его присвоении индивидом и развитии последнего на базе этого присвоения.

Коммунистический тип социальности отрицает предыдущие типы и вбирает в себя позитивные результаты предшествующего развития человека. Этот тип социальности исключает и примитивное слияние индивида с коллективом и индивидуалистическую буржуазную «атомизацию» личности в обществе. Он формирует *коллективистскую личность, которая одновременно является членом коммунистической ассоциации, ориентированной на общение, на жизнь и деятельность в коллективе, и свободной индивидуальностью, отличающейся от других членов коллектива.* Коммунисти-

ческий коллективизм противостоит поэтому не только буржуазному индивидуализму, но и всяким ложным (иллюзорным) и первоначальным формам коллективности, будучи отрицанием отрицания — восстановлением коллективности на качественно иной основе. Общество в этих условиях заинтересовано не в том, чтобы индивид терял собственное лицо и полностью сливался в своем сознании и поведении с коллективом, а в широком разнообразии индивидуальностей, ибо богатство коллектива и общества измеряется уже не вещами, не количеством стоимостей, а богатством индивидуальностей¹.

Изменению смысла понятия «богатство» Маркс уделял много внимания в своих размышлениях по поводу будущего общества, которое идет на смену капитализму. До коммунизма богатство всегда отождествлялось с материальным богатством. Но если в древности материальное богатство ценилось в его натуральной форме — золото, украшения, оружие, дворцы, земля и т. д., то в условиях капитализма символом богатства стали деньги. И это соответствует особенностям производства: в первом случае натуральному хозяйству, рассчитанному на непосредственное потребление; во втором — товарному производству, производству ради прибыли.

Маркс писал: «...на основе непосредственного принудительного труда и воспроизводится только отношение господства, для которого само богатство имеет ценность только как наслаждение, а не как богатство само по себе, и которое поэтому никогда и не может создать *всеобщее промышленное производство*»². Конечно, речь идет не о том, что при капитализме натуральная форма богатства вообще отбрасывалась. Просто деньги могли превратиться в любую конкретную форму вещественного богатства и потому выступали его всеобщей формой. Совершенно иная трактовка богатства соответствует условиям коммунизма. Здесь главным богатством общества становится сам человек, его всестороннее развитие и свободное проявление его способностей.

В коммунистическом производстве стоимостные отношения утрачивают свое значение, производительная сила человека усиливается производительной силой (технологическим применением) науки, производительность труда измеряется не рабочим, а свободным временем общества. Отсюда вытекает то определение богатства, которое дает Маркс применительно к будущему обществу. И хотя это определение часто теперь приводят, мы позволим себе именно им завершить рассмотрение вопроса о трех типах социальности: «На самом же деле, если отбросить ограниченную бур-

¹ Подробнее об этом см.: Смирнов Г. Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1973.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 281—282.

жуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. п. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹.

3. Переход от социального к индивидуальному. Деятельность человека и механизмы ее детерминации

Итак, развитие общества есть одновременно процесс становления и развития человеческой личности. Как бы ни был человек слит с той или иной конкретной общностью, всегда имеется известное различие индивида и общества. Поэтому перед наукой встает задача изучения взаимоотношения индивида и общества в рамках каждого исторически определенного типа социальности. Особенно важна философско-социологическая разработка этих проблем для таких наук, как история, эмпирическая социология, которые изучают законы общественного развития в их непосредственной связи с деятельностью людей, стремятся объяснить конкретный ход истории, проанализировать ее детальный рисунок, своеобразие деятельности живых человеческих индивидов в данное время, в данной стране. Марксизму глубоко чуждо представление, будто действия отдельных людей и, следовательно, их индивидуальные черты, особенности характера, склада ума, способности не имеют никакого значения. Рассматривая историю как деятельность преследующего свои цели человека, марксизм никогда не снимал ответственности с каждого индивида за содержание, направленность и результаты его деятельности.

Как же совмещается зависимость человека от общества, от формирующего его типа социальности и его ответственность перед обществом, оценивающим его намерения, действия и поступки? Каким образом в рамках одной и той же социальной среды скла-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

дывается многообразие человеческих индивидуальностей? Какое значение это многообразие имеет для общества на разных этапах его развития? Все эти вопросы важны для анализа истории и понимания перспектив коммунистического развития общества.

Их постановка и тем более ответы на них показывают, что марксизм не отождествляет два взаимосвязанных, но все же различных аспекта проблемы: *выявления социальной типологии людей в исторически определенных формациях и характера индивидуальных различий в рамках этих социальных типологий*. К рассмотрению второго аспекта мы теперь и перейдем.

Индивидуальные различия людей имеют, несомненно, биологические предпосылки. Достаточно сказать, что среди четырех с лишним миллиардов людей на нашей планете нет и двух с одинаковым генотипом. Практически бесконечная вариативность генетического фонда человечества создает объективную основу для бесконечного разнообразия индивидуальностей. Человек — дитя природы. Во взаимодействии с ней он существует и развивается. Эта связь с природой всегда была и будет условием и предпосылкой его существования и развития. И не случайно, видимо, в литературе последних лет возникло стремление определять человека как биосоциальное существо. Можно даже сказать, что такое определение приобрело характер некритически воспринимаемого стереотипа. Между тем с философской точки зрения оно выглядит далеко не бесспорным.

Изучение литературы показывает, что определение природы человека как биосоциальной явилось своего рода реакцией на абсолютное отрицание какого бы то ни было влияния на социальную жизнь человека биологических факторов. Малейший намек на такую связь расценивался как уступка биологизаторским тенденциям в общественном знании. Но знания, накапливавшиеся в биологических, медицинских, юридических, психологических и др. науках, побуждали конкретизировать характеристику человека таким образом, чтобы в ней учитывалось не только его социальное, но и природное начало. Так возникла данная дефиниция.

Но вопрос заключается в том, имеются ли основания для такой оценки значимости биологического, при котором оно входит в качестве равноправного слагаемого в общую характеристику человека наряду с социальным. Несомненно, человек связан не только с биологической, но и с химической, и с физической, и с другими формами движения материи. Если быть последовательным, то определять человека в этом случае надо было бы как существо, имеющее наряду с социальной не только биологическую, но и химическую, физическую и т. п. природу. Никакой принципиальной, качественной, разницы между этими определениями человека нет: способ рассуждений, ведущий к ним, один и тот же. Но главное

даже в другом. Характеристика человека как биосоциального существа затемняет тот факт, что *биологическое проявляется в человеке не непосредственно, а только через социальное*. Характер и последствия воздействия биологического на социальное зависят от уровня развития общества и положения человека в этом обществе. Так, биологические по своим основам половозрастные различия между людьми имеют неодинаковые социальные последствия в разные исторические периоды (угнетенное или равноправное положение женщины, геронтократия в первобытной общине, положение молодежи в различных обществах и т. д.).

Поэтому определение человека как существа биосоциального философски непоследовательно. Человек есть существо социальное, сохраняющее в снятом виде действие всех других — прежде всего, конечно, биологической — форм движения материи. Определение человека как существа социального не должно означать недооценки биологических основ человеческого существования. И это особенно важно подчеркнуть в условиях, когда наука сделала предметом своего исследования и воздействия генотип человека, его психику и т. д. Получаемые при этом знания могут быть использованы и против человека, представляя опасность, сравнимую с угрозами, которые несет ядерное оружие. Тем самым современная биология, генетика, психология и другие науки остро ставят ряд нравственных проблем, требующих социального контроля со стороны общества. Все это создает объективную основу для взаимодействия естественных и общественных наук в изучении человека.

Но если человек в своей сущности есть социальное существо, то его формирование можно интерпретировать как ассимиляцию (присвоение) социальных условий его существования (социализация человека). В этом пункте соединяются два начала — биологическое и социальное. Социальное, так сказать, «накладывается» на биологическое, но последнее неоднородно, ибо, как мы уже говорили, нет двух людей с одинаковым генотипом. Следовательно, в пределах нормы люди от рождения неодинаковы. Данное обстоятельство и представляет собой *естественную основу и предпосылку индивидуализации человеческих существ*, что, однако, не дает никаких оснований для расистских, социал-дарвинистских и т. п. выводов, ибо все люди вместе с тем равны от рождения в том смысле, что все они обладают способностью присвоения социальных условий своего существования. Биологические предпосылки создают лишь *возможности* индивидуализации людей, но реализуются эти возможности, то есть формируется конкретная индивидуальность, в исторически определенных социальных условиях и под их воздействием.

Формирующие людей социальные условия можно рассмотреть

на трех основных уровнях — общем (данное общество в целом, социальный строй, историческая эпоха), особенном (национальные, классовые, профессиональные особенности среды) и единичном (семья, коллектив, вообще микросреда).

Общие условия характеризуют тип социальности, который определяет общую направленность формирования индивидов данного общества. Они создают социально-исторические рамки для воздействия особенных и единичных условий на индивидуальное развитие.

Особенные условия характеризуют социальную дифференциацию общества и создают индивидов, несущих на себе печать их принадлежности к определенной социальной группе, национальной общности, профессиональной среде и т. д. Решающее значение для характеристики индивида имеет его *классовая* принадлежность. Классовое общество порождает классowego индивида, то есть оно и развивает человека как определенную индивидуальность и ограничивает его развитие рамками идеологии, психологии, мировоззрения и морали данного класса. Человек соотносится с обществом не непосредственно, а через свою классовую принадлежность. В этих условиях на первый план часто выступают и приобретают социальное значение не индивидуальные особенности людей, а именно их классовые черты, общие с другими представителями данного класса. Но нельзя забывать, что индивиды по-разному отражают в сознании и поведении общесоциальные и классовые условия своего существования и своей социальной принадлежности. *Для процесса индивидуализации людей огромное значение имеет специфика единичных условий их формирования* — условий, которые несут в себе природу общего и особенного, но к ним не сводятся, — условий микросреды.

Современная марксистская социология уже выработала богатый понятийный аппарат для характеристики различных аспектов и социальных образований микросреды, под непосредственным влиянием которых формируется индивид. Важнейшими среди них являются *семья, детский, школьный и трудовой коллективы*, а также *группировка индивидов по интересам*. Все это — та непосредственная среда, в которую человек попадает с момента своего рождения, в которой он формируется, как правило, до своей зрелости и через которую он соотносится с обществом и культурой. Именно эта среда навязывает индивиду свои нормы и ценности, обычаи и традиции, предрассудки и суеверия и т. д. Она контролирует его поведение, бдительно следя за тем, чтобы индивид не отклонялся от господствующих в ней норм. Возможность жесткого подчинения индивида микросреде определяется непосредственным характером общения и воздействия людей друг на друга в ее рамках, причем воздействия не только духовного, но и материального.

Следовательно, для каждого типа социальности характерны не только определенные условия для формирования человека как некоей своеобразной индивидуальности, в большей или меньшей степени идентифицирующей себя с определенной общностью, коллективом, группой и т. д., но и механизмы подчинения индивидуального общему, механизмы «лишения» человека индивидуальности; причем диалектика здесь состоит в том, что одни и те же средства и формировали индивидов и были направлены на их нивелировку. Так, в рамках отношений личной зависимости мощным фактором воспитания и формирования индивида и одновременно его подчинения той или иной общности была традиция¹. Традиционные механизмы регламентации поведения содержат жесткие требования, определяют образ действий, независимо от особенностей и желаний индивида.

В условиях современного капитализма, где пышным цветом расцвел тип социальности, проанализированный Марксом как «вещные отношения», атомизация и индивидуализация человека сопровождается развитием социально-психологических и идеологических средств и механизмов (массовые коммуникации, реклама и т. д.), с помощью которых поведение человека стандартизируется, его сознание стереотипизируется, происходит своеобразная деперсонализация человеческой личности.

Таким образом, процесс индивидуализации человека под влиянием внутренне дифференцированных социальных условий был всегда внутренне противоречивым, ибо здесь сталкивались противоположные и даже исключаяющие друг друга тенденции, а общий результат определялся в конечном счете господствующим типом социальности.

Но если внутренне дифференцированные социальные условия являются одним из источников многообразия человеческих индивидуальностей, то возникает вопрос: не беднеет ли этот источник в процессе перехода к социально-однородному обществу, к обществу бесклассовому? Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить, что дает для развития индивида уничтожение классов и преодоление остатков старого общественного разделения труда.

Прежде всего очевидно, что ликвидация социальной неоднородности общества, полное устранение социального неравенства отнюдь не означает ликвидацию всякой вообще внутренней дифференциации в обществе. «Ассоциация свободных индивидуальностей», то есть коммунистический тип социальности, будет обществом, бесспорно, внутренне расчлененным. Объединения людей в процессе творческого труда, совместный отдых, совместное потребление, известное обобществление быта и т. д. создадут в об-

¹ См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры, с. 189, 273.

щество множество своеобразных ячеек, в рамках которых и будут формироваться человеческие индивиды. Но разнообразие коммунистических коллективов будет разворачиваться на почве полного материального и социального равенства. Значит, каждому вступающему в жизнь поколению предстоит формироваться и действовать во внутренне дифференцированных социальных условиях.

С ликвидацией классов отойдут в прошлое и все те механизмы, которые тормозили развитие индивида, свободное разворачивание его внутренних потенций. Откроется полный простор для развития индивидуальности каждого человека в соответствии с его задатками.

И, наконец, человек в этих условиях, включаясь в систему универсальных связей и отношений, получает возможность развиваться как целостный индивид. А само общество заинтересовано во всестороннем развитии индивида и свободном проявлении его способностей, ибо, чем богаче, многостороннее каждый индивид, чем многообразнее индивидуальности, составляющие коммунистическую ассоциацию, тем полнее и успешнее вся социальная система в целом и каждый коллектив в отдельности сможет осуществлять свои общественные функции.

Таким образом, *уничтожение классов и преодоление остатков старого общественного разделения труда создает условия для полного и всестороннего развития каждого индивида и глубокой индивидуализации каждой человеческой личности.*

Но ни биологические предпосылки, ни социальные условия сами по себе и в сочетании друг с другом еще не могут сформировать индивидуальность человека, если эти источники индивидуализации не соединяются с третьим компонентом — *собственной деятельностью, внутренней активностью* самого индивида. Человек — не пассивный продукт социальной среды, исторических условий, он — активно действующее существо.

Деятельность как фактор, формирующий человеческую индивидуальность, нельзя, однако, брать абстрактно, вне социальных условий. Так же как социальные условия воздействуют на человека, лишь преломляясь через его собственную активность, деятельность индивида становится фактором его индивидуализации лишь в системе социальных условий и отношений. Взятая вне этих условий, она лишается всяких социальных характеристик и становится неотличимой от животной активности.

Конечно, это не значит, что деятельность человека мы всегда и во всех случаях обязаны рассматривать в каких-либо конкретных социальных условиях. Для определенных научных целей можно отвлекаться от конкретных условий, например когда необходимо выяснить общую структуру человеческой деятельности или понять ее как основу формирования общечеловеческих психоло-

гических механизмов (память, воображение, воля) и т. п. К. Маркс, как известно, в «Капитале» рассматривал процесс труда в абстрактной форме именно для того, чтобы выявить «простые моменты» любого человеческого труда.

Подобно тому как общие моменты труда Маркс вычленяет лишь в качестве предпосылки содержательного исследования труда в конкретно-исторических формах общественного производства, анализ человеческой деятельности, как таковой, в ее абстрактных моментах служит предпосылкой содержательного исследования процесса индивидуализации человека в конкретных исторических условиях, в системе определенных общественных отношений. Именно в деятельности человек ассимилирует, присваивает себе социальные условия своей жизни и формируется как своеобразная индивидуальность.

Вместе с тем одни и те же или подобные условия разные индивиды усваивают по-разному и по-разному к ним относятся, что определяется их *субъективными особенностями*. В силу своих субъективных особенностей человек избирательно относится к окружающему его социальному и природному миру.

Одни и те же условия и отношения потенциально содержат в себе веер различных возможностей для деятельности, которые реализуются людьми в зависимости от степени их социальной активности, их отношения к этим условиям. Одни и те же условия и воздействия могут вызывать различную ответную реакцию индивида и иметь различные последствия. Это обстоятельство блестяще использовал В. И. Ленин при характеристике социальных типов личности. В работе «Памяти графа Гейдена» он писал, что есть рабы, которые безропотно влчат свое существование, смиряются со своим рабским положением, — это просто рабы. Есть рабы, которые превозносят прелести рабской жизни, восхваляют своего господина, — это уже позиция холоуев и хамов. А раб, борющийся против рабства, — революционер. Этот пример ярко иллюстрирует мысль, что существенные характеристики личности в рамках одних и тех же социальных условий зависят от социальной позиции индивида и проявляются в его деятельности, они есть определенное следствие взаимодействия объективных и субъективных факторов формирования человеческой индивидуальности. К этому следует только добавить, что само соотношение социальных типов, рост числа революционеров и уменьшение количества пассивных рабов, также имеет объективные основания. Оно зависит от остроты социальных противоречий и конфликтов в данном обществе, в данное время.

Таким образом, *процесс формирования индивида в обществе есть следствие взаимодействия разнообразных биологических предпосылок, данных человеку от рождения, социальных условий*

и деятельности самого индивида, в которой реализуется избирательное отношение субъекта к действительности, выражается его активность, развиваются его потребности, способности, качества характера и т. д. Социализация индивида, присвоение им социальных условий и выработка способности действовать в этих условиях есть одновременно индивидуализация человека, то есть формирование его как своеобразной индивидуальности, личности. Разные типы социальности создают различные условия и возможности для индивидуализации. В условиях коммунистической социальности формирование индивидуальности человека выступает одновременно процессом становления всесторонне развитой личности.

Таков краткий итог анализа методологических аспектов проблемы формирования индивидуальности в обществе. Рассмотрев эту проблему, мы показали одновременно, как происходит переход от социального к индивидуальному.

Индивидуальность человека не есть нечто изначально данное, присущее человеку от рождения. Лишь в обществе биологические предпосылки служат основанием для формирования индивидуальности, лишь общество порождает индивидуальность. Индивидуальность — продукт общества, и в различных обществах существуют более благоприятные или менее благоприятные условия для ее формирования. Но кроме объективных условий формирования индивидуальности в каждом обществе создается определенная система целенаправленного воздействия на индивида — система его обучения и воспитания. Это связано с тем, что каждое общество, класс, социальная группа заинтересованы в том, чтобы сформировать индивида, так сказать, по своему образу и подобию, ибо воспроизводство человека является не только биологическим, но и социальным процессом.

Известно, что уже в доклассовом обществе — в рамках родоплеменного строя — повсеместно существовала строгая система обучения и воспитания молодежи. Тяжелые условия жизни первобытного охотника, воина и т. п. требовали от человека определенных знаний, а также таких физических и моральных качеств, которые бы позволили ему не только выжить самому в тяжелой борьбе за существование, но и выполнить те функции, ту роль, которые предписывались ему коллективом. Сила и ловкость, выносливость и смелость, самоотверженность и коллективизм, умение в совершенстве обращаться с оружием и ориентироваться свободно в природной среде, знание свойств растений, повадок животных и т. д. и т. п. — все это воспитывалось с детства, и каждый юноша должен был пройти через суровые испытания, чтобы получить «аттестат зрелости». Но система воспитания здесь была направлена не на формирование своеобразной индивидуальности,

а на «производство» такого человека, который ни материально, ни духовно, ни в своем сознании, ни в своем поведении не отделяет себя от коллектива. Этот человек, как писал Ф. Энгельс, вызывает восхищение своими высокими моральными качествами, но в то же время он ограничен рамками той общности, к которой принадлежит¹.

Возникновение классового общества привело к существенным изменениям в системе подготовки к жизни каждого нового поколения. Прежде всего обучение и воспитание приобрело классовый (сословный, кастовый и т. п.) характер. Социальная дифференциация, разделение общественного труда привели к тому, что задачи, цели и методы воспитания стали различаться в среде угнетенных и господствующих социальных групп. Господствующие слои уже не должны были готовить и не готовили подрастающее поколение к физическому труду. Главными функциями этих слоев в докапиталистических формациях были военное дело и управление. Они широко использовали методы сознательного и целенаправленного обучения и воспитания для приобщения молодежи к выполнению функций, предписываемых принадлежностью к господствующим классам.

В среде трудящихся классов процесс социализации нового поколения проходил по-другому. Главной задачей здесь было приобщение к физическому труду (земледелие, скотоводство, ремесло и т. д.). Но школ, где бы молодежь получала соответствующее образование, те эпохи еще не знали. Приобщение молодежи к труду, овладение соответствующими навыками и знаниями происходило в семье или вне ее (например, в качестве ученика ремесленника), но всегда в самом процессе труда и в непосредственном общении со старшими. Стихийно происходило овладение обычаями, традициями, нормами поведения и т. п. Главной силой, оказывающей мощное духовное, воспитывающее воздействие на все общество, выступают религия и церковь.

В условиях капитализма в силу того, что развитие машинного производства требует более квалифицированного и развитого в культурно-техническом отношении работника, общество создает систему целенаправленного сознательного обучения и воспитания. Правда, даже в развитых капиталистических странах фактически школьное образование никогда не было в полной мере всеобщим, но все-таки по сравнению со средневековьем сделан громадный шаг вперед: каждое новое поколение почти полностью проходило через систему школьного обучения и воспитания. Влияние церкви падает, хотя она еще остается большой силой. Капитализм, в особенности в современных условиях, развивает новые мощные сред-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 99.

ства воздействия общества на сознание масс — средства массовой информации, которые фактически являются орудиями духовного подчинения людей господствующей идеологии и морали.

При социализме сознательное и целенаправленное формирование индивидов становится ведущей тенденцией в деле социализации каждого нового поколения. Этот процесс не ограничивается школьным обучением и воспитанием, а включает в себя целую систему дошкольного и внешкольного, очного и заочного, производственного и внепроизводственного обучения, позволяющую человеку совершенствоваться на протяжении всей его жизни. Духовное развитие, подъем культуры всего народа рассматриваются как задача не менее важная, чем подъем материального производства. Соответствие между достигнутым уровнем материального и духовного развития всего общества становится одним из важнейших условий прогресса общества, решения возникающих социальных задач, движения к коммунизму.

Только в коммунистической формации, обществе, выступающем по отношению к индивидам не внешне навязанной им и господствующей над ними силой, а, наоборот, продуктом их свободной самодетельности, появляется объективная необходимость во всесторонне развитых индивидах, способных участвовать во всех общественно значимых видах деятельности — материальном производстве, духовной деятельности, управлении общественной жизнью, охране общественного порядка, воспитании подрастающего поколения и т. д. Общество не только нуждается в таких людях, но и постепенно начинает их формировать. При этом обнаруживается, что здесь качественное отличие системы обучения и воспитания от всех предшествовавших состоит не только в том, что она базируется на совершенно иной социально-экономической основе, но и в том, что *она впервые в истории нацелена на воспитание всесторонне развитой личности*. Это значит, что обучение и воспитание повернуты к человеку, к выявлению его индивидуальных склонностей и способностей и созданию наиболее благоприятных условий для их полного развития. Если хоть один человек не трудится по способности, то это выступает экономической потерей для общества. С точки же зрения индивида, всестороннее выявление и развитие им своих потенций есть выражение богатства и разнообразия его собственной жизни и удовлетворенности этой жизнью.

Особенностью социалистической системы обучения и воспитания является также *соединение их с трудом, с практической деятельностью масс*. В этой системе как бы объединяются в новом синтезе и диалектически снимаются достижения предшествующего развития в области сознательного и целенаправленного обучения и воспитания подрастающего поколения, с одной стороны, и стихийно складывающегося процесса обучения и воспитания

в самой трудовой деятельности, в быту, в повседневной жизни — с другой. Все это социализм делает сознательными предпосылками вырабатываемой им новой системы воспитания и обучения — соединения школы с производительным трудом.

Другой стороной процесса перехода от социального к индивидуальному выступают механизмы детерминации индивидуальной деятельности человека и способы его подключения к социально-экономическому развитию общества, к решению социальных задач, выражающих требования объективных социальных законов.

Хотя человек — продукт общества, последнее нельзя себе представлять в виде особого субъекта, использующего индивида в качестве средства для реализации своих целей¹. Общество — продукт взаимодействия людей, и иного субъекта, кроме действующих в истории индивидов, в обществе нет. Вопрос, следовательно, сводится к тому, *чем и как детерминируются индивиды в своих действиях и взаимоотношениях с другими людьми.*

Непосредственно каждый индивид руководствуется в своей деятельности личными побуждениями, стремлениями, интересами, целями, мотивами и т. д., связанными с необходимостью производства и воспроизводства своей жизни. Но поскольку условия и возможности деятельности, представления и ценностные ориентации индивида в основном и существенном задаются обществом, постольку в индивидуальной деятельности в конечном счете реализуется общественный интерес. Иначе говоря, несмотря на всю сложность структуры общества и огромное разнообразие видов конкретной человеческой деятельности, *деятельность индивидов в конечном счете определяется тем же, чем детерминировано все общественное развитие, — развитием производительных сил, изменением производственных отношений.* Поэтому проблема перехода от социального к индивидуальному сводится к выяснению того, *каким способом* в данном обществе реализуются общественные потребности и интересы через стремления, интересы и действия индивидов.

Человеческие действия непосредственно побуждаются двойными мотивами: идущими или от индивида (их обычное обоснование — «так я хочу, желаю»), или от общественной среды («должен, так надо, необходимо»). Одно побуждение исходит изнутри, другое — извне, одно субъективное, другое — объективное, и кажется, что одно характеризует свободу, другое — необходимость. Но такое противопоставление недиалектично.

Если проанализировать мотив как детерминанту деятельности индивида, то обнаруживается его связь с целым рядом других фак-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.

торов, в которых отражаются личностные побуждения к деятельности. Мотив определяется стремлением достигнуть определенного результата, он, следовательно, прежде всего связан с целью. Необходимость достижения цели диктует образец сознательных действий, успех которых возможен при определенном познании условий деятельности, соответствующей оценке путей и средств достижения намеченного результата и т. д. Общим для всех этих элементов является то, что они выступают для индивида в качестве *внутренних стимулов* — как его собственные мысли, побуждения, веления разума, голос совести и т. д. Их общественное происхождение как бы угасает в индивиде. Именно эта особенность целей, ценностей, значений, образцов — всего того, что по своей сущности общественно, но стало внутренней основой поведения индивида, преобразованной в соответствии с его интеллектуальными и волевыми особенностями, и выступает *непосредственной детерминантой его деятельности*, связывающей его с обществом.

Мы не случайно обращаем особое внимание на *волевые характеристики* индивидов, ибо именно воля соединяет сознание и деятельность, точнее — претворяет одно в другое; объективирует сознание, придает ему предметное существование; придает деятельности завершенность и активность; регулирует и контролирует процесс деятельности.

Формы приобщения индивидов к функционированию и развитию той или иной конкретной социальной системы носят — и это должно быть ясно из всего предыдущего изложения — исторический характер. В первобытной общине, целью которой было самосохранение и непосредственное воспроизводство составляющих ее индивидов, последние прямо руководствовались интересами общности. Общий интерес и выступал интересом индивида. Этот тип связи индивида и общности был единственно возможным на ранних ступенях развития человечества. Он позволил сохраниться и выжить человеческому роду, создать предпосылки для перехода к цивилизации. Но в то же время он крайне ограничивал возможности развития производительных сил индивидов. Коллектив еще не нуждался в людях, материально заинтересованных в развитии своей индивидуальной производительности, и не создавал для этого условий, о чем свидетельствуют остаточные явления примитивного равенства у некоторых африканских племен. Поэтому необходимым условием развития производительных сил и прогрессивным фактором для общества было появление частного интереса. Последний стимулировал процесс накопления материального богатства в отдельных руках и как условие для этого — повышение производительности индивидуального труда. На такой основе возникает экономическое неравенство и связанные с ним новые мотивы индивидуальной деятельности, такие, как стяжательство, жадность,

корыстолюбие, обман. Был открыт ящик Пандоры и выпущены «фурии частного интереса».

Но частный интерес в тех условиях был единственно возможной и необходимой формой реализации общественной потребности в развитии производительных сил. В этом отношении особенно поучительна историческая миссия буржуазии, сыгравшей в истории, как известно, прогрессивную роль тем, что она централизовала, укрупнила, развила производительные силы, придала им общественный характер и подняла на качественно новый уровень производительную силу общественного труда. Но характерно, что, отдавая должное прогрессивной роли буржуазии, К. Маркс страстно клеймил все мерзости буржуазного господства, вытекающие из безграничной и неумемной жажды наживы — частного интереса капиталиста. Жестокости первоначального накопления капитала, вписанного в историю «пламенеющим языком меча и огня», бесчеловечная эксплуатация женского и детского труда, колониальный разбой, разорение миллионов людей, превращение всего и вся в средство наживы — таковы присущие капитализму способы реализации частного интереса. Современный капитализм породил еще более мощные и чудовищные средства реализации частного интереса буржуазии. Усиление эксплуатации за счет научной организации труда, войны за передел мира, беспрецедентная гонка вооружений, причем таких, которые рассчитаны на массовое уничтожение людей, — все это своей конечной причиной имеет частный, корыстный интерес капиталистических монополий и всего класса капиталистов.

Этот пример показывает, что общественные потребности в развитии производительных сил в капиталистическом обществе реализуются в форме возрастания капитала. А капиталист, реализующий эту потребность через свой частный интерес, выступает не чем иным, как персонификацией капитала. Таким образом, марксизм вскрывает механизм подключения индивида к функционирующей социально-экономической системе и вместе с тем дает историческую оценку деятельности индивида, реализующего свой личный интерес, с позиций трудящихся, прогрессивных социальных сил. Потому эта оценка одновременно научна, объективна и партийна.

Историческое своеобразие коммунистического общества состоит в том, что здесь интерес общества состоит в обеспечении свободного и всестороннего развития каждой личности, и поэтому личный интерес совпадает с общественным. Но они совпадают именно по своей сущности. И поскольку связь между личностью и обществом не сводится к их взаимоотношению в рамках локального коллектива, небольшой общности, а охватывает универсальные связи, постольку сочетание общественного и личного здесь ос-

тается проблемой для каждого вступающего в жизнь поколения, и она разрешается в процессе формирования и деятельности индивидов.

В условиях социализма уже утверждается единство общественных и личных интересов и развиваются соответствующие механизмы их сочетания. Но вместе с тем здесь еще продолжают действовать механизмы приобщения индивида к реализации общественных интересов через личную материальную заинтересованность и распределение по труду, хотя и эти механизмы наполняются новым социальным содержанием.

4. Образ жизни как проявление социального в индивидуальном

На первый взгляд может показаться, что «образ жизни» — понятие чисто феноменологическое, описательное. В самом деле, несмотря на то что оно часто использовалось и в марксистской и в домарксистской, начиная с Платона, литературе, его категориальный статус никогда строго не определялся. Современная антимарксистская литература, усиленно спекулирующая понятиями «образ жизни», «качество жизни», «уровень жизни», «стиль жизни» и т. д., также не дала им четкого определения. Между тем внутренние условия развития нашей страны (построение развитого социалистического общества), а также внешние (экономическое соревнование двух систем и обострение идеологической борьбы) выдвинули вопрос об образе жизни людей как важнейшую практически-политическую и идеологическую проблему. Это и поставило перед наукой об обществе задачу концептуальной разработки проблемы образа жизни и введения этого понятия в категориальную сетку исторического материализма.

Надо только с самого начала преодолеть одно, довольно распространенное, заблуждение. Речь идет о неоправданном стремлении выработать такое определение понятия «образ жизни», на которое можно было бы опираться и при философско-социологическом и при конкретно-научных исследованиях, измерениях и сопоставлениях исторически определенных образов жизни. Такой подход к делу подобен стремлению выработать понятие материи, с которым можно было бы разрешать как философские, так и физические, химические и другие конкретно-научные проблемы. Категории философии, в данном случае категории исторического материализма, вырабатываются для решения специфических познавательных задач, и оперировать ими за пределами их философского содержания и границ применения без перевода в категории специальных наук никак нельзя.

В рамках исторического материализма содержание и границы применения понятия «образ жизни» определяются спецификой

философско-социологического подхода к познанию общества, своеобразием историко-материалистического видения социальных проблем, которое не может и не должно отождествляться с политико-экономическим, социально-психологическим и т. п. подходами.

Прежде чем пытаться разработать социально-философское понятие «образ жизни», целесообразно выяснить вопрос о том, почему изложение исторического материализма до сих пор обходилось без использования этого понятия. Дело, очевидно, в тех жизненно-практических задачах, которые определяли ранее своеобразие теоретического подхода к действительности. Практика классовой борьбы в условиях капитализма, а также в переходный период к социализму ставила перед социально-философской теорией две основные задачи: во-первых, выработать принципы исследования и познания общества как закономерно функционирующей и развивающейся системы, поскольку только познание и использование объективных законов развития общества, и прежде всего экономических законов, может обеспечить успех классовой борьбы пролетариата; во-вторых, разработать принципы анализа истории как результата деятельности народных масс, в классовом обществе — классов, то есть разработать принципы перехода от действий индивидов — хаотичных, беспорядочных, случайных и т. д. — к действиям массовым — социально значимым, необходимым и существенным. Нетрудно заметить, что в обоих случаях теоретический анализ прекрасно обходится без категории «образ жизни». Почему? Да потому, что в первом случае анализ вычленяет структурные элементы общества как системы, существенные отношения которых и выражаются в объективных законах ее развития, а образ жизни к таковым не относится. Во втором же случае понятие образа жизни широко используется, но не в его категориальном статусе, ибо система понятий, с помощью которой осуществляется сведение индивидуального к социальному — классы, социальные общности, массы — личность и т. д., — теоретически ничем не обогащается, если образ жизни отдельного человека свести к образу жизни какой-либо социальной общности. Ведь социально значимые действия больших масс — классов, наций, народов — складываются не на основе одинакового образа жизни, а на основе объективного единства их интересов. Образ жизни рабочих в разных странах мира или рабочих и крестьян в одной стране могут различаться очень резко, но это не может и не должно мешать единству их социальных действий.

Отношение к понятию «образ жизни» в корне меняется в условиях построения социалистического общества и особенно в период развитого социализма. С развитием социализма все более явственно обнаруживается и проявляется его подлинная сущность как

строю, подчиняющего все стороны общественной жизни интересам развития человека. В этих условиях вопрос о том, что дает общество для развития каждого конкретного индивида, каков образ жизни людей в данном обществе, приобретает важное практическое и, следовательно, теоретическое значение¹.

Особую остроту придает этой проблеме современная идеологическая борьба. Сопоставление преимуществ социальных систем по соответствующим типам образа жизни позволяет осуществлять сравнение этих систем по их проявлениям в жизнедеятельности людей. Буржуазная пропаганда, выпячивая специально отобранные показатели уровня потребления средних слоев в наиболее развитых капиталистических странах (США, ФРГ, Швеция, Дания и т. д.), пытается выдать их за «стандарт» западного образа жизни и тем самым продемонстрировать «превосходство» капиталистической системы над миром социализма. Но такой вывод не научен, ибо, во-первых, образ жизни не сводится к уровню потребления и, во-вторых, смысл человеческого существования не следует отождествлять с обладанием вещами и их использованием.

Теоретическая разработка проблемы образа жизни в нашей литературе привела к возникновению различных точек зрения, но их можно свести к *двум основным позициям* — отождествление образа жизни с условиями жизни или с жизнедеятельностью индивидов и общества, совокупностью ее форм и видов.

Первая точка зрения не получила широкого распространения ввиду того, что она явно приводила к «слиянию» всех характеристик образа жизни с характеристиками самой социальной системы. Конечно, каждой социальной системе присущ свой образ жизни, и дело вовсе не в том, чтобы отделять их друг от друга. Но если содержание этих категорий совпадает, то теряет смысл введение самого понятия «образ жизни» или, во всяком случае, оно лишается самостоятельного теоретического значения.

Наиболее распространено определение образа жизни как совокупности форм и видов жизнедеятельности людей. В этом определении, безусловно, схватывается главное и основное, что характеризует образ жизни, а именно то, что *образ жизни людей проявляется в их деятельности*. Однако социально-философская специфика категории «образ жизни» в полной мере в этом определении все же не улавливается. Проявляясь в жизнедеятельности людей, образ жизни к ней не сводится.

Специфика этой категории, по нашему мнению, состоит в том, что она *отражает и выражает форму, способ активного присвоения индивидом общественных условий его жизни*. «Человек — это мир

¹ См.: Толстых В. И. Образ жизни. М., 1975; Бугенко А. П. Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М., 1978; Социалистический образ жизни. М., 1979.

человека» (Маркс). Человек своей активной деятельностью создает свой мир, преобразует его и одновременно присваивает. Образ жизни и есть присвоение этого мира индивидом, способ реализации возможностей, предоставляемых им, форма его проявления в индивидуальной жизнедеятельности человека. Поэтому можно с полным основанием сказать, что понятие «образ жизни» *характеризует способ проявления социального в индивидуальном*, и, следовательно, при анализе перехода от социального к индивидуальному оно приобретает категориальный статус в рамках исторического материализма.

Образ жизни конкретных людей того или иного общества зависит прежде всего от социальных условий их жизни. Последние задают определенные возможности для построения образа жизни и вместе с тем предъявляют к человеку вполне реальные требования, навязывают те или иные социальные роли, функции и т. д. Все это, безусловно, детерминирует образ жизни людей данного общества. Но определение значения социальных условий как детерминанты образа жизни еще слишком общо и абстрактно. Для его конкретизации необходимо *выделить в социальных условиях черты общего, особенного и единичного*.

Самой глубинной социальной основой образа жизни людей являются *общие условия исторически определенной формации*. По отношению к индивиду в качестве объективных здесь выступают не только материальные, социальные, но и духовные элементы общественной системы. Каждый человек, вступая в жизнь, не только воспринимает производительные силы и общественные отношения, но и усваивает существующие в обществе знания, системы норм и ценностей, сложившиеся традиции.

Общие социальные условия и детерминируют образ жизни индивидов, и проявляются в нем, трансформируются в его наиболее существенные компоненты. Так, советский рабочий стоит у станка и совершает те же действия, что и рабочий в Англии или в США, но одновременно развивает социалистические отношения, в то время как рабочий в буржуазном обществе воспроизводит отношение эксплуатации труда капиталом. Наличие общих черт в образе жизни людей определенного общества дает объективные основания для употребления таких понятий, как «буржуазный образ жизни», «социалистический образ жизни», позволяет сопоставлять и противопоставлять социальные системы по характеристике порождаемых ими образов жизни.

Это обстоятельство имеет большое идеологическое, пропагандистское значение. Выявляя такие характерные черты социалистического образа жизни, как коллективизм, ответственность каждого перед коллективом и ответственность коллектива за каждого, сплоченность и дружба народов, интернационализм, социалисти-

ческий демократизм, нравственное здоровье, гуманизм и т. п., мы тем самым наглядно показываем преимущества социалистического общества перед капитализмом.

Но в образе жизни индивида проявляются не только общие для данной социальной системы черты и условия, а и *особые* — *исторические, классовые, национальные, региональные* и т. п. Характеризуя социалистический образ жизни, необходимо учитывать его внутреннее многообразие, определяемое влиянием особых природных, социальных и национальных условий. Происходящие в социалистическом обществе процессы стирания граней между классами и социальными группами, сближения условий жизни в городе и деревне, интернационализации общественной жизни, конечно, находят свое отражение и в образе жизни — в нем все больше развиваются некоторые общие социалистические черты. Но, видимо, влияние «среднего звена» детерминации (особенного) никогда полностью не исчезнет, хотя само его содержание будет, бесспорно, меняться.

Наконец, образ жизни индивида определяется в известной мере *специфическими для него условиями микросреды*, причем влияние последней тем значительнее, чем больше она разнообразится в тех рамках, которые задаются общими и особенными условиями жизни данного общества. В примитивных обществах условий для такого разнообразия еще не было, единичное как бы поглощалось общим и особенным. Но по мере развития цивилизации и уменьшения влияния традиционных механизмов управления жизнедеятельностью людей возможности для такого разнообразия возрастали и влияние своеобразия микроусловий на формирование образа жизни индивида соответственно увеличивалось.

Однако общие, особенные и единичные условия — *лишь основа и предпосылка* образа жизни индивида. Они проявляются в образе жизни, но сами еще не составляют его, ибо здесь отсутствует решающий компонент — субъект, то есть сам индивид, который присваивает эти условия и формирует на их основе свой конкретный образ жизни. Последний зависит не только от объективных условий, но и от самого субъекта, от человека, который опять-таки в определенных исторически обусловленных рамках может проявлять собственную активность и с большей или меньшей степенью свободы осуществлять выбор образа жизни.

От субъекта формирование образа жизни зависит в двух отношениях: во-первых, от уровня развития человека, от его культуры, понимаемой как мера овладения наличными условиями жизни и деятельности, его потребностей, интересов и т. п., и, во-вторых, от его воли, характера, способности противостоять давлению среды в тех случаях, когда эта среда навязывает индивиду принятый стандарт поведения, образ мыслей и т. п.

Вся история со времени разложения первобытного строя есть, между прочим, история все более явного размежевания и разрыва между индивидуальной, частной и общественной, гражданской сферами жизни. При капитализме эта тенденция проявляется настолько отчетливо, что может создаваться видимость, будто частная и общественная жизнь не связаны друг с другом и даже противостоят друг другу. Абсолютизируя эту видимость, буржуазные идеологи рассматривают в качестве реального образа жизни индивида его частную жизнь, поскольку в общественной жизни он выступает объектом манипулирования со стороны социальных институтов, а в своей частной жизни принадлежит самому себе.

Однако взаимоотношение общественной и частной жизни при капитализме само есть проявление свойственных ему антагонизмов. С ликвидацией капитализма оно преодолевается, что, конечно, не значит, будто снимается всякое различие между общественной и индивидуальной жизнью. Подобно тому как социализм, преодолевая антагонизм общества и личности, не уничтожает их различия, снятие взаимоотношения частной и общественной жизни не ликвидирует различий между ними. Общественная и личная жизнь индивидов при всем их различии не противостоят друг другу там, где общество становится продуктом сознательной самодетельности индивидов, в силу чего субъект перестает быть объектом манипулирования со стороны социальных институтов.

Сказанным, однако, вопрос о взаимоотношении общественной и частной жизни не исчерпывается. Особенно важно иметь в виду, что и в антагонистических формациях были периоды, когда противоречие между частной и общественной жизнью отходило на второй план, — периоды революций, активных массовых движений, когда к общественной жизни (общему делу) индивиды приобщались прежде всего и главным образом в сфере политики. Основоположники марксизма-ленинизма поэтому и называли революции праздником угнетенных и эксплуатируемых, что видели в них основное средство приобщения масс к общественной жизни, изменения всего их облика. Революции, подчеркивал В. И. Ленин, — это такие периоды в истории, «когда могучие исторические события силой вытаскивают обывателей из их медвежьих углов, чердаков и подвалов и заставляют их становиться *гражданами*»¹.

Качественное отличие коммунистической формации от всех предшествовавших состоит в том, что в ней уже на первой фазе все люди постепенно начинают становиться гражданами не только в сфере политики, но и в материально-производственной сфере общественной жизни, поскольку сознательно приобщаются к коммунистическому труду — труду на общую пользу.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 339.

Проблемы образа жизни разрабатываются в советской философской и социологической литературе в двух планах. Один — это *противопоставление социалистического образа жизни буржуазному, выявление преимуществ первого перед вторым с точки зрения интересов трудящихся, развития человека.*

Капитализм всем ходом своего развития порождает глубочайшие, вопиющие антагонистические противоречия, показывающие, что он не способен создать условия, обеспечивающие достойный человека образ жизни. Все великие достижения научно-технического прогресса он направляет против человека, стимулируя разорительную для трудящихся гонку вооружений. Создав известный материальный достаток, он развращает людей психологией потребительства, вещизма. Втянув все страны в общее русло экономического развития, создав универсальные связи, капитализм породил небывалое отчуждение труда, отчуждение человека от человека, господство над людьми отчужденных от них продуктов их собственной деятельности. Разрушив феодальные и прочие перегородки, создав отношения буржуазного равенства, предполагающего соблюдение некоторых формальных прав человека, он развил чудовищный механизм идеологического и психологического манипулирования сознанием людей. Оторвав человека от всех видов естественных связей, он утвердил как главный вид общественных связей отношения чистогана. Провозгласив свободу личности, он делает все возможное для стандартизации ее жизни, для деперсонализации человека, превращения его в «жизнерадостного робота». Увеличив в огромных размерах национальный доход, он значительную часть населения оставляет в состоянии нищеты, не обеспечивая ей даже самого необходимого прожиточного минимума. Создав могучие средства господства над природой, он приводит ко все большему ее разрушению. Расширив рамки возможностей формирования субъектом своего образа жизни, он сделал и это обстоятельство средством наживы, утверждая и сменяя стереотипы «модного» в данный момент образа жизни. В результате образ жизни становится не выражением собственной индивидуальности человека, а чисто внешним для него, с чем он свободно расстается, как с использованной или изношенной одеждой.

Социалистический образ жизни формируется в противовес буржуазному. Он опирается на совершенно иные социально-экономические основания — на социалистический способ производства, преодоление свойственных капитализму антагонизмов, на единство интересов общества и индивида. В формировании и развитии социалистического образа жизни находят свое отражение и закрепление результаты той огромной преобразовательной работы, которую осуществляет народ, вступивший на путь строительства социализма и коммунизма. Поэтому другой план, в котором разра-

батываются проблемы социалистического образа жизни в советской философской литературе,— это *определение тенденций развития социалистического образа жизни в связи с решением задач коммунистического строительства и формированием человека будущего общества.*

Теоретическая разработка этой темы имеет важное практическое значение, ибо от того, какие «модели» образа жизни закладываются ныне в наши планы, зависят сами условия жизни людей в ближайшем и более отдаленном будущем. А разработка этих «моделей» зависит во многом от теории. Конечно, теория не может предвидеть будущее во всей его конкретности. Следуя марксистской традиции, мы и не должны заниматься детальным «проектированием» образа жизни будущего. Но основные тенденции развития теория должна выявлять и определять.

С построением развитого социализма встала в качестве практической задача совершенствования и дальнейшего развития социалистического образа жизни, а также подготовки предпосылок для перехода к коммунистическому образу жизни — образу жизни всесторонне развитой личности. Основой этого процесса является построение материально-технической базы коммунизма, обеспечивающей:

создание изобилия предметов потребления, необходимого для перехода к коммунистическому принципу распределения;

сокращение необходимого рабочего времени и высвобождение свободного времени как пространства для развития индивида;

ликвидацию тяжелых, трудоемких, монотонных видов работ, развитие творческих начал в труде как необходимых предпосылок превращения труда в первую жизненную потребность.

Все это послужит базой для окончательной ликвидации остатков социальной дифференциации и старого общественного разделения труда, для создания социально-однородного общества, предпосылкой для преодоления одностороннего развития индивидов и присвоения ими всей совокупности общественных отношений путем включения в универсальную систему общественных связей. Так будут созданы необходимые и достаточные условия для всестороннего развития индивидов и построения соответствующего образа жизни.

Но какие бы условия для всестороннего развития личности общество ни создавало, сами по себе они не дадут никаких результатов, если не будут присвоены человеком, не станут *моментами его собственной деятельности, его собственного развития.* Поэтому другой стороной формирования коммунистического образа жизни является развитие самого субъекта, человека.

Как известно, социалистическое общество задачу формирования нового человека ставит как важнейшую социальную пробле-

му. В решении этой задачи чисто воспитательные, педагогические меры и действия составляют хотя и важную, но все-таки часть процесса. *Формирование нового человека есть результат всего общественно-исторического развития*; на него воздействует вся совокупность общественных отношений нового общества, в рамках которых протекает его деятельность. Кроме того, развитие человека — это развитие культуры. В ходе коммунистического строительства создается и коммунистическая культура — культура всесторонне развитой личности, культура, способная формировать такую личность. Овладение ею развивает потребности человека, и прежде всего потребности в более возвышенной, по выражению Маркса, деятельности — в творческой деятельности в различных областях общественной жизни.

Формирование социалистического образа жизни органически увязывается, таким образом, с воспитанием нового человека, заинтересованного в присвоении всего богатства предметного мира и способного присваивать это богатство в интересах своего всестороннего развития.

Характерное для социализма повышение роли субъективного фактора в развитии общества находит свое выражение и в возрастающей роли субъекта в формировании образа жизни. Человек все больше начинает накладывать на образ жизни печать своей индивидуальности. И диалектика состоит в том, что индивидуализация образа жизни здесь не есть его, так сказать, «мельчание», увеличение элемента случайности в его формировании. Напротив, по мере развития коммунистической формации общественные отношения начинают все более адекватно выражать родовую сущность человека и образ жизни каждого индивида становится своеобразным воплощением и реализацией сущности человека как деятельного, активного, творческого существа.

Итак, *образ жизни — категория, характеризующая способ существования человека*. В нем как в индивидуальном проявляются не только общие и особенные условия данного общества, но и исторически определенная сущность человека.

Коммунизм — это общество, обеспечивающее подлинно человеческий образ жизни для всех своих членов, образ жизни, соответствующий родовой сущности человека.

При социализме происходит сложный процесс развития и совершенствования социалистического образа жизни. Этот процесс состоит не только в том, что из жизни социалистического общества постепенно устраняются пережитки старого, что социалистический образ жизни становится реальным образом жизни все возрастающей массы членов общества, но и в постепенном развитии и включении в него элементов коммунистического образа жизни.

Раздел второй

МНОГООБРАЗИЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

В предыдущем изложении мы рассмотрели различные аспекты анализа истории, акцентируя внимание на ее единстве и целостности. Теперь перед нами стоит новая задача. Единство истории есть общее, которое не существует вне особенного и индивидуального. Реальная история многообразна. Исторический материализм не может поэтому ограничиться лишь анализом общих законов, выражающих единство исторического процесса, его общую направленность, выявляющих его внутреннюю логику. Чтобы служить познанию конкретной истории, теория должна, во-первых, объяснить ее многообразие и, во-вторых, раскрыть диалектику единства и многообразия исторического процесса. Подчеркнем, что речь идет именно о *методологических принципах исследования*. Исторический материализм призван не заниматься описанием конкретной истории, а служить методологией ее научного познания — познания истории во всем ее конкретном многообразии.

Факторов, определяющих и характеризующих многообразие истории, бесконечное множество. Но если выделять исходные и самые основные, то к их числу следует отнести: разнообразие природных условий — то, что еще Гегель называл «географической подкладкой» всемирной истории; разнообразие социальной среды, то есть исторических условий формирования и развития конкретных обществ; своеобразие самого субъекта истории — человека, уровень его развития, выражающийся в культуре, понимаемой как мера овладения человеком наличными условиями его жизни и деятельности.

Разумеется, эти факторы нельзя брать изолированно, вне их взаимодействия, вне их исторической связи. Этим и объясняется логика изложения материала в данном разделе: авторы сосредотачивают внимание на взаимоотношении общества и природы, с одной стороны, общества и культуры — с другой, а завершают раздел анализом диалектики единства и многообразия исторического процесса.

ГЛАВА I

ОБЩЕСТВО И ПРИРОДА

Взаимоотношение общества с природными — географическими и демографическими — предпосылками и условиями его существования и развития всегда было одной из неотъемлемых проблем теории исторического материализма. В позитивном плане он разрабатывал методологические принципы исследования этого взаимоотношения, в критическом — принципы анализа различного рода концепций, игравших прогрессивную или реакционную роль в трактовке этой проблемы.

Разработка вопроса о взаимоотношении общества и природы в историческом материализме сводилась по существу к четырем основным положениям:

1) географическая среда и народонаселение всегда были и будут необходимыми естественно-материальными условиями жизни общества;

2) эти условия оказывают влияние на ход истории — на темпы развития, на разделение труда и его производительную силу и т. д., причем характер этого влияния сам зависит от уровня общественного развития;

3) общество в свою очередь оказывает обратное воздействие на природу, преобразует ее, и это воздействие может иметь как положительные, так и отрицательные результаты;

4) географические и демографические условия не определяют развитие общества.

Что касается критики, то она была направлена преимущественно против преувеличения значения географической среды или роста народонаселения в развитии общества и на определение реальной — прогрессивной или реакционной — роли той или иной теории в конкретных исторических условиях.

Научно-техническая революция поставила человечество перед новыми проблемами, с которыми оно практически раньше никогда не сталкивалось, а это потребовало и новых теоретических решений, ибо прежние решения вопросов взаимоотношения природы и общества при всей своей принципиальной значимости в новых условиях оказываются явно недостаточными.

Выявились *три главные проблемы*, относящиеся к сфере взаимодействия общества с естественными предпосылками его существования:

перспектива истощения в недалеком будущем невозобновляемых природных ресурсов — энергетических (уголь, нефть, газ) и сырьевых (цветные металлы, некоторые виды минерального сырья и т. д.);

загрязнение природной среды в таких масштабах, когда природа сама уже не в состоянии восстановить биологическое равновесие;

резкое увеличение населения Земли, приобретающее характер «демографического взрыва».

Конечно, в раньше люди сталкивались с подобного рода явлениями — истощением того или иного месторождения полезных ископаемых, загрязнением воды или воздуха промышленными предприятиями, быстрым ростом населения отдельных стран. Но все эти явления носили локальный характер. Новое состоит в том, что ныне они носят *глобальный характер*, глобальный в двух отношениях: и в том, что они приобрели планетарные масштабы, и в том, что разрешить эти проблемы невозможно средствами одной страны или группы стран, а лишь объединенными усилиями всего человечества на базе применения науки и сознательного регулирования обмена веществ между обществом и природой.

Существенно важны также более тесная связь и переплетение экологических и демографических проблем. Если раньше для сравнительно небольшого населения Земли природная среда и естественные ресурсы были практически безграничны, а возможности воздействия человека на природу — весьма ограниченны, то в настоящее время обстановка принципиально изменилась. Быстрый рост населения при современном уровне производства становится существенным фактором как загрязнения среды, так и истощения природных ресурсов. Наконец, характерной чертой современных экологических и демографических процессов является то, что их динамика, как это установлено исследователями, подчиняется закону экспоненциального роста, что «может в самом недалеком будущем привести к глобальному кризису, который по своей внезапности будет иметь характер взрыва»¹.

Вместе с тем стоит подчеркнуть, что с ростом опасностей, вызываемых угрозой экологического кризиса и демографическими процессами, растут и возможности предотвращения их, открываемые научно-технической революцией, ее достижениями и успехами. Но реализовать эти возможности можно лишь в соответствующих социальных условиях, ибо здесь требуются и огромные

¹ Человек и среда его обитания («Круглый стол»).— Вопросы философии, 1973, № 2, с. 38.

материальные затраты, и готовность пойти на них, и объединенные целенаправленные усилия народов и государств.

Таким образом, экологические и демографические проблемы выдвигаются в число важнейших глобальных социальных проблем современности. Будучи по природе своей комплексными, эти проблемы — благодатная почва для интеграции различных отраслей знания, для объединения ученых самых разных специальностей, для возникновения новых комплексных наук, например таких, как глобальная экология и т. д. Эти новые и сложные интегративные процессы в научном познании вызывают потребность в дальнейшем совершенствовании и разработке методологии на различных уровнях, в том числе на уровне общесоциологическом, на уровне исторического материализма. Кроме того, перед историческим материализмом стоит задача — под своим углом зрения теоретически осмыслить и обобщить новые явления и процессы, чтобы включить результаты этого обобщения в общую теорию исторического процесса. Эта сторона дела и будет нас интересовать в последующем изложении.

1. Исторические этапы взаимодействия общества и природы

Главный вывод, который следует из современной экологической и демографической ситуации для материалистического понимания истории, думается, таков: необходимо более последовательно, обстоятельно проводить принцип историзма в анализе взаимоотношения общества и природы. Нельзя сказать, что раньше этим принципом пренебрегали. Исследователи опирались в своей деятельности на вытекающие из этого принципа основные установки, что характер взаимоотношения общества и природы зависит от уровня общественного развития, и прежде всего производительных сил и производственных отношений, что отношение человека к природе на ранних этапах, когда он пользовался каменными орудиями, и в наше время, когда общество имеет в своем распоряжении материально-техническую базу современной индустрии, различно, что это отношение зависит от общественной формы производства и т. д.

Но существенным недостатком в осуществлении исторического подхода было то, что подчеркивалось лишь возрастание могущества человека, усиление его господства над природой, отрицательные же воздействия на природу связывались лишь с наличием социальных антагонизмов. Действительно, антагонистическое общество порождает хищническое отношение к природе, но нельзя не учитывать и недостатков самой современной технологии. Автомобили — великолепное средство передвижения, но, когда их

число в городах достигает миллионов, они начинают ощутимо отравлять воздух. Кроме того, не исследовались в деталях этапы взаимоотношения общества и природы, что не давало возможности исторически подойти к определению специфики современного этапа и осмыслению тех тенденций, которые порождает научно-техническая революция в сфере взаимодействия общества и природы. Не учитывались или, во всяком случае, оставались в тени многие глубокие мысли и высказывания классиков марксизма-ленинизма, значение которых в полной мере можно оценить, только имея перед глазами современную экологическую и демографическую ситуацию. Осознание отмеченных недостатков должно, как нам представляется, стимулировать разработку теоретико-методологических проблем, которые выдвигаются как самими изменениями в сфере взаимоотношения общества с природными условиями его существования, так и процессом познания этих изменений.

Мы затронем здесь лишь один вопрос, связанный с разработкой принципов исторического подхода к анализу взаимодействия общества и природы, — вопрос *об этапах их взаимоотношения, о специфике каждого из этапов, особенно современного этапа и заложенных в нем тенденций дальнейшего развития.*

Окидывая общим взглядом историю человечества, можно выделить несколько своеобразных этапов взаимоотношения общества и природы, каждый из которых имеет свою *качественную специфику* как особый *тип* этого взаимоотношения, опосредствованный социальными условиями. Поскольку же отношение человека к природе строится прежде всего на основе производства (производительных сил, орудий и средств труда), то переход от одного этапа к другому вызывается (определяется) революционными переворотами в производительных силах общества.

В истории человечества, как известно, имели место *три таких переворота*: неолитическая революция, связанная с возникновением земледелия и переходом от присваивающей экономики к производящей; промышленная революция, то есть переход от ремесленных орудий труда к машине, создание промышленности; научно-техническая революция, которая началась в середине XX столетия, продолжается на наших глазах и в перспективе должна привести к созданию качественно новой материально-технической базы, опирающейся на полностью автоматизированное производство. Соответственно этим «узловым точкам» в развитии производительных сил и определяются основные этапы взаимодействия человеческого общества и природы и выявляется общая линия его диалектического развития.

Первый этап взаимодействия общества и природы охватывает период от возникновения вида *Homo sapiens* до появления земле-

делия и скотоводства. Это — период, когда человек жил охотой, рыболовством и собирательством; Ф. Энгельс назвал его периодом присваивающей экономики. Человек производил примитивные орудия труда, а средства к существованию добывал с помощью орудий готовыми, из природы. Естественно, что он целиком и полностью зависел от наличия средств существования. Человек в этот период находился *в единстве с природой*, не выделялся из нее и не оказывал на нее сколько-нибудь заметного влияния. Его социальность (то есть устройство коллектива, разделение и организация труда и быта, обычаи и т. д.) только зарождалась и была подчинена задаче обеспечить выживание человека как биологического вида. Человек, по существу, еще не начинал преобразовывать природу, он воздействовал на нее лишь фактом своего существования. *Естественная (экологическая и демографическая) детерминация нарождающейся социальной жизни — существенный момент данного типа взаимодействия человека и природы.* Дифференцированность природных условий была тем фактором, который оказывал заметное влияние на судьбы различных человеческих коллективов — направленность их деятельности, темпы развития и т. д. Этот тип взаимодействия человека и природы связан с постоянной миграцией населения, которая вызывалась разными причинами — ухудшением природных условий, исчерпанием возможности добывать пищу и т. д. Малое количество населения и обширные территории являлись естественными предпосылками кочевого образа жизни.

Второй этап и качественно новый тип взаимодействия природы и человека образует период, когда господствующим и решающим видом производства было земледелие (в некоторых местах — скотоводство), а все остальные виды производства, если они существовали, были ему подчинены. Этот этап начинается с момента возникновения земледелия и скотоводства, то есть перехода от присваивающей экономики к производящей. Совпадая, согласно классификации Ф. Энгельса, с переходом от дикости к варварству, он оформляется на средней ступени варварства, а значит, еще в рамках первобытной формации, и охватывает период докапиталистических антагонистических формаций.

Появление земледелия коренным образом меняет характер отношения общества и природы. Человек начинает *активно преобразовывать природу*, производя не только средства труда, но и средства существования, переходит к оседлому образу жизни. Люди осваивают новые территории, строят ирригационные сооружения, вырубая под пашни леса и т. д. Возникает различие естественной, девственной и окультуренной природной среды.

Но в силу самой специфики сельскохозяйственного труда человек еще внутренне, *органически связан с природой, подчинен*

ей. Производство почти целиком зависит от погодных условий, климата, смены времен года, плодородия почвы и других естественных факторов. Орудия труда земледельца — прежде всего орудия обработки земли, а земля — главное и решающее условие, предмет и средство труда. Влияние таких видов деятельности, как ремесло, добыча полезных ископаемых, строительное дело, на окружающую природу было незначительно по сравнению с окультуриванием земель под пашни и использованием домашних животных. Вплоть до позднего феодализма главное свое воздействие на окружающую среду человек оказывал через различные виды сельскохозяйственного производства.

Воздействие человека на среду уже в этот период приобретало иногда разрушительный характер. Разрушая естественные природные комплексы, он подчас оставлял за собой пустыню. Но разрушительные последствия человеческой деятельности носили тогда еще ограниченный, локальный, характер и, как правило, не имели необратимого характера.

Влияние естественных условий на общественную жизнь постепенно уменьшалось, хотя зависимость человека от них оставалась еще весьма значительной, что определялось самой спецификой производства. Начавшийся с возникновением производящей экономики процесс отделения человека от природы был необходимым аспектом самой преобразовательной деятельности. Общественное разделение труда, появление эксплуатации и социальных антагонизмов внесли в нее антагонистический элемент. На завершающих стадиях описываемого этапа *процесс отделения человека от природы принял форму противопоставления человека природе.*

Сложилась любопытная ситуация. В своей основной производственной деятельности человек целиком зависел от стихии природы, что отражалось в характере культуры, структуре деятельности, образе жизни трудящихся масс. Вместе с тем под воздействием социальных отношений развивалось противопоставление человека природе.

Эти противоречивые процессы отражались и своеобразно преломлялись в общественном сознании. Человек первоначально осознавал свою реальную зависимость от природы в религиозной форме, где естественные силы принимали форму сверхъестественных. Но в мифологии и ранних формах религии ими населялась сама природа: боги были еще природными существами. В дальнейшем природа в сознании человека стала превращаться в чуждую и враждебную ему силу, в нечто мрачное, низменное, таинственное. И это касалось как окружающей природы, так и природы самого человека. Все его помыслы устремляются к неведьмому, к духовному, к богу, который уже не принадлежит при-

роде, а находится вне ее. Такой взгляд на отношение человека и природы нашел свое воплощение и завершение в средневековом христианстве. Правда, видимо, нельзя считать, что он был обязательной принадлежностью всех средневековых культур. Во всяком случае, в индийских религиях, в том числе в буддизме, такое резкое противопоставление человека природе отсутствует.

«Христианский взгляд» на отношение человека и природы вел к следующему практическому выводу: чтобы что-то получить от природы, надо не взывать к ней самой, а молить силы, господствующие над природой и находящиеся вне ее, ибо именно они способны заставить природу делать то, что нужно человеку. Последний же чувствует свою приобщенность к божественному и вместе с божественным началом противостоит природе. Бог — союзник человека против природы. Что же касается плотского начала самого человека, то лучшее, что он может сделать, — это подчинить движения и стремления своей плоти богоданным правилам и нормам. Но «слаб человек» и поэтому должен безропотно нести свой крест. Так христианство *формировало безжалостное отношение к природе, оправдывало и освящало противопоставление человека природе и одновременно выполняло социальную функцию — примиряло угнетенных со своим рабским положением.*

Мы коснулись лишь одного фрагмента средневекового сознания. Но и он убедительно иллюстрирует мысль, что нельзя рассматривать общественное сознание только как отражение общественных отношений, ибо во многих случаях анализ отношения общества к природе позволяет выявить факторы, детерминирующие специфику его различных форм, и разобраться в его причудливых изгибах.

Сознание эпохи Возрождения можно понять именно как конфронтацию со средневековым мировоззрением и выработанным на его основе восприятием природы в ее отношении к человеку. Существенным принципом Возрождения была попытка *снять в сознании противопоставление человека и природы.* Этот принцип имел самые различные проявления. Пантеизм восстанавливал дохристианское единство божественного и природного начал, сливая бога с природой. Рабле и Боккаччо ниспровергали средневековый аскетизм и реабилитировали плотское начало человека, одновременно разоблачая лицемерие и ханжество церкви и ее служителей. Художники Возрождения возвеличивали красоту человеческого тела, утверждали гармоническое единство тела и духа.

Огромное значение этот переворот в сознании имел для зарождения науки нового времени. Средневековое низведение природы до положения низменного начала, конечно, не способствовало развитию опытного знания. Но если природа становится чем-то значимым для человека, если она не низменна, а величественна,

если, познавая природу, человек может извлечь для себя пользу, то к познанию надо всемерно стремиться. И наука сразу сделала для себя необходимые выводы: не в священных книгах, а в самой природе надо искать истину; человек должен подчиняться не авторитету древних, а авторитету опыта и разума; не молитва, а знание дает силу человеку.

И, наконец, из нового взгляда на природу был сделан вывод о естественных и потому неотъемлемых правах человека, вывод, который имел революционное значение в борьбе с феодальным строем.

Однако представление о единстве человека и природы скоро вступило в противоречие с развитием производительных сил капиталистической формации, на базе которого начал формироваться принцип господства человека над природой. Но это уже связано с переходом на новый этап взаимодействия общества и природы.

Промышленная революция XVIII в. в Англии — начало нового, третьего этапа во взаимоотношении общества и, соответственно, человека с природой. Именно в результате промышленной революции «буржуазия, — как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», — менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые»¹. Машинное производство позволило буржуазии подчинить сельское хозяйство промышленности, деревню — городу, заменить консервативную техническую базу революционной и в небывалой степени развить производительную силу труда. Но этот колоссальный переворот в производстве, который заложил принципиально новые материально-технические основы для развития человеческой цивилизации, происходил в капиталистической форме — в форме эксплуатации капиталом наемного труда, в форме погони за прибавочной стоимостью, конкурентной борьбы, колониальных захватов, втягивания всех стран в мировой капиталистический рынок и т. д.

Поэтому процесс взаимодействия общества с природой здесь с самого начала принял глубоко противоречивый, антагонистический характер. С одной стороны, на несколько порядков возросли возможности преобразовательной деятельности общественного человека. Технический прогресс все более увеличивал его могущество, силу его воздействия на природу. Все это порождало справедливое убеждение в неограниченных возможностях разума и труда в деле преобразования природы и ее использования в интересах человека. Люди стали горделиво утверждать, что они господствуют над

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 429.

природой и что по мере развития науки и техники это господство будет все более возрастать. Но за успехами терялась другая, отрицательная сторона используемой технологии. Дело в том, что технология машинного производства весьма расточительна и вредна для окружающей среды. Чрезвычайно низкий коэффициент полезного действия энергетических машин, при котором 80—90% энергии рассеивается в пространстве; нерациональное использование сырья, когда значительная его часть уходит в отходы; создание множества вредных для биосферы веществ и как следствие всего этого загрязнение среды — таковы наиболее очевидные результаты машинного производства.

Однако, повторяем, до поры до времени, пока промышленное производство в масштабах планеты использовало сравнительно незначительные количества вещества и энергии, отрицательные стороны технологии производства рассматривались как необходимость, с которой следует мириться; выигрыш был несопоставим с отрицательными последствиями, тем более что значительную часть отходов производства природа естественным образом перерабатывала и нарушения нормального протекания процессов в биосфере были не очень заметны, носили сугубо локальный характер.

Мы пока отвлекались от социального фактора. Однако известно, что отношение к природе определяется не только характером используемой технологии производства, но и его социально-экономической формой. Капитализм подходит к природе только как к предмету, который может быть использован для получения прибыли, то есть он включает природу в создаваемую им «систему всеобщей полезности». Природа для капитализма — источник ресурсов, сырья, бездонный резервуар, куда можно сбрасывать все отходы жизнедеятельности общества. Техника и технология оцениваются только с точки зрения их экономической эффективности, производительности и т. п. критериев. Поскольку основным импульсом деятельности для капиталиста является стремление к прибыли, постольку интересы человека и природы оказываются за пределами его собственных интересов. Природа должна служить человеку (быть источником нужных для производства материалов), человек может «подчинять» себе природу, заставлять ее служить себе как источник прибыли — такова установка, которую вырабатывает капитализм в отношении природы, установка, детерминированная самим характером капиталистического способа производства. Эта установка проникла в общественное сознание. По видимости она возвышала человека над природой, по существу же ориентировала на безоглядное и бездумное использование природы, на отношение к ней только как к объекту эксплуатации.

На практике такая установка вела к хищническому отношению к природе и ее богатствам, тем более опасному, что оно опиралось

на возрастающее техническое могущество человека. Уже в XIX в. были истреблены полностью или подведены к грани вымирания многие виды животных и птиц. На огромных территориях были вырублены леса, что приводило к изменениям климата, обмелению рек, эрозии почвы и т. п. Началось загрязнение водоемов. Например, Ф. Энгельс отмечал, что река Вупперталь в Германии превратилась в сточную канаву. Хищнически эксплуатировались месторождения полезных ископаемых: вырабатывались наиболее богатые залежи, а потом забрасывались.

Таким образом, еще в период восходящего развития капитализма начали проявляться негативные результаты его хозяйничанья на планете. Одновременно и с еще большей силой обнажилось хищническое отношение капитализма к человеку. Становление капитализма стимулировало развитие работорговли и усиление крепостничества на его периферии; безжалостную эксплуатацию женского и детского труда, увеличение рабочего времени до физически возможных пределов, изнуряющую человека интенсификацию труда. Капитализм породил и специфический закон народонаселения — наличие постоянной армии безработных. Ожесточенная конкуренция заставляет капиталистов вводить все новую технику, повышать органический состав капитала, то есть затрачивать в процессе расширенного воспроизводства все большую часть полученной прибыли на постоянный капитал, сокращая относительные затраты на рабочую силу. Так и получается, что рабочий сам создает средства, выталкивающие его в разряд относительно избыточного населения.

В противовес теоретическим установкам и практике капитализма марксизм обосновал *возможность гармоничного отношения и единства человека и природы*, которое должно основываться не на примитивном включении человека в природу, а на развитии практической преобразовательной деятельности самого человека. В «Капитале» К. Маркс указывал, что в коммунистическом обществе создаются необходимые условия, при которых «коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей»¹. Только рационально организованное общество, подчиняющее развитие производительных сил единому общему плану, сможет «устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы»². Тем самым марксизм выработал принципиально новую точку зрения, новый

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 387.

² Там же, т. 20, с. 308.

подход к проблеме взаимоотношения общества и природы, подход, все значение которого можно в полной мере оценить лишь в настоящее время, в свете современных экологических и демографических коллизий и проблем.

Количественное нарастание порожденных капитализмом тенденций во взаимоотношении общества и природы привело в середине XX в. в условиях начавшейся научно-технической революции к качественному изменению. Общий кризис капитализма выражается в возникновении кризисной ситуации и в этой сфере — в энергетическом, сырьевом кризисах, в нехватке пресной воды и угрожающей загрязненности гидро- и атмосферы. Все эти процессы, как мы уже говорили, приобрели глобальный характер и получили общее название экологического кризиса. Таковы итоги хозяйничанья капитализма на планете. Следовательно, не только противоречия внутри капиталистического способа производства, но и противоречия капиталистического общества с природными условиями существования человечества свидетельствуют об устарелости этой социально-экономической системы, о назревшей необходимости ее замены более совершенным и отвечающим современным потребностям общественным строем — социализмом.

Это, конечно, не значит, что капитализм не пытается найти выхода из создавшейся ситуации. В настоящее время буржуазные ученые ищут способы разрешения или по крайней мере смягчения последствий экологического кризиса. Поток работ, содержащих подсчеты, прогнозы, предупреждения, все нарастает. Мировой резонанс приобрели, в частности, результаты исследований, возглавлявшихся Дж. У. Форестером и супругами Д. Х. и Д. Л. Медоуз, а также публикации так называемого «Римского клуба».

Качественные изменения в отношении общества к природе, которые обнаружили в последнее время, и те новые глобальные проблемы, которые возникли перед человечеством, существенно изменили ситуацию в идейной сфере. Несколько иным стал сам характер отражения этих проблем в буржуазной науке, что, конечно, нельзя не учитывать в идеологической борьбе.

В спектре мнений, получивших распространение в буржуазной литературе, наибольший интерес представляют две противоположные по своей тональности точки зрения: первая сводится к тому, что капиталистические организации обладают достаточными внутренними потенциями, чтобы решить проблемы охраны среды с помощью государственного регулирования, соответствующей политики цен, налогов и т. д.; вторая же с той или иной мерой последовательности и ясности дает понимание того, что решение экологических и демографических проблем в глобальном масштабе возможно только на основе планомерной организации социальной жизни. Конечно, почти во всех случаях высказывания привержен-

цев второй точки зрения не носят прямого антикапиталистического смысла, но их объективное содержание и направленность именно таковы.

Принятое в философской литературе деление различного рода футурологических учений и взглядов на перспективы развития общества, распространенных в капиталистических странах, на пессимистические и оптимистические не дает четкой характеристики их социальной сути. Так, пессимистические теории могут выражать и критическую и апологетическую по отношению к капитализму позицию, равно как оптимистические — веру в способность капитализма решить эти проблемы или же, наоборот, надежду на то, что сама острота глобальных проблем заставит людей задуматься над действительными путями и средствами их решения. Правильная оценка современных буржуазных теорий и учений требует, таким образом, содержательного анализа реальных коллизий современной действительности и позиции того или иного ученого, отражающего эти коллизии. Дифференцированный подход к буржуазным теориям особенно важен для того, чтобы поддерживать позицию реалистически мыслящих, хотя и весьма далеких от марксизма, западных ученых (таких, скажем, как М. Месарович, Е. Пестель, А. Печчеи, А. Кинг), выступающих за разрешение возникающих перед человечеством проблем в рамках сотрудничества различных систем, совместного поиска путей, отвечающих интересам человечества.

Буржуазная наука ныне пытается придать своим концепциям практическую направленность: строятся глобальные модели взаимодействия человека, производства и природы, рассчитываются с помощью современной вычислительной техники действующие факторы и вырабатываются соответствующие практические рекомендации. Оценка значения, обоснованности, реалистичности подобных рекомендаций, вычленение в них рационального зерна становится существенным компонентом критического анализа этих концепций с позиций марксизма. И все же главным остаются идеологические аспекты такого анализа, поскольку разработка глобальных моделей органически связана с необходимостью четкого определения тех философских и социологических принципов, которые закладываются в их основание. Недооценка или пренебрежительное отношение к философско-социологическим и методологическим основаниям глобальных моделей, как показывает опыт их разработки на Западе, не может не сказаться на их качестве. Во всех этих случаях встают уже не только чисто практические, но и существенные для решения практических задач философские, методологические и идеологические проблемы.

Поэтому анализ предполагает раскрытие несостоятельности капитализма в решении глобальных проблем, его неспособности

справиться с возникшими трудностями и обоснование того, что в современных условиях единственно возможной социальной базой для решения глобальных проблем является социализм, международное сотрудничество в обстановке разрядки международной напряженности.

Научно-техническая революция — грандиозный переворот в производительных силах современного общества. Она знаменует начало нового этапа во взаимодействии общества и природы. Началом, как мы видели, весьма драматическое. Техника, порождаемая научно-технической революцией, казалось бы, лишь усиливает тенденции в отношении общества к природе, которые возникли на стадии индустриального развития. Действительно, среда ныне загрязняется отходами не только промышленного производства, но и радиоактивными веществами. В небывалых масштабах производятся гербициды, пестициды, которые не растворяются, а мигрируют по всему миру, отравляя среду. Начинают производиться различные искусственные материалы, которые сама природа переработать не может. Колоссально вырастает объем производства, а следовательно, использование природных ресурсов. Короче говоря, именно техника, порожденная новой революцией в производительных силах, явилась той «добавкой», которая «переполнила чашу» и вызвала кризисную ситуацию во взаимоотношении природы и общества.

Эта кризисная ситуация свидетельствует о том, что полностью исчерпал себя старый тип отношения природы и общества, что человечество созрело для перехода на новый этап взаимодействия с природой. Суть нового этапа состоит в *практическом преодолении отрыва человека от природы и противопоставления общества природе, в утверждении их единства на основе формирования новой системы, включающей в себя и производство и природные процессы, и жизнедеятельность человека и условия этой жизнедеятельности.*

Основоположники марксизма-ленинизма предвидели наступление такого этапа, утверждение нового типа взаимодействия природы и общества. Его особенности сводятся к следующему:

1. *Научное предвидение не только ближайших, но и отдаленных последствий действий человека.* Применительно к взаимодействию с природой это означает, что общество обязано предвидеть последствия тех изменений, которые оно своими действиями вызывает в природе. Например, вводя новую технику, следует учитывать не только ее экономическую эффективность, но и экологические параметры. Строительство предприятий, энергосистем, орошение, мелиорация, генная инженерия и многое другое должно оцениваться комплексно и по своим отдаленным последствиям, чтобы не нанести непоправимого ущерба окружающей природе и

самому человеку. Это обстоятельство служит основанием для развития интеграционных процессов в науке, ибо оценка экологических параметров любых человеческих действий не может не носить комплексного характера.

2. *Сознательное регулирование обмена веществ между обществом и природой.* Научное предвидение последствий человеческих действий для самой природы и есть необходимая предпосылка такого регулирования и контроля. Но одного знания недостаточно — необходимы практические действия и соответствующая система организации общества.

3. Утверждение нового типа взаимодействия с природой *связано с переходом к коммунистической формации и представляет собой необходимый аспект этого перехода.*

Скачок из царства необходимости в царство свободы означает не только утверждение контроля людей над своими собственными общественными отношениями, но и *сознательное регулирование отношений общества и природы.* Более того — это два аспекта одного и того же процесса становления нового типа общественного прогресса, сознательного творчества истории. Невозможно регулировать отношения между людьми, не регулируя соответственно их отношения с природой. И, напротив, нельзя регулировать и контролировать обмен веществ с природой, если общество развивается стихийно, если оно раздирается внутренними антагонизмами. Поэтому тезис о необходимости перехода к новому типу взаимодействия с природой является составной частью марксистской концепции перехода от капитализма к коммунизму.

Новую теоретическую установку по отношению к природе марксизм выработал задолго до возможности ее практической реализации. Эта установка внутренне присуща природе социализма, но реализация ее в конкретных условиях строительства нового общества оказалась делом весьма сложным.

Советская страна, первой начавшая прокладывать дорогу к социализму, в экономическом отношении сильно отставала от развитых капиталистических стран. К тому же она была разорена империалистической и гражданской войнами, экономической и военной блокадой капитализма, неурожаями и другими внутренними бедствиями. Вырваться из отсталости, преодолевая сопротивление враждебного капиталистического окружения, можно было только при ориентации на невиданные темпы развития экономики, на мощное и ускоренное развитие в первую очередь тяжелой промышленности — необходимой основы индустриализации и технического прогресса. В этих условиях проблемы охраны природы отошли, естественно, на второй план.

Кроме того, состояние науки, в частности неразработанность ряда экологических проблем, создавало возможность для субъек-

тивистских ошибок в деле установления гармоничных отношений между развивающейся промышленностью и средой обитания.

В силу этих обстоятельств экологические проблемы возникли и в СССР. Но, как показывает практика, они не столь остры, как при капитализме, и объясняются совсем другими причинами. Коллизии между интересами толстосумов и жизнью настоящих и будущих поколений здесь нет и быть не может.

Когда социализм в нашей стране укрепился, и особенно когда он достиг стадии зрелости, проблема упорядочения отношений между обществом и природой стала одним из важных направлений государственной политики и общественной деятельности. Только в десятой пятилетке государственные ассигнования на мероприятия по охране окружающей среды составили громадную сумму в 11 млрд. рублей. Дело, однако, не только в количестве отпускаемых средств, но и в их направленности. Истинная природа социализма проявляется в том, что он не ограничивается обеспечением потребностей сегодняшнего дня, а заботится об осуществлении перспективных социальных целей, о благе не только живущих, но и будущих поколений.

Предвидения основоположников марксизма-ленинизма об установлении гармоничных отношений человека и природы в полной мере наполняются реальным и конкретным содержанием в условиях соединения научно-технической революции с социализмом. Впервые в истории люди, объединенные в общество, могут опереться в процессе своего обмена веществ с природой на соединенную мощь трех социальных факторов:

на *социалистическую собственность* — объективную основу гармоничных отношений между людьми;

на бурно развивающуюся *науку*, служащую интересам всех трудящихся;

на мощную и все усиливающуюся *материально-техническую базу, обеспечивающую в принципе бесконечный рост могущества человека.*

Практика социалистического строительства, реализующая предвидения установления гармоничных отношений с природой, имеет поэтому всемирно-историческое значение.

Что же дает соединение преимуществ социализма с достижениями научно-технической революции для решения современных экологических проблем?

Возникая из недр капитализма, социалистическое общество первоначально базируется на технике, созданной капитализмом, со всеми ее достоинствами и недостатками. Химический завод загрязняет воду и воздух и при капитализме и при социализме. Построенная на реке плотина воздействует на водный режим, на

воспроизводство рыбных запасов независимо от социальных условий. Используемые в сельском хозяйстве ядохимикаты имеют одинаковые и положительные и отрицательные результаты всюду, где бы они ни применялись. Короче говоря, технология действует в соответствии с заложенными в ней естественными закономерностями.

Техника и технология, порождаемые научно-технической революцией, первоначально, казалось бы, продолжают тенденции, характерные для предшествующего этапа развития производительных сил, лишь многократно их усиливая. Электростанция, работающая на угле, выбрасывает в атмосферу огромное количество дыма и пыли. Атомная электростанция дает уже гораздо более опасные радиоактивные отходы. Химия полимеров создает вещества, которые природа сама растворить не может, то есть не может без помощи человека справиться с вызываемым ими загрязнением. Применительно к сельскому хозяйству с научно-технической революцией связано производство в огромных масштабах искусственных удобрений и ядохимикатов, внесение которых вызывает ряд вредных последствий не только для природы, но и для человека.

Буржуазное сознание, опираясь на эти факты и абсолютизируя их, впадает в пессимизм, порождает настроения безысходности. Но, предупреждая человечество о нависших угрозах и даже поднимая тревогу по поводу вредных технологий и препаратов, опасных экспериментов в военной области (атомные испытания и т. д.), прогрессивные ученые всего мира в то же время полностью осознают, что современная техника заключает в себе принципиально новые возможности, что она не только может быть направлена на глобальное уничтожение жизни и условий для нее, но и открывает перспективу кардинального решения экологических проблем в интересах общества. Однако осуществить это на практике можно только в определенных социальных условиях. По мере своего роста именно социализм оказывается в состоянии создать такую производственную систему, которая способна материально-практически реализовать единство общества и природы.

Капитализм, как известно, тоже пытается решать экологические проблемы, опираясь на достижения современной науки и техники. Но, вызвав к жизни и колоссально развив производительные силы, он и сегодня продолжает подчинять их функционирование и развитие эгоистическому частнокапиталистическому интересу — стремлению к прибыли. Борьба за прибыль, жестокая конкуренция с необходимостью порождают ограниченно-потребительское отношение к природе, нежелание считаться с интересами всего общества и самой природы. И дело тут не в злой воле отдельных индивидов, а в самой природе частнобуржуазного

общества, в котором нет и не может быть единства общего и частного интереса.

Преимущество социализма в этой области человеческой жизнедеятельности состоит в том, что он ликвидирует антагонизм между частным интересом, определяющим при капитализме развитие производства, использование достижений научно-технической революции, и общественным интересом, общечеловеческой необходимостью сохранять среду обитания людей. В результате социализм создает принципиально новую основу для развития науки, для разработки технических средств и такого использования их в производстве, которое соответствует потребностям утверждения единства общества и природы, сознательного регулирования обмена веществ между ними.

Значение науки в этих социальных условиях возрастает, ибо только она может разработать прогнозы ближайших и более отдаленных последствий человеческих действий и соответственно обосновать установление запрета на некомпетентное вмешательство в природные процессы, а также найти и наметить пути создания техники, отвечающей не только требованиям экономической эффективности, но и экологическим параметрам и индикаторам.

Вопросы взаимодействия общества и природы носят *комплексный характер*, и в их решении должны участвовать естественные, технические и общественные науки. И здесь преимущества на стороне социализма, ибо общественная социалистическая собственность и преодоление частных интересов создают благоприятные условия для *интеграции наук и комплексного использования результатов их исследований в самых широких масштабах*.

Проблема эта весьма сложна и многообразна, и здесь, видимо, возможны самые различные конкретные решения. Но уже в настоящее время ученые, определяя перспективы развития техники, отвечающей экологическим целям, намечают два эффективных пути борьбы с загрязнением среды: создание безотходного производства, а в тех отраслях, где это невозможно, разработка локализованных технических систем, включающих биологические звенья, завершающие процесс утилизации отходов. Предлагаются и различные технические решения проблемы ресурсов, энергетических проблем, проблемы увеличения производства пищи и т. д. Не вдаваясь в подробности, мы обращаем внимание лишь на принципиальную сторону вопроса — на *возможность и необходимость в условиях социализма технического развития на качественно новом уровне, отвечающем принципам и нормам нового этапа взаимодействия природы и общества*. Речь идет о создании техники, которая, приспособлявая природу к нуждам и потребностям человека, в то же время сохраняет ее как естественную предпосылку челове-

ского существования. Считаться с этой стороной дела человечество заставляет сама история.

Если брать общетеоретический аспект данной проблемы, то существо здесь заключается в следующем. История общества есть продолжение истории природы. Возникновение общества означало появление новой, социальной формы движения материи. Эта высшая форма движения опирается на низшие формы и их закономерности, «подчиняет» их себе, включает в себя, но не сводится к ним. В то же время закономерности высшей формы не отменяют закономерностей низших форм. Более того, стабильность низших форм является условием существования высших. В той иерархии материальных систем и форм организации материи, благодаря которым возможно само существование человеческого общества, высшее включает в себя низшее. Но применительно к взаимоотношению природы и общества важное значение имеет факт *фундаментальности низшего для высшего*, в силу чего нельзя допускать необратимых процессов в биосфере, которые могли бы привести к деградации и дезорганизации естественных основ существования человека и общества.

К таким последствиям могут вести и углубление экологического кризиса и ядерная война. И то и другое исключают социалистические отношения. Поэтому переход к социализму становится все более настоятельной потребностью для общества. В условиях же сосуществования двух систем важнейшее значение приобретает борьба за предотвращение мировой войны, за разрядку международной напряженности, за разоружение и организацию международного сотрудничества в изучении и решении глобальных (экологических, демографических и др.) проблем, поскольку многие из них вообще не могут решаться в региональных рамках. Социализму здесь принадлежит историческая инициатива и в том смысле, что экологические проблемы в этой системе не достигли той степени остроты, как при капитализме, и в том, что он прилагает огромные усилия для охраны природной среды и рационального использования природных ресурсов, и, наконец, в том, что он выступает знаменосцем мира и прогресса на нашей планете.

Социализм берет на себя историческую миссию формирования нового типа взаимодействия общества с природой, преодоления их прежнего противопоставления друг другу и утверждения их единства. С общесоциологической точки зрения речь, по существу, идет о *новой системе регуляции, контроля и управления со стороны общества процессом его обмена веществ с природой*. Мы бы назвали это системой экологического управления.

Для регулирования общественных отношений при социализме формируется система социального управления — организационное выражение и средство сознательного творчества истории. Как до-

полнение этой системы или ее существенный компонент для регулирования отношений с природой, видимо, будет формироваться система экологического управления. Его особенность состоит в том, что оно функционирует в сфере взаимодействия социально-экономических, технологических и естественных (природных) процессов. Наличие такой сферы управления методологически можно обосновать с позиций системного подхода. Действительно, общество, как и естественные условия на Земле (географическая среда), является системой. Причем географическая среда включает в себя материальные результаты человеческой деятельности и самого человека. То, что иногда выделяют в качестве техносферы, в этом смысле есть часть географической среды. Встречающиеся среди географов возражения против такого подхода несостоятельны, так как речь идет не о чем ином, как лишь о рассмотрении материальной деятельности человека и ее результатов под углом зрения их последствий для окружающей среды. Настоятельная необходимость такой оценки человеческой деятельности и ее результатов ныне не вызывает никаких сомнений.

Думается, однако, что если ставится в качестве практической задача сознательного управления взаимодействием природы и общества, то необходимо выделение сферы их взаимодействия в качестве *особой системы*. Видимо, эта сфера и явится всесторонним и конкретным воплощением того, что в свое время В. И. Вернадский назвал ноосферой, где устанавливается в глобальных масштабах разумное гармоничное отношение между обществом и природой.

Подведем общий итог. Развитие отношений между обществом и природой имеет *диалектический характер*. На заре своего существования человек был почти слит с природой. Это было первоначальное и примитивное единство, когда человек материально полностью зависел от природы, а духовно не выделял себя из нее. Такова первая ступень.

Но это примитивное единство отрицается с возникновением скотоводства и земледелия — первых форм активного преобразования человеком природных условий его существования, с возникновением ремесла и т. д. Человек начинает все более выделяться из природы. Этот процесс с самого начала был внутренне противоречивым. С одной стороны, человек втягивает в свою хозяйственную деятельность все новые элементы и силы природы и тем самым устанавливает с ней все более многосторонние связи. С другой — он все более отдаляется от природы, замыкаясь в создаваемой им искусственной среде. Преобразуя природу, человек приспособлял ее к своим потребностям и считался при этом со своими интересами, а не с тем, какие последствия его действия имеют для самой природы.

С возникновением капиталистической промышленности, изменением технической базы сельскохозяйственного производства, развитием процессов урбанизации отделение человека от природы доходит до крайности, до прямого противопоставления, до резкой противоположности. Господство над природой оборачивается ее разрушением, вовлечение в хозяйственный оборот все большей массы вещества и видов энергии — расхищением ее богатств, отделение человека от природы — их отчуждением. Все эти противоречия концентрируются в тех экономических, экологических, демографических коллизиях и проблемах, которые властно ставят перед человечеством задачу ликвидации капитализма как предпосылки и условия кардинального решения этих проблем. Такова вторая ступень.

Задачей третьей ступени является преодоление отрыва общества от природы, восстановление их единства на основе достижений всего предшествующего развития. Соединение достижений научно-технической революции с социалистическими общественными отношениями создает необходимые условия и предпосылки для установления гармоничных отношений человека и природы на новой, социальной, технической и научной основе. Восстановление единства общества и природы означает здесь не господство человека над природой и не подчинение его природе, а *установление гармоничных отношений между обществом и природой, при котором сама природа становится моментом планомерного, рационально организованного процесса жизнедеятельности общества.*

2. Природные предпосылки многообразия истории

Проследивая исторические этапы взаимодействия общества и природы, мы учитывали преимущественно *временную* координату истории и брали общество в целом, в *масштабах формаций*. Но общество развернуто и в *пространстве*. Оно выступает как совокупность различных стран и народов, различных исторических общностей, каждая из которых имеет свои особенности и свою судьбу. Возникает вопрос: какова роль природных, естественных — географических и демографических — условий в становлении пространственного многообразия истории?

Природные условия, оказывая определенное влияние на общественную жизнь, на протекание социальных процессов, тем самым включаются в ход исторического развития в качестве действующих в обществе сил. Дифференцированность природных условий находит свое специфическое социальное отражение, выступая одним из источников *пространственного многообразия истории.*

Но общество никогда не было пассивным восприимчивым внешним воздействиям. Характер внешних влияний, их социальные по-

следствия зависят от уровня развития самой общественной жизни, и прежде всего от уровня развития производительных сил и производственных отношений. Внешние природные условия отражаются в процессах общественной жизни в основном не непосредственно, а как опосредствованные производством в его специфической общественной форме.

Поскольку общество взаимодействует с природой прежде всего через производство, от того, в каких естественных, природных условиях оно существует и функционирует, существенным образом зависят разделение труда и направленность трудовой деятельности человека, темпы развития производства и при прочих равных условиях производительная сила общественного труда. Поэтому дифференцированность природных условий является естественной предпосылкой и основой разнообразия видов труда, что определенным образом влияет на многообразие всей истории, на судьбы отдельных стран и народов.

Иногда эта связь обнаруживается, так сказать, в чистом виде. Классическим примером здесь может служить судьба народностей, проживающих в тропиках и на Крайнем Севере, остановившихся в своем развитии на ступени первобытности. К. Маркс в «Капитале» дал этому обстоятельству теоретическое объяснение, связав задержку их развития с природными условиями: слишком суровыми на Севере и слишком щедрыми в тропиках. Из-за суровости природных условий Крайнего Севера единственными видами производства, которые могли там существовать, были рыболовство, охота и оленеводство — виды производства, на основе которых невозможно интенсивное развитие производительных сил и соответственно социальных форм. Природные условия тропиков, напротив, обеспечивали человеку возможность поддержания его существования, не стимулируя активного развития производительной силы его труда. И в первом и во втором случае социальный результат был практически одним и тем же. Лишь в условиях социализма при помощи других народов СССР народности Крайнего Севера нашей страны вступили на путь социального прогресса и перешли к социалистическому образу жизни, минуя фактически весь период классовых формаций.

Другим примером влияния природных условий на своеобразие видов производства и соответственно на судьбы народов является различие условий, необходимых для скотоводческого и земледельческого труда. В то время как, скажем, в Монголии — стране с резко континентальным климатом и обширными степями — преобладало занятие скотоводством, причем так, что этот вид производства оставался здесь основным вплоть до середины XX в., бассейны таких рек, как Нил, Тигр и Евфрат, Инд и Ганг, Янцзы и Хуанхэ, еще в глубокой древности сложились как центры зем-

ледельческих культур, определивших совершенно иную конкретную историю и судьбу живущих здесь народов. Конечно, общие законы истории действуют во всех случаях с одинаковой силой, но очевидно, что форма их проявления совершенно различна. Различны «рисунки» и темпы развития разных стран, образ жизни народов даже в рамках одной и той же формации. Кочевой феодализм монголов существенно отличается от феодализма земледельческих народов.

Однако в наибольшей мере влияние природных условий на многообразие истории сказывается не непосредственно, а опосредствуясь уровнем развития и характером данного общества, конкретными условиями, системой международных связей и взаимоотношений. Особенно поучительна в этом отношении судьба народов, населявших пустынные территории, богатые нефтью. Редкая населенность, нищета, отсталость народов, например, Аравийского полуострова или мелких княжеств, расположенных на побережье Персидского залива, определяется в значительной мере природными условиями. До поры до времени богатства их недр не имели для них никакого значения, никак не сказывались на их судьбе. С начала XX в., когда нефть приобрела важное экономическое и военно-стратегическое значение, эти территории стали объектом жестокой эксплуатации империалистических государств. Капиталистические монополии продолжали держать народы этих стран в нищете и отсталости, искусственно тормозили их экономическое и социальное развитие. Изменение системы международных отношений после второй мировой войны, вызванное успехами мирового социализма и национально-освободительного движения, обеспечило некоторым странам возможность национализировать добычу нефти и благодаря использованию огромных доходов от ее продажи быстро модернизировать экономику и быт, поднять уровень жизни народа. Следовательно, один и тот же природный фактор в различных системах общественных связей и отношений вызывает неодинаковые социальные последствия.

Одним из условий, определяющих многообразие истории, выступает и *демографический фактор*, действие которого следует, конечно, рассматривать в комплексе с экологическими и социально-экономическими условиями и обстоятельствами. Количество населения той или иной страны, его плотность и темпы роста — все это влияет так или иначе на конкретное развитие истории в различных точках социального пространства, причем характер влияния опять-таки зависит от уровня общественного развития.

Возьмем, например, рост населения: в разных социальных условиях он имеет совершенно различные социальные последствия. К. Маркс показал, что в древнегреческих общинах-полисах, где каждый член общины обязан был иметь надел земли, количество

которой было весьма ограничено, уже простой рост населения вызывал необходимость колонизации, которая, как известно, играла большую роль в истории античного мира¹. Очевидно, давление роста населения у азиатских кочевников было одной из причин «великого переселения народов», которое оказало значительное влияние на конкретную историю европейских стран.

В настоящее время мы являемся свидетелями так называемого демографического взрыва — резкого увеличения темпов роста населения в развивающихся странах, во многих случаях превышающего темпы прироста производства. Естественно, что взрывной характер роста населения ставит перед этими странами много сложных проблем: увеличение производства продуктов питания, трудовое использование растущего населения и т. д.

В каждую историческую эпоху существуют и взаимодействуют народы, находящиеся на разных ступенях общественного прогресса. Это результат неравномерности исторического процесса. Следовательно, можно сказать, что *многообразие истории в пространстве во многом определяется неравномерностью ее развития во времени*. Неравномерность эта выражается в том, что одни народы отстают в своем развитии, другие вырываются вперед, что, в свою очередь, порождает сложные исторические взаимодействия.

Впервые неравномерность проявилась с полной очевидностью в период, когда из массы диких племен охотников и собирателей выделились земледельческие племена, перешедшие к оседлому образу жизни. Благоприятные природные условия сыграли в этом переходе немалую роль. Следующим шагом стало появление металлических, и особенно железных, орудий и возникновение городов, что увеличило неравномерность. Отсюда можно сделать вывод, что с развитием истории неравномерность не ослабевала, а усиливалась, причем влияние природных условий как источника этой неравномерности уменьшалось, а влияние социальных причин возрастало.

Дело в том, что каждая общественная формация имеет свои темпы исторического развития, причем темпы эти возрастали по мере перехода от формации к формации. Если родовой строй существовал десятки тысяч лет, то капитализм достиг стадии своей зрелости за 300—350 лет. Конечно, все это вызывает еще большую неравномерность в истории. В условиях капитализма, и особенно на последней его стадии, где неравномерность экономического и политического развития приобрела скачкообразный характер, удельный вес природных факторов среди всех причин, вызывающих и объясняющих эту неравномерность, оказался совсем незначительным.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 483.

Социализм получает в наследство результаты неравномерного развития прошлой истории. Народы, вступающие на путь социализма, находятся на разных ступенях исторического развития. И социалистическое общество ставит задачу преодоления бывшей неравномерности путем выравнивания уровней социально-экономического и культурного развития всех вступивших на путь социализма народов. Эта задача решается путем подведения под все отрасли народного хозяйства во всех социалистических странах одинаковой материально-технической базы и соответствующего развития культуры. Социалистические общественные отношения создают для этого необходимые условия, ибо утверждают в отношениях между народами принципы интернационализма, дружбы, товарищеской взаимопомощи. Преодоление бывшей неравномерности в огромной степени ускоряет темпы развития социалистического общества, но в то же время сохраняет историческое своеобразие жизни отдельных народов, их национальные особенности.

Таким образом, в перспективе географические и демографические условия перестанут быть факторами исторической дифференциации, поскольку сформируется единая история всего человечества. В будущей коммунистической ассоциации на первый план выступит дифференциация человеческих индивидуальностей.

ГЛАВА II

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

1. Значение проблемы культуры в современных условиях

Приступая к рассмотрению проблемы культуры, стоит прежде всего обратить внимание на исключительное многообразие определений культуры. Не только в обыденном языке, но и в различных науках понятие «культура» используется далеко не однозначно. В обзоре концепций культуры в западной литературе, сделанном еще в начале 50-х годов американскими социологами А. Кребером и К. Клюкхоном, говорится о 160 определениях этого понятия¹, а французский социолог А. Мольт отмечает уже 250 таких определений².

Многообразие определений культуры без учета, конечно, допущенных здесь социально и индивидуально обусловленных субъективистских ошибок имеет *гносеологические* основы. Оно связано с объективной многозначностью культуры. Гегель справедливо говорил: «Чем богаче подлежащий определению предмет, т. е. чем больше различных сторон он предоставляет рассмотрению, тем более различными оказываются даваемые ему дефиниции»³. Различные науки — антропология, этнография, языкознание, психология, история, конкретная социология, а ныне культурология — подходят к исследованию и характеристике культуры с разных точек зрения, рассматривают ее в разных отношениях, вычленяют из этого феномена те его стороны, связи и даже части, которые их интересуют, в силу чего и определения, которые они дают культуре, не могут не быть различными.

Но именно поэтому перед историческим материализмом, формулирующим принципы познания как общества в целом, так и любого компонента этой целостности, встает задача выработки *общего подхода к культуре, философско-социологической ее концепции*. Значение такого подхода состоит в том, что, не отменяя и не заменяя конкретно-научного анализа, он служит теоретико-методологической основой частнонаучных исследований и соответствующих определений культуры.

¹ Kroeber A., Kluckhohn C. Culture. A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge (Mass.), 1952.

² См.: Мольт А. Социодинамика культуры. М., 1973, с. 35.

³ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974, т. 1, с. 413.

Однако необходимость специальной разработки методологических принципов анализа культуры в рамках материалистического понимания истории объясняется не только этим. Среди причин, придающих в современных условиях особую значимость проблеме культуры, следует отметить и потребности развития социалистического общества, и необходимость критического анализа буржуазной «массовой культуры», и остроту культурной проблематики в странах Азии, Африки и Латинской Америки, активно включившихся в современный исторический процесс. Короче говоря, возрастающее значение проблемы культуры определяется самим характером современной эпохи, ее практическими, теоретическими и идеологическими потребностями.

Содержательная характеристика современной эпохи революционного перехода от капитализма к коммунизму охватывает и задачи культурной революции. Независимо от того, был ли достигнут определенный уровень культурного развития масс еще в условиях капитализма, выступив тем самым предпосылкой революции, или же культурный подъем совершается после победоносной революции пролетариата, выступая одним из ее важных следствий, общим законом при переходе от капиталистической формации к коммунистической является необходимость не только политической, социально-экономической, но и культурной революции. В России, например, политический и социальный переворот, как отмечал В. И. Ленин, «оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим»¹.

Еще в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что революция нужна пролетариату не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы «сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»². В этом положении уже была заложена идея культурной революции как составной части коммунистической революции. Однако самого понятия культурной революции в работах Маркса и Энгельса нет. Это понятие ввел в науку об обществе В. И. Ленин в 1923 г. в статье «О кооперации». Смысл культурной революции Ленин видел в приобщении широких народных масс к решению всех общественных проблем, в создании условий для развертывания их сознательного исторического творчества в сфере экономики, общественных отношений, в строительстве новой жизни. Ясно, что практика культурной революции требует дальнейшей теоретической разработки соответствующих вопросов, в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 377.

² Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, с. 50.

том числе четкого определения философско-социологического содержания понятия «культура» и выявления места этого понятия в общей системе категорий исторического материализма. Только в рамках исторического материализма и можно определить природу культуры как *реального феномена*, ее место в системе целостного социального организма, особенностей ее развития и социальные функции. При этом философско-социологическое понимание культуры строится, развивается и обогащается на основе завоеваний специальных наук, исследующих культуру под углом зрения своего предмета и своих задач.

Необходимость специальной разработки вопросов культуры диктуется и собственными потребностями исторического материализма, внутренней логикой его развития. Материалистический подход к истории главное внимание обращает на раскрытие материальной обусловленности деятельности людей. Но люди, живущие в исторически конкретных условиях, подчинены как социальным, так и культурным связям. Выражаясь иначе, общество предстает перед исследователем не только как определенное социальное, но и как культурное, то есть как *социокультурное, образование*. Исторический материализм не выполнил бы свою роль теории и метода социального познания, если бы не разрабатывал принципы анализа общества в этом плане.

Особое значение разработка проблем культуры приобретает в связи с задачами идеологической борьбы в современных условиях, с необходимостью вести непримиримую идейную борьбу на два фронта — и против буржуазных и ревизионистских теорий, и против левацких извращений проблем культуры и культурной революции. Провозглашенная маоистами «великая пролетарская культурная революция», под ширмой которой проводилась расправа с партийными и государственными кадрами, с интеллигенцией и всеми мыслящими людьми, могущими противостоять политике китайского гегемонизма, по своему «теоретическому» содержанию представляет собой левацкое, вульгарно-нигилистическое извращение марксистско-ленинской теории и практики культурной революции. Чтобы успешно противостоять извращенной теории и практике культурной революции, навязываемой маоистами под видом подлинно марксистской своему и другим народам, необходима *позитивная разработка проблем культуры*, тем более что традиции марксистской критики предполагают раскрытие гносеологических основ подвергаемых критике воззрений и положительную разработку тех проблем, на которых они паразитируют.

Таким образом, и практика общественной жизни, и потребности развивающегося общественнознания, и задачи идеологической борьбы делают необходимой специальную разработку проблем культуры в историческом материализме.

2. К истории разработки теоретических проблем культуры

В ряде работ, вышедших за последние годы в нашей стране, рассмотрение проблем культуры в домарксистском и современном буржуазном общественном знании освещено достаточно подробно и четко¹. Поэтому мы вправе ограничиться кратким изложением основных выводов.

По своему происхождению понятие «культура» связано с латинским словом *cultura* — «возделывание», «обработка», которое использовалось для характеристики земледельческого труда (агрикультура — возделывание почвы, обработка земли). Однако очень скоро оно приобрело более широкий смысл, поскольку стало употребляться применительно ко всему, что сделано, преобразовано, улучшено человеческой деятельностью. Культурное растение — это дикое растение, преобразованное человеком; культивируемая почва — возделанная человеком земля; культурный человек — естественное существо, преобразованное воспитанием и т. д. Культура, таким образом, вычленяет все созданное человеком в отличие от девственной природы. Отсюда и пошло широко утвердившееся в обыденном сознании деление всего существующего на два класса: явления природы и явления культуры. До середины XIX в. оно, по существу, господствовало и в общественных науках и в той или иной мере используется еще и сегодня.

Критически оценить такой подход к определению понятия «культура» с точки зрения современного уровня знаний сравнительно нетрудно.

Во-первых, отделяя культуру от природы, он отождествляет ее с обществом и, следовательно, делает понятие культуры ненужным для науки. Американские социологи А. Кребер и Т. Парсонс это и имели в виду, когда писали, что в большинстве основных работ по антропологии и социологии, «в особенности в период формирования этих дисциплин, понятия культуры и общества мало отличались друг от друга»².

Во-вторых, поскольку указанное различие двух классов явлений сводится к различию между естественно совершающимися и сознательно осуществляемыми в творческой, целенаправленной деятельности человека процессами, постольку история общества во

¹ См.: Артановский С. Н. К вопросу о понятии культуры. — Герценовские чтения. Л., 1967, сб. XX; Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969; Межуев В. М. Культура и история. М., 1977; Заобин Н. С. Некоторые методологические проблемы исследования культуры. — Проблемы теории культуры. М., 1977.

² Kroebe A. and Parsons T. *American Sociological Review*, Oktober 1958, vol. 23, N 5, p. 583.

всех своих проявлениях и результатах рассматривается как простое приложение к истории культуры, то есть к истории духовно-творческой деятельности человека. Независимо от внутренних различий, присущих разным западным культурологическим школам, независимо от того, соотносят ли они различные культуры как высшие и низшие или же рассматривают их как равноценные, а также от того, какое внимание та или иная школа уделяет материальной культуре, такой подход является по своей сути *модификацией идеалистического понимания истории*. Он служит основой для упоминавшегося уже нами деления Г. Риккертом всех наук на науки о природе и о культуре, а также для трактовки истории человечества в духе концепций О. Шпенглера и А. Тойнби.

В-третьих, рассматриваемое понимание культуры длительное время было связано, а в обыденном сознании и отчасти даже в науке связывается и сейчас с так называемым ценностным подходом, при котором не только индивиды, но и целые народы оцениваются как «культурные» или «некультурные», «развитые» или «неразвитые». Как реакция на такого рода понимание культуры со второй половины XIX в. в буржуазном общественном сознании начала складываться иная трактовка этого понятия — характеристика культуры как способа специфически человеческого существования, выработанного исторически конкретным социальным образованием (родом, племенем, нацией). С этой точки зрения все культуры равноправны, ибо каждая соответствует конкретным природным и социальным условиям, в которых живет данный коллектив.

В истории человечества действительно первоначально складывались различные культуры, задававшие готовые образцы мышления, поведения и деятельности небольших человеческих коллективов (рода, племени). Эти культуры были весьма устойчивы и почти неизменны. С их помощью жестко регламентировалась жизнь людей. Человек, сформировавшийся в рамках данной системы культуры, чувствовал себя в ней удобно, она была для него своей, поскольку у него вырабатывались соответствующие стереотипы мышления и деятельности, становившиеся его собственной природой. Переход в другую систему культуры связан с такой перестройкой всей совокупности сложившихся жизненных навыков, что не всякий способен ее выдержать и приспособиться к другой культурной среде. Эта удивительная «пригнанность» человека к «своей» системе культуры привела ряд этнографов (Б. Малиновский и др.), изучавших примитивные культуры в условиях относительной изоляции, например на островах Океании, к выводу, что нельзя говорить о более высоких и менее высоких культурах, ибо каждая культура своеобразна.

Каждая система культуры с этой точки зрения представляет собой некую *целостность*, все структурные элементы которой име-

ют определенное назначение в функционировании общества. Отсюда и вытекал вывод, будто идея развития неприменима к культуре, последняя должна исследоваться на основе не исторического, а структурно-функционального подхода. Лишь изучая функционирование целого, можно понять смысл и значение каждой отдельной культуры. И мало что можно понять путем их сопоставления на лестнице развития. В указанной системе взглядов абсолютизировалось своеобразие культур, отрицалось их развитие, оправдывался исторический релятивизм. Поэтому не вызывает сомнения необходимость критического преодоления недостатков существующих точек зрения. Но не меньшее значение имеет выяснение и удержание того ценного, что в них имеется.

Прежде всего бросается в глаза, что разделение всего существующего на два класса явлений — природных и культурных — связывает культуру с человеком. Тем самым вычленяется и очерчивается, по удачному выражению В. М. Межуева, «поле культуры», то есть специфический объект исследования. «В культуре человек представлен тем самым не как творимое, а как *творящее* существо, не как пассивный объект воздействия внешних и неподвластных ему обстоятельств, а как субъект осуществляемых им изменений и преобразований, как исторический субъект»¹. Сложившееся в обыденной речи и широко распространенное долгое время в науке употребление термина «культура» для обозначения совокупных результатов человеческой деятельности, в отличие от явлений природы, имеет, таким образом, объективное основание. И оно вполне допустимо, если только не используется для такого противопоставления природы и общества, при котором первое рассматривается материалистически, а второе — идеалистически.

Другой, несомненно, важный вывод, который можно сделать, анализируя историю разработки проблем культуры, связан с преодолением так называемого «ценностного» подхода и с утверждением структурно-функциональных методов ее исследования. Если оставить в стороне различие между многочисленными антропологическими и социологическими теориями культуры, то общим положительным моментом для них выступает дальнейшая конкретизация и сужение поля исследования. Очень важна также четкая постановка вопроса о том, что отождествление культуры с обществом не позволяет выявить то существенное, что фиксируется в понятии культуры для жизнедеятельности общества.

Отсюда необходимость отличить культуру не только от природы, но и от самого общества, рассмотрев ее в отношении к нему. Именно на этой основе стала возможной дальнейшая детализация исследований специфики культуры, ее места в обществе и своеобразного механизма взаимодействия с ним.

¹ Межуев В. М. Культура и история. М., 1977, с. 60.

Несомненна плодотворность использования функционального подхода к культуре, рассмотрения ее в качестве определенной системы. В сочетании с историческим методом и на его основе этот подход обогащает арсенал средств социального познания.

Ценным представляется также фиксация того своеобразия и неповторимости, которые имеются в каждой культуре, выработанной данным сообществом и формирующей ее членов. Это своеобразие не следует преувеличивать, но оно существует и отрицать его нельзя. Каждая культура как система, как некая целостность органически привязана к определенным социальным и даже природным условиям — выполняет функции поддержания данной формы общественности, что не исключает исторического перехода от одной культуры к другой с изменением социальной формы. Неисторический же взгляд на культуру противоречит данным опыта.

Наконец, в рассматриваемых взглядах содержится объективно прогрессивный гуманистический элемент, направленный против расизма и колониализма. Идея равноправия культур в условиях антагонистического общества обосновывает право всех народов — носителей своей культуры — на самостоятельное существование, а их культуру делает достойной внимания и исследования.

Удержать, сохранить при научной разработке проблем культуры положительные моменты предшествующих теорий — значит обеспечить необходимые исходные точки и мыслительный материал для исследования.

В Большой Советской Энциклопедии, в Философской энциклопедии культура определяется как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных людьми. Такое же, по существу, определение присутствует и в работах историков, этнографов, антропологов, искусствоведов и т. д. Авторы этих работ, следовательно, принимают традиционную точку зрения, согласно которой культура есть все то, что не есть натура (природа). Однако в противовес буржуазным теориям, связывающим культуру с творческой деятельностью элиты, создающей все духовные ценности, здесь культура рассматривается в единстве со всей человеческой деятельностью, с материальным и духовным производством, прежде всего с деятельностью трудящихся масс — подлинных творцов культуры. Но так как между материальным и духовным производством есть все же весьма существенное различие, эта точка зрения оказывается перед необходимостью введения двух понятий культуры: в широком смысле, когда в это понятие включается вся деятельность человека и ее результаты, и в узком смысле, когда культура выступает как духовное творчество, его результаты и степень их распространения в массах ¹.

¹ См.: Коммунизм и культура. М., 1966, с. 7.

Разграничение материальной и духовной культуры и точка зрения, согласно которой собственная проблематика культуры связана с анализом духовно-творческой деятельности человека (понятие культуры в узком смысле), получили широкое распространение. Понятие «духовная культура» ставит, хотя и не решает, реальную проблему — вычленение из всей совокупности явлений «второй природы» того, что специфично для культуры. Недостаток этой позиции состоит, однако, в том, что введение двух понятий культуры не раскрывает специфического содержания самого этого феномена. Во-первых, потому, что разграничение деятельности, направленной на производство материальных предметов и продуктов духовного творчества, весьма относительно. Любой материальный предмет, созданный человеком, существовал вначале как идея, как продукт духовного творчества. Духовное творчество — необходимый компонент специфически человеческой деятельности. Природа, говорил К. Маркс, не строит паровозов, сельскохозяйственных машин и железных дорог. Все эти создания человеческих рук — продукты деятельности мозга, материализация знаний, опыта, творческих сил человека. В то же время любые продукты духовного творчества, чтобы стать социально значимым явлением, должны обязательно материализоваться — в действии, языке, книге, картине, скульптуре и т. д. Уже по одному этому нельзя ограничивать содержание культуры явлениями духовной деятельности. В самом деле, почему надо считать, что художник, пишущий картину, творит культуру, а инженер-конструктор, проектирующий машину, или рабочий, совершенствующий технику производства, — нет?

Во-вторых, расчленение материальной и духовной культуры и сведение последней к духовной деятельности неизбежно приводят к ее отождествлению с надстройкой, противопоставляемой в этом качестве материальному производству как базису.

Кроме того, если понятие «культура» (пусть и в узком смысле) отождествляется с духовной деятельностью, то оно лишается категориального статуса, поскольку не несет в себе никакого специфического содержания, отличного от содержания таких понятий философско-социологической науки, как «духовная жизнь общества», «духовное производство», «общественное сознание и его формы» и т. д. Ясно поэтому, что ввести «культуру» в систему марксистских социологических понятий и обосновать тем самым наличие особой культурологической проблематики можно лишь тогда, когда доказано существование в обществе таких сторон, граней, моментов, которые не «схвачены» наличным набором категорий, и когда, следовательно, понятие «культура» приобретает специфическое содержание, не входящее в содержание других социологических понятий.

Со второй половины 50-х годов начинается, а в 60-х и 70-х особенно разворачивается активный процесс исследования проблем культуры в нашей стране и других социалистических странах. Если попытаться суммировать основные итоги проделанной работы, то в интересующем нас плане можно выделить следующие моменты:

1. Поставлен и обоснован вопрос о необходимости разработки общей теории культуры и в связи с этим определения ее места в системе общественных наук. Правда, вопрос о том, должна ли эта теория разрабатываться в рамках имеющихся наук или в качестве самостоятельной дисциплины, остается пока дискуссионным.

2. Прделана большая историографическая и текстологическая работа по изучению высказываний основоположников марксизма-ленинизма по вопросам культуры и культурной революции. Выпущен ряд монографий, посвященных осмыслению опыта культурной революции в СССР, в других странах социалистического сообщества.

3. Подробно рассмотрены и подвергнуты аргументированной критике традиционные определения культуры, отождествлявшие ее полностью со «второй природой» или же сводившие ее к «духовной культуре». Показана несостоятельность абсолютного разграничения понятий «натура» и «культура», служившего основой противопоставления наук о природе и наук о культуре. В то же время подчеркнуто, что такая точка зрения не позволяет отграничить культуру от других общественных явлений и, следовательно, вычленил для теории культуры свой предмет исследования.

4. Исследована история формирования различных буржуазных культурологических теорий. Убедительной критике подвергнута теория локальных цивилизаций, исторического круговорота и т. д. Вскрыты гносеологические основы всех этих воззрений, показывающие объективную сложность и богатство культурологической проблематики, требующей всесторонней научной разработки. В связи с этим сформулирована важная мысль о том, что возможность различных конкретно-научных подходов к изучению культуры и разных уровней ее исследования не только не исключает, а, наоборот, предполагает концептуальное единство, которое обеспечивается философско-социологическим рассмотрением и определением природы и сущности культуры.

5. Выявлен недостаток определения культуры как совокупности созданных людьми ценностей, а также как общепризнанных, устоявшихся норм, правил и механизмов социального взаимодействия и поведения людей, как особой символической знаковой системы и т. д. Подобные определения отражают некоторые реальные стороны феномена культуры, но не могут претендовать на

решение существа проблемы. В опубликованных работах поставлена — не всегда, правда, осознанно — проблема, связанная с необходимостью различать культуру как ценность и научные аспекты культуры.

6. Несомненным завоеванием литературы последних лет является стремление связать культуру с человеком, с выражающей его родовую сущность творческой деятельностью, реализующейся конкретно-исторически в зависимости от социальных условий.

7. В отдельных публикациях наметился подход к различению понятия «культура» и исторически конкретных типов и форм существования культуры. Развернутого анализа эта проблема пока не получила. Но ее постановка дает основу для осмысления понятия «культура» как синтетической характеристики многообразия культур во времени и одновременно существующих пространственно-многообразных культур, многообразия проявлений культуры в различных сферах общественной жизни (культура труда, быта, человеческих отношений и т. д.). В то же время исторический подход к культуре дает возможность связать это понятие с понятием формации, разграничить их содержание и установить характер их взаимоотношения.

Опыт осмысления вопросов культуры в домарксистском общественном знании и философии и в особенности дискуссии, творческое обсуждение этой тематики марксистами, включившими в свой анализ огромное богатство идей основоположников марксизма-ленинизма, дают необходимые основания для концептуальной постановки и решения проблемы культуры в рамках исторического материализма.

3. Культура как категория исторического материализма

Общим местом всей литературы о культуре стали сетования по поводу отсутствия общего и единого ее определения. Поскольку же дефиниций бесконечно много, к тому же они взаимно переплетаются, ряд авторов, не желая участвовать в споре о словах, вообще отказываются определять это понятие. Польский социолог Я. Щепаньский считает, что в науке придают термину «культура» лишь описательный смысл, то есть употребляют его для обозначения определенных классов предметов, явлений и процессов, которые стремятся описать и объяснить¹. Но прежде чем описывать какой-либо класс предметов, необходимо иметь теоретически ясный критерий, объединяющий предметы этого класса и отделяющий их от предметов других классов.

¹ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 39.

Подобные мнения вдохновляются обычно стремлением преодолеть ценностный подход к культуре. При этом часто смешиваются два разных вопроса, которые, однако, очень важно различать: можно ли характеризовать культуру как ценность (несомненно, что всякое завоевание культуры есть всегда некая ценность) и нужно ли подходить к исследованию культуры с ценностных позиций (столь же несомненно, что всякий объективно научный анализ должен служить основой ценностных интерпретаций)? Само собой разумеется, что научный анализ культуры не исключает ни определения культуры, ни сравнения культур как более развитых или менее развитых, более высоких или менее высоких, подобно тому как, скажем, научная характеристика производственных отношений капитализма не исключает их оценки как более развитых по сравнению с феодальными.

При всем различии точек зрения в марксистской философско-социологической литературе есть нечто общее в разработке вопросов культуры: «Признание непосредственной связи культуры с человеческой деятельностью, и прежде всего с материально-практической деятельностью, является основополагающим для ее материалистического истолкования»¹. Но когда вопрос ставится более конкретно — о выявлении типа связи культуры с деятельностью, об их соотношении, то оказывается, что одни авторы связывают понятие «культура» лишь с результатами деятельности, другие включают в это понятие не только результаты, но и саму деятельность, третьи — только совокупность средств, способов и механизмов, с помощью которых мотивируется и обеспечивается, координируется и реализуется человеческая деятельность², четвертые делают упор на то, что к культуре относится только творческая деятельность и т. д.

В своем выступлении на профсоюзной дискуссии В. И. Ленин разъяснял, что при определении стакана как сосуда для питья существенными оказываются совсем другие его свойства, чем при определении его как эстетической ценности или как помещения для бабочки и т. д. Это не значит, что те или иные свойства создаются в процессе определения. Они присущи предмету объективно. Но *какое из них выделяется, зависит от практически деятельного отношения субъекта к объекту.*

Известно также, что, определяя материю, В. И. Ленин вовсе не стремился к абстрактной характеристике объекта самого по себе. Наоборот, он подчеркивал, что дает определение материи именно как философской категории, необходимой для решения основного вопроса философии. Этот подход и определяет то суще-

¹ Межуев В. М. Культура и история, с. 67.

² См.: Маркьян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, с. 43.

ственно важное «свойство», которое характеризует материю как философскую категорию. Вне философского осмысления мира данная дефиниция не может быть применима. Философское определение материи не отменяет и не заменяет тех конкретно-научных характеристик материи, которые даются изучающими ее науками.

Аналогично этому при философском определении понятия «культура» задача состоит не просто в том, чтобы вычленить некий объект, назвать его культурой и затем использовать полученное таким образом определение как универсальное, как абсолютно верное во всех отношениях. Думается, что задачу следует сформулировать иначе: нужна ли в системе категорий исторического материализма особая категория «культура»? И если нужна, то каково специфическое содержание этого понятия, придающее ему категориальный статус?

Нельзя сказать, что подходов к такой постановке вопроса пока не было. Э. С. Маркарян еще в 1970 г. прямо говорил о необходимости определения объективных оснований для выделения культуры в качестве особого понятия марксистской социологии и критериев отграничения этого понятия от других. Он справедливо отмечал недостаточность указания на то, что культура не есть природа, а результат человеческой деятельности, ибо такое различие еще не позволяет отделить культуру от общества: «...что в пределах сферы социальной жизни людей относится к культуре, а что нет? Этот вопрос оказывается далеко не ясным, поскольку всю эту сферу в конечном итоге можно считать продуктом человеческой деятельности»¹. Затем В. М. Межуев в книге «Культура и история» четко формулирует главную цель своей работы: «...выяснить роль и место понятия «культура» в системе философских и социально-исторических воззрений классиков марксизма-ленинизма»².

При определении культуры, отвечающем потребностям исторического материализма, нельзя ограничиваться вычленением какого-то объекта, характеризуемого как культура. И тогда, когда культура противопоставляется природе, и когда в культуру включается духовная деятельность и ее результаты, и когда с культурой связываются исторически отобранные и передающиеся следующим поколениям нормы, идеи и ценности, и во всех других аналогичных случаях вычленения объекта, понятие «культура» не несет в себе специфического содержания, ибо для характеристики всех этих явлений в историческом материализме выработаны соответствующие понятия. Следовательно, искомое определение нельзя получить исходя только из поисков специфического объек-

¹ Маркарян Э. С. Место и роль исследования культуры в современном общественном знании. — Вопросы философии, 1970, № 5, с. 102.

² Межуев В. М. Культура и история, с. 15.

та, а необходимо учитывать *познавательные функции данного понятия в рамках общей системы научных категорий.*

Категории исторического материализма, будучи результатом «рассечения» общества с целью его теоретического анализа, фиксируют те его стороны и моменты, которые позволяют материалистически объяснить его функционирование и развитие как целостного организма. В соответствии с двумя аспектами изучения общества — как естественноисторического процесса и как результата деятельности людей — исторический материализм вырабатывает два ряда категорий: во-первых, систему понятий, в которых фиксируются отдельные части социального целого, элементы социальной системы, то есть отдельные общественные явления, взаимоотношение их отражается в законах исторического материализма, фиксируемых также при помощи определенных категорий; во-вторых, систему понятий, в которых исследуется историческая деятельность людей, механизмы их приобщения к реализации объективных законов, соотношение объективной необходимости и сознательной деятельности и т. д.

Первый вопрос, который возникает в связи с задачей введения понятия «культура» в категориальную сетку исторического материализма, таков: существует ли культура в виде особого самостоятельного общественного явления и, следовательно, нуждается ли первый аспект изучения общества в этом понятии? Весь опыт исторического исследования культуры, который мы попытались кратко проследить и обобщить выше, свидетельствует об отрицательном ответе на этот вопрос. В обществе нет культуры как специфического общественного явления, существующего *рядом* с другими явлениями. Ни среди явлений общественной жизни, характеризующих основные ее сферы (сферу экономики, социально-политическую и духовную жизнь), ни среди явлений, относящихся к неосновным сферам (быта, досуга, развлечений), нет особого, отличного от них явления, о котором можно было бы сказать — вот это есть культура и никакое другое понятие данное явление не отражает. Отсюда следует вывод: до тех пор, пока при изложении исторического материализма общество рассматривается как система взаимодействующих элементов и ставится задача вскрыть те законы, которые придают его развитию характер естественноисторического процесса, нет необходимости обращаться к понятию «культура».

Но общественная жизнь, рассмотренная под углом зрения деятельности человека, производящей общество и самого человека, высвечивает проблему с иной стороны. Поскольку любое общество, как и любое общественное явление — производительные силы, производственные отношения, государство, науки, искусство и т. д., — есть продукт деятельности людей, подвергнуть действительно глу-

бокому научному анализу общество в целом и любое явление общественной жизни без понятия «культура» оказывается нельзя.

Известно, что люди могут действовать и на самом деле действуют по-разному даже в условиях одной и той же социальной среды. Как в своих социально значимых поступках, так и в сугубо индивидуальных, интимнейших действиях они проявляют общий (присущий данному обществу) и индивидуальный уровень своего развития. Какую бы сферу или явление общественной жизни мы ни взяли, везде обнаруживается *вариативность* человеческих действий, зависящая прежде всего от *уровня развития данного общества, а также от уровня развития данного индивида*.

В сфере труда это проявляется в исторической вариативности действий, определяемых наличной материально-технической базой и характером общественных отношений. Каждый способ производства формирует вполне определенный тип производителя. Речь идет не только о его навыках, опыте, знаниях, характеризующих его как производительную силу, а о целостной характеристике человека, осуществляющего производство и обнаруживающего при этом все свои социальные качества, в том числе и уровень политического, нравственного, эстетического развития. Синтетическим понятием, характеризующим меру овладения людьми всеми наличными условиями трудовой деятельности и меру сознательного отношения к ним, выступает *культура труда*. Судить о ней можно, конечно, только по результатам: «по работе узнается мастер». Поэтому употребляемые историками, археологами, антропологами и этнографами выражения типа «культура бронзы» или «культура шлифованного камня» имеют лишь тот смысл, что предметные памятники истории позволяют воспроизвести (распредметить) уровень развития людей, создавших эти предметы и пользовавшихся ими. Иными словами, по вещественным свидетельствам, и прежде всего по сохранившимся орудиям труда, можно реконструировать культуру людей прошлых эпох.

Совокупность элементов культуры, присущих определенному обществу, образует некую целостность — систему. Различные элементы системы связаны общностью функциональных задач, а также тем, что находят свое проявление в данном человеке, коллективе, обществе. Основу, цементирующую культурную систему, составляют требования, предъявляемые к человеку достигнутым уровнем развития средств труда, который предполагает не только определенную культуру труда, соответствующую профессионально-техническую подготовку производителей, но и ту или иную степень их *общекультурного* развития. Связь между материально-технической базой общества и развитием общей культуры производителей опосредствуется многими обстоятельствами, и прежде всего характером общественных отношений.

Но культура труда бывает различной не только в разных формациях, но и у разных людей в рамках одной и той же общественной системы, в условиях одной и той же среды. Вариативность индивидуальных действий зависит от общего уровня развития отдельных людей, их индивидуальной культуры. Так, в условиях нашего общества ударники коммунистического труда при тех же орудиях промышленного или сельскохозяйственного производства показывают образцы высокопроизводительной работы. Высокий уровень политического, нравственного сознания и общекультурного развития проявляется в конечном результате, продукте трудовой деятельности. Поэтому в борьбе за эффективность и качество производства культура труда играет первостепенную роль.

Мы сравнительно подробно охарактеризовали культуру труда, поскольку она — фундаментальный элемент любой культурной системы. И сфера труда, и все другие сферы общественной жизни, как и любое общественное явление, не только созданы людьми, но и формируют их. Вступая в жизнь, люди вынуждены овладевать наличными условиями этой жизни. Мера овладения ими и определяет культуру человека: мера овладения языком характеризует культуру речи, мера овладения моралью — нравственную культуру и т. д. Многообразие человеческих отношений — межклассовых и внутриклассовых, национальных и международных, производственных и бытовых, семейных и соседских, профессиональных, межличностных и т. д. — ставит каждого индивида перед необходимостью соотносить линию своего поведения и деятельности с теми требованиями, которые предъявляются этими связями и отношениями. На основе данных требований в ходе развития общества создаются своеобразные механизмы, регулирующие человеческие отношения. Степень овладения этими механизмами характеризует культуру поведения и деятельности.

В сфере духовной деятельности понятие «культура» также имеет особое содержание, определяя не только характер творчества, но и характер восприятия его результатов. Так, недостаток общей или профессиональной культуры автора всегда накладывает отпечаток на произведение искусства, даже если оно создано творчески одаренным, талантливым художником. Под профессиональной культурой в этом случае имеется в виду мера овладения «тайнами мастерства», накопленными в данной сфере духовной деятельности. Произведение искусства, говорил Маркс, создает публику, способную воспринимать искусство¹. Культура восприятия характеризуется тем, в какой мере оно выступает активным процессом сопереживания, включения субъекта восприятия в творческий процесс, пробуждения в нем художника. В этом, между про-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 28.

чим, заключается объяснение, почему произведения искусства, знаменующие, по выражению В. И. Ленина, «шаг в художественном развитии человечества» и характеризующие не только уровень духовной культуры людей, их создавших, но и общества, породившего этих людей, выступают и как памятники прошлой культуры, и как элемент наличной культуры, формирующей художественное восприятие новых поколений.

Итак, можно говорить о культуре труда, культуре социального поведения, культуре мышления и речи, культуре чувств и восприятия. Во всех этих случаях речь идет о людях, об уровне их развития, который в каждое данное время *задается им объективно* состоянием общества. А это значит, что, говоря о культуре, надо иметь в виду не сами по себе материальные предметы, созданные людьми, и не сами по себе нормы, ценности и социальные механизмы, регулирующие отношения между ними, и не сами по себе идеи, теории, художественные взгляды, материализованные в книгах, речах, художественных произведениях и различного рода институционализированных образованиях. Орудие труда со всеми возможностями, которые оно предоставляет, существует в своей специфической социальной функции лишь в руках человека, стоящего на определенном уровне развития, как и книга со всем богатством заключенных в ней идей и образов существует лишь для того, кто умеет ее прочесть и воспринять ее содержание. Поэтому только через посредство человека их можно рассматривать как элементы культуры, как опредмеченную культуру. *Непосредственно же культура выступает как характеристика человека, и только человека, как мера и синтетическая характеристика его духовного, нравственного, профессионального развития.* Этим и определяется возможность и необходимость введения категории «культура» в систему категорий исторического материализма.

Связывая культуру с человеком, мы связываем понятие «культура» с понятием «развитие». В самом общем виде можно поэтому определить смысл и содержание понятия «культура» как развитие человека. Тем самым совершенствование человека в принципе отделяется от изменения природных объектов и эволюции живых организмов. Воздействуя на природу и преобразуя ее, человек меняет свою собственную природу. Его развитие есть в этом смысле его саморазвитие. Культура, охарактеризованная в самом общем виде, есть, следовательно, развитие человека как родового, то есть *сознательного, творческого, самодеятельного, существа.*

Правда, здесь необходимо следующее уточнение: в каком отношении находится характеристика культуры как меры развития человека к развитию общества и характеристике его культуры, не означает ли связывание культуры с человеком отрицания ее объективности, а значит, и самой возможности существования особой

культурной среды? Разумеется, когда речь идет о культуре человека, имеется в виду не какой-то изолированный Робинзон, а реальный человек, живущий и развивающийся в обществе. Поэтому и культура человека — это не что иное, как *специфически общественный способ жизнедеятельности и саморазвития человека*.

Люди, поскольку они живут и действуют в обществе, объединены определенной культурой, то есть существуют не только в рамках социальной, но и своеобразной культурной среды. Нельзя разобраться в конкретных событиях, происходящих в то или иное время в той или иной стране, анализируя только материальные условия жизни людей и действующие на их основе объективные законы. Необходимо учитывать своеобразие человеческого материала, уровень его развития — его культуру. Этим и определяется категориальная значимость понятия «культура». *Оно необходимо в историческом материализме в той, и только в той, мере, в какой анализ закономерного развития общества связывается с исследованием деятельности людей, реализующих эти законы, и с развитием самого человека.*

Каждый шаг в развитии человека как сознательного, творческого, самостоятельного существа опредмечивается в продуктах материального и духовного производства, в результатах социально-организующей и социально-преобразующей деятельности, в творимых людьми орудиях и средствах труда, общественных отношениях, нормах и ценностях, научных открытиях и произведениях искусства. Этот социально-предметный мир, с одной стороны, служит показателем уровня развития людей, породивших его. Но с другой — он образует основу для жизни и деятельности новых поколений. Распредмечивая его содержание, они превращают его в средство формирования своей культуры, своего собственного развития, которое как раз и проявляется в активном отношении к культурному наследию, в его творческом преобразовании. Человека формируют и воспитывают не только идеи и люди, дела и поступки, но и предметный мир.

Таким образом, весь созданный людьми мир, взятый сам по себе, вне человека и вне связи с ним, не может выполнять функции культуры, он представляет собой лишь показатель культуры, подобно тому как термометр — это не температура, а лишь средство ее измерения.

Культура как форма и содержание социально-предметного мира, созданного людьми, существует объективно, но лишь для того, кто способен его распредметить. Отсюда следует, что категории «опредмечивание» и «распредмечивание» имеют особое значение при анализе проблематики культуры. Во-первых, с их помощью раскрывается связь человека и созданного им предметного мира. Во-вторых, они помогают раскрыть действительный смысл

понятия «культура», отделить сущность от явления. Наконец, в-третьих, — что особенно важно — эти понятия позволяют раскрыть специфически человеческий, отличный от биологического, способ трансляции культуры и приобщения каждого нового поколения к наличному уровню человеческого развития.

Фиксируя способность предметного мира нести в себе определенный смысл, закладываемый самим характером культуры и ее творцами, некоторые теоретики культуры отмечают ее символический характер по аналогии с языком. Как слова обычного языка заключают в себе значения, которые воспринимает человек, знающий этот язык, и не воспринимает тот, кто его не знает, так и явления культуры есть символические носители определенных значений. Чтобы овладеть культурой, необходимо овладеть ее языком. Люди в своих действиях руководствуются символами культуры, отчего их поведение вообще может быть названо символическим в отличие от действий животных, носящих рефлекторный характер. На основе этого сходства наука о знаковых системах — семиотика исследует также различные языки культуры. Приведенный пример лишний раз свидетельствует о возможности и необходимости исследования культуры под различными углами зрения. Но такие исследования будут плодотворными лишь в том случае, если тот или иной конкретно-научный аспект проблемы не абсолютизируется и не противопоставляется философско-социологическому определению культуры.

Вместе с тем общее определение культуры нуждается в конкретизации, ибо реально она существует как культура вполне определенных людей, живущих в конкретных условиях данной географической и социальной среды, принадлежащих к исторически определенным классам, нациям, социальным группам и действующих в определенных сферах общественной жизни — труде, политике, науке, искусстве и т. д. Отсюда следует, что анализировать культуру можно и нужно с разных сторон, высвечивая те или иные ее аспекты.

Рассматривая культуру *исторически*, выделяют три качественно различные фазы в культурном развитии человечества: доклассовую, классово антагонистическую и коммунистическую культуру. При этом вскрывается коренная зависимость культуры людей от материальных условий, в которых они живут и действуют, от социальной структуры каждого общества, характера присущего ему разделения труда, и прежде всего разделения умственного и физического труда, от материального и духовного производства, а также различий города и деревни.

Хотя все классово антагонистические формации отличаются по своей культуре, однако общим для них является лишение трудящихся масс необходимых условий для реализации своей родовой

сущности, для просвещения и развития. Вместе с тем господствующие в этих формациях формы разделения труда делают односторонними и ограниченными не только индивидов, принадлежащих к угнетенным классам, но и индивидов господствующих классов, что нашло свое наиболее яркое проявление и завершение в формировании так называемого «одномерного человека» современного капиталистического общества. Что касается отделения города от деревни, то его удручающее воздействие на человека хорошо известно.

Обычно, говоря о людях доклассового общества, подчеркивают неразвитость их материального и соответственно духовного производства, низкий уровень их культуры. И это, конечно, верно. В то же время, участвуя во всех видах деятельности — и в коллективном труде, и в общественном самоуправлении, и в общих празднествах и ритуальных мероприятиях, — каждый индивид по необходимости оказывался более цельным в отличие от узкоспециализированного индивида антагонистических формаций. Он еще не знал завоеваний цивилизации, но не знал также и калечащих, уродующих человека результатов разделения труда.

Характеризуя культуру антагонистических формаций и с точки зрения условий для развития людей, и с точки зрения объективных результатов культурного творчества, воплощающихся в созданных людьми предметах, социальных нормах и правилах поведения, произведениях искусства, раскрывают также *классовый* характер культуры, коренную ее зависимость от материальных условий, от социальной структуры каждого общества и характера присущих ему антагонизмов.

Но поскольку в развитии родовой сущности человека — в совершенствовании специфически человеческих способов восприятия, мышления, поведения и действия — фиксируются и отражаются не только наличные природные и социальные факторы, но и ряд общих черт, составляющих необходимые условия всякой общности, постольку культура не меняется автоматически со сменой формаций. Связь и преемственность культуры, хотя и отражает связь и преемственность социальных условий жизни людей, не сводится к этому. Сохраняется не только формальный механизм, характеризующий культуру чувств, мышления, речи, человеческих отношений и действий, но и все объективные результаты человеческого развития, в которых зафиксированы *общечеловеческие* условия жизни и деятельности и которые способны служить формированию и развитию новых поколений.

Культура человеческого поведения задается, конечно, регулятивными механизмами, присущими данному обществу. В связи с этим и возникает стремление у некоторых ученых отождествить культуру с совокупностью норм, ценностей, правил и образцов по-

ведения, выполняющих функцию интеграции исторически определенной общности. Разграничение понятий «общество» и «культура» происходит в этом случае по следующему принципу: понятие «общество» отвечает на вопрос, что существует (какое социальное объединение людей), а понятие «культура» — как оно существует (какими регулятивными механизмами оно определяется). Но подчеркнем еще раз, что нравственные нормы, обычаи, традиции и т. д. существуют как культура лишь в связи с людьми, их породившими и ими пользующимися. Сами же по себе они выступают только как социально-регулятивные механизмы, по которым можно судить об уровне развития людей их создавших.

Итак, культура человеческих отношений, человеческого поведения и действия, существуя как присущая данному обществу система ценностей, правил, способов и установленных образцов восприятия, мышления, поведения и действия, непосредственно проявляется в образе мыслей, характере межличностных отношений, способах действия и поведения людей, объективирующих результаты своего развития, сохраняющих их и передающих следующим поколениям. Каждое новое поколение социализируется, так сказать, окультуривается на основе приобщения к наличным результатам предшествовавшего культурного развития.

Коренная зависимость культуры человеческих отношений от социальной структуры общества явственно прослеживается в ходе развития истории. Так, характерным элементом культуры рабовладельческого общества является восприятие рабства как естественного явления, не вызывающего у рабовладельцев никакого сомнения в их «праве» распоряжаться жизнью и смертью раба, никаких угрызений совести при виде его мучений и смерти. В то же время культура человеческих отношений и поведения, поскольку это касалось поддержания общих условий существования рабовладельческого общества, получила здесь довольно высокое развитие. Верность слову, самоотверженность, готовность жертвовать собою во имя общих интересов и многие другие качества, которые в условиях родо-племенной организации формировались как непосредственное отражение общественных условий жизни, становятся здесь результатом осознанного отношения к общим интересам рабовладельческого государства. Та же зависимость культуры человеческих отношений от характера общества, особенностей его социальной структуры обнаруживается и во всех других формациях.

Но общее понятие культуры конкретизируется не только, так сказать, *по вертикали*, в соответствии со сменявшимися в истории социальными образованиями, классами и т. д., но и *по горизонтали*. До тех пор, пока развитие людей осуществляется не в рамках обобществившегося человечества, а в границах локальных, госу-

дарственных и прочих объединений, оно, естественно, испытывает влияние не только общих социальных закономерностей, но и конкретных географических и исторических условий, в которых эти закономерности реализуются. И чем больше относительная изоляция человеческих коллективов, тем сильнее сказываются различия между одновременно существующими культурами разных народов. В настоящее время на наших глазах происходит бурный процесс стирания веками складывавшихся различий между региональными культурами — западной, восточной, африканской и т. д., а также между более дробными делениями — русской, немецкой, англосаксонской, индийской и т. д. Дорожа собственной историей и гордясь своим вкладом в общечеловеческий прогресс, каждый народ в своем развитии опирается прежде всего на свою национальную культуру. И иного способа приобщения человека и каждого нового поколения к результатам предшествовавшего развития людей, иного способа социализации сегодня нет. Вместе с тем становится все более ясным, что культурная изоляция невозможна и столь же вредна, как и культурный нигилизм.

Общее понятие культуры конкретизируется далее *по сферам и видам деятельности людей*. С экономикой и связанными с нею видами деятельности соотносится культура производства, а также культура земледелия, ремесла, промышленности, строительства и т. д. Область социально-политических отношений характеризуется своеобразной культурой поведения и деятельности в рамках различных социальных институтов. На XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев подчеркивал, что «в нашем понимании культура управления органически включает в себя и внимательное, заинтересованное отношение к нуждам и заботам трудящихся...»¹. Сфера быта и бытового обслуживания порождает соответствующую культуру отношений и поведения. Наконец, с областью духовной деятельности связаны свои проявления культуры, как в процессе творчества, так и в процессе восприятия его результатов. Например, произведение искусства в своем опредмеченном виде характеризует профессиональную и общую культуру автора в такой же мере, в какой способность распредметить этот смысл произведения характеризует культуру воспринимающего его читателя, зрителя, слушателя.

Наконец, общее понятие культуры конкретизируется *применительно к характеристике человеческой личности*, ее формирования и развитию. Соответственно можно выделить такие компоненты культуры индивида, как физическую, интеллектуальную, социально-политическую, профессионально-трудовую, бытовую, нравственную, эстетическую. Культура личности выступает, таким

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, с. 78.

образом, как *синтетическая характеристика уровня ее индивидуального развития*, сказывающаяся в стиле эмоциональной жизни, в образе мышления и действия, в индивидуальных моделях поведения и реагирования на различные ситуации.

Говоря о культуре личности, необходимо уточнить вопрос о ее соотношении с культурой общества. Последняя не есть, очевидно, сумма индивидуальных культур. Реально об уровне развития, об уровне культуры человека и общества можно судить только по объективным результатам деятельности людей данного общества. Но индивидуальная деятельность приобретает культурный смысл, если ее результаты социально значимы, то есть способствуют развитию человеческих качеств других людей. В результате культура общества существует, так сказать, в двух ипостасях: *субъективно* — в виде неотъемлемой характеристики человеческой личности и *объективно* — в виде сознательно полученных результатов человеческой деятельности как в материальном и духовном производстве, так и в способах социально-преобразующей деятельности людей. Эти результаты образуют культурное наследство, приобщение к которому служит для каждого вступающего в жизнь поколения стартовой площадкой дальнейшего развития, творчества культуры. Человек творит культуру, опредмечивая в продуктах материального и духовного производства, нормах и ценностях, механизмах регуляции человеческих отношений и т. д. результаты своего собственного развития, и усваивает ее, распредмечивая, выявляя и делая доступным для себя заключенное в этих «предметах» специфически человеческое содержание.

Отсюда следует, что культура существует в каждое данное время и для каждого исторически определенного общества *как нечто статическое, как культурная среда*, формирующая людей, создающая вполне определенные возможности для их человеческого развития и предъявляющая к ним столь же определенные требования, и в то же время — *как нечто динамическое, постоянно развивающееся и совершенствующееся в результате творческой деятельности человека*. Реально в обществе культура существует и проявляет себя одновременно *и как культурное наследство, и как культурное творчество*.

Итак, введение понятия «культура» в систему категорий исторического материализма необходимо в той мере, в какой история рассматривается как продукт и результат деятельности людей и как способ их собственного развития. При этом производство людьми своей жизни следует рассматривать как *единство материальной и духовной деятельности*. Только в этом единстве оно выступает основой существования общества и человека. Различать материальную и духовную культуру как деятельность, направленную в одном случае на производство вещей, материальных ценностей, а

в другом — на производство идей, духовных ценностей, и оценивать последнюю как подлинную культуру — значит абсолютизировать исторически конкретный способ разделения общественного производства, присущий лишь «предыстории» и не выражающий родовую сущность человека. Производство как процесс создания общества и человека нельзя рассматривать как некий бездуховный процесс, на основе которого затем уже как нечто самостоятельное осуществляется творчество духовной культуры. Первоначально все духовные компоненты деятельности людей были непосредственно вплетены в материальную жизнь и общение, выступая как «язык реальной жизни»¹. И такова их действительная социальная сущность, как бы она ни маскировалась в ходе дальнейшего развития общества. Отделение умственного труда от физического создало иллюзию, будто это разные элементы человеческого существования и развития и, следовательно, разные элементы культуры. И неважно, рассматриваются они при этом как нечто автономное, друг от друга независимое или же в их связи и обусловленности — в обоих случаях из производства выхолащивается интеллектуальное содержание и творческий момент.

4. Единство истории и многообразие культур

Рассматривая «культуру» как понятие, органически связанное с человеком, мы вместе с тем оказываемся перед необходимостью анализа *форм ее объективации*.

Формы существования культуры, то есть совокупность материальных, социальных и духовных ценностей, приобщаясь к которым каждое новое поколение оказывается способным включиться в жизнедеятельность общества, имеют в рамках исторического материализма и конкретных наук вполне определенную понятийную характеристику. Но поскольку они выступают *объективным показателем уровня развития людей*, создавших их, постольку они несут в себе культурологическое содержание, существующее, конечно, только для людей, способных распродметить его. Человек в этом смысле выступает одновременно *и как субъект культуры, как творец своего собственного развития, и как объект ее воздействия*, поскольку в своем опредмеченном виде она существует как вполне определенная культурная среда, формирующая людей и дающая им возможность функционировать в ней и участвовать в ее изменении.

В какой бы сфере деятельности ни выступал человек, везде он сталкивается с культурным комплексом, задающим ему исторически определенный способ социального функционирования. Однако

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений, с. 29.

различные условия общественной жизни не диктуют абсолютно однозначной реакции на них. Исторически сложившаяся вариативность этих реакций, опредмеченная в своеобразных предметах материального и духовного производства, нормах и правилах социального поведения и деятельности, обычаях и традициях и т. д., создает *многообразие культур*. Но так как это многообразие складывается на определенной основе общих законов истории, то оно не отменяет единства исторического развития человечества.

Культура — это специфически общественный способ жизнедеятельности человека. Но подобно тому как физические различия расовых или региональных типов не отменяют видового единства людей, так и многообразие культур не отменяет того факта, что все они суть социально сформированные, специфически человеческие способы поведения и действия. В этом смысле многообразие культур не подрывает идеи единства исторического процесса.

В истории первоначально складывались разнообразные, весьма устойчивые примитивные культуры, причем их формирование имело и какие-то общие закономерности (тотемизм, табу, характер орудий и трудовой деятельности и т. д.).

Печать своеобразия несут на себе и более развитые культуры. Тем не менее реальные культуры развитых народов, современных наций и целых областей ни в коей мере не являются замкнутыми и изолированными. В истории формирование и развитие культур всегда сопровождалось сложными процессами — как взаимопроникновения и взаимовлияния, так и столкновения, борьбы, противостояния. Уже при капитализме тенденция к нарастанию общих элементов, интернационализации культур становится весьма ощутимой. Ее факторами выступают: развитие современной промышленности и науки, средств транспорта и коммуникаций, международное разделение труда и рост экономических связей, увеличение подвижности населения и культурные контакты. В наше время технические средства позволяют любое достижение культуры сделать за короткий срок достоянием всего человечества. Поэтому важно, в чьих руках находятся средства культурной коммуникации, какую культуру они распространяют.

Как в экономике, так и в культуре тенденция к интернационализации при капитализме несет печать классового и национального антагонизма, в данном случае — подавления и разрушения культур угнетенных народностей, навязывания им стандартов буржуазной культуры. Происходит международная экспансия некоторых извращенных форм культуры типа «конкретной» музыки или фильмов-ужасов и т. п.

Лишь при социализме ликвидация перегородок, связанных с антагонистическими отношениями между нациями, открывает широкий простор для развития интернационального содержания

культуры социалистических наций, для сближения и взаимообогащения национальных культур.

Своеобразие культур, которое, как мы уже отмечали, вносит разнообразие в исторический процесс, нельзя ни нигилистически отрицать, ни абсолютизировать, ибо это ведет к отрицанию единства всемирно-исторического процесса. Наглядно это можно проследить на примере философско-исторических концепций, получивших свое выражение в широко известных работах О. Шпенглера «Закат Европы» и А. Тойнби «Исследование истории». Хотя в воззрениях этих теоретиков и имеются существенные различия, оба они исходят из того, что история человечества складывается из истории своеобразных, замкнутых, неповторимых, обладающих собственной жизнью и определенным циклом развития параллельно существующих «локальных культур» (у Тойнби — цивилизаций). При этом Шпенглер насчитывает 8 таких культур, Тойнби — 26. Концепция культуры используется ими, следовательно, для отказа от идеи реального единства мировой истории. Правда, Тойнби не полностью отрицает единое начало в истории, но видит его в становлении и развитии мировой религии, а не в самой исторической действительности. В социально-политическом плане обе эти концепции направлены против марксизма, против коммунизма.

Итак, в истории наблюдается многообразие культур, которые формировались в различных этнических и локальных человеческих общностях и несут на себе отпечаток истории того или иного народа, его жизни в условиях определенной географической и социальной среды. Прогрессивная мировая культура включает в себя это многообразие культур, но не как их простую сумму, а сохраняя и отбирая в своем развитии прежде всего то, что имеет общечеловеческое значение и может стать всеобщим достоянием, независимо от того, в рамках какой конкретной культуры оно возникло, печать каких своеобразных условий несет. В будущем, очевидно, тенденция к единству в сфере социалистической культуры, вбирающей в себя все лучшие достижения многовековой и многообразной истории социально-культурного развития человечества, будет возрастать. Пока же многообразие культур остается реальностью, с которой необходимо считаться как в социальной теории, так и в действительной жизни.

Если связь культур с определенной исторической общностью (племенем, народностью, нацией, а также группой близких по культуре народов) придает своеобразие форме культуры, то связь с определенным социальным слоем, классовыми интересами и т. п. обуславливает ее *идеологическое содержание и направленность*. Каждая общественно-экономическая формация вырабатывает систему норм, ценностей, убеждений, мотивов деятельности, стерео-

типов поведения, обычаев, традиций, соблюдение которых поддерживается с помощью определенных санкций, социального контроля, способов воспитания и т. д. В антагонистическом обществе господствующей оказывается та культура, которая отвечает интересам господствующего класса. В противовес ей угнетенные классы вырабатывают свою систему идеалов, норм ценностных ориентаций, принципов поведения, формирующих человека и проявляющихся в его эмоциях, мышлении, поведении, действии. В этом смысле В. И. Ленин говорил, что в каждой национальной культуре буржуазного общества есть две культуры — антидемократическая культура господствующего класса и элементы культуры демократической и социалистической, связанные с интересами угнетенного класса¹.

Этому ленинскому положению, отражающему идеологическую направленность культуры, противостоит не критическое усвоение буржуазной культуры, прокламируемое реформистами и правыми ревизионистами. Их позиция — следствие отказа от классовой оценки явлений культуры, без чего невозможен ее научный анализ. Эта позиция снимает саму проблему критической переработки культуры прошлого, которая в марксизме решается вполне определенно: рабочий класс должен отбросить ту культуру, которая носит реакционный характер, органически связана с социальными средствами поддержания господства буржуазии, но все подлинные культурные достижения входят в общечеловеческое культурное наследие и должны быть полностью использованы при создании культуры социалистического общества. Поэтому В. И. Ленин говорил, обращаясь к молодежи: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»².

Попытки некоторых псевдореволюционеров навязать партии ориентацию на выработку «пролетарской культуры», игнорирующей культурное наследие прошлого, были осуждены В. И. Лениным как совершенно бесперспективные и невежественные. После Октябрьской революции Ленин выдвинул задачу осуществления в России культурной революции, которая предполагала овладение массами достижениями культуры, ее критическую переработку и создание на этой основе собственной культуры социалистического общества.

Это обстоятельство особо следует подчеркнуть в связи с тем, что провозглашенная в свое время Мао Цзэдуном «великая пролетарская культурная революция» явила собой полный отход от ленинских принципов отношения к культурному наследию прошлого. «Революция» эта была культурной только по названию,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121.

² Там же, т. 41, с. 305.

преследуя совсем другие цели. В ходе ее у китайского народа воспитывалось нигилистическое отношение к подлинной культуре, насаждалась ненависть и презрение ко всем гуманистическим ценностям, что нанесло колоссальный ущерб культурному развитию страны с когда-то богатыми культурными традициями.

Горький опыт Китая показывает, что понятия классовости, идеологической направленности, партийности в области культуры следует применять конкретно, с учетом специфики различных явлений культуры и соотношения в них классового и общечеловеческого. Механическое отбрасывание всей прошлой культуры (в том числе и прогрессивной) как классово чуждой ведет к дискредитации принципа партийности, к появлению фанатичной толпы хунвейбинов, отрицающих гуманистические ценности, разрушающих памятники культуры, сжигающих книги, уничтожающих шахматы и т. п.

Уровень культуры конкретного общества не характеризует автоматически культуру составляющих его индивидов. Здесь могут быть расхождения, и весьма значительные, как в ту, так и в другую сторону. Шекспир творил в такое время, когда даже английские короли еще ели руками. В первой половине XIX в. лишь очень узкий круг людей в России знал поэзию Пушкина и наслаждался музыкой Глинки. Гениальные открытия М. В. Ломоносова не могут рассматриваться как показатели уровня образования, знаний и культуры всего населения. Короче, есть все основания говорить о разрыве в уровне культурного развития внутри антагонистического общества.

Этот культурный разрыв, отчуждение культуры являются следствием угнетенного положения трудящихся масс, следствием монополизации достижений культуры господствующими классами, ее использования в интересах поддержания своего господства. Конечно, с развитием общества, с переходом, например, от феодализма к капитализму общий уровень культуры масс повышается. Все большая часть населения получает образование, люди овладевают различными способами деятельности, но культурный разрыв сохраняется. Идеологи буржуазии пытаются теоретически обосновать и оправдать необходимость такого разрыва, доказать, что распространение высокой культуры в массах, приобщение к ней масс якобы ведут к упадку и гибели подлинной культуры. От масс будто бы исходит угроза разрушения культуры, которая по природе своей не может быть массовой.

В противоположность этой антидемократической концепции культуры, марксизм теоретически обосновал, а социализм подтвердил на практике, что вместе с ликвидацией антагонистического общества отпадают и все препятствия для подъема культурного уровня масс. Культура — общечеловеческое достояние, и каждый

человек достоин того, чтобы стоять на высоте культуры своей эпохи. Этой цели служит решение таких социально-экономических задач, как преодоление противоположности и существенных различий между умственным и физическим трудом, городом и деревней, комплексная механизация и автоматизация производства, стирание социально-классовых различий, создание и развитие культуры коммунизма. Культура коммунизма — почва и средство для всестороннего, целостного развития человека, формирования творческой личности, способной действовать свободно в различных социальных сферах. Культура возвышает человека над животным миром, и надо каждого человека поднять на высший достигнутый обществом уровень культуры. Это — гуманистическая цель, придающая новый смысл самой культуре, призванной в массовом масштабе формировать личности, способные к самостоятельности и творчеству.

Такова перспектива. Но и уже достигнутое социализмом в области культурного развития масс весьма впечатляет. Если в дореволюционной России было более двух третей неграмотного населения (а грамотность, как известно, не только один из показателей культуры, но и необходимое средство культурного развития в любом современном обществе), то в настоящее время Советский Союз перешел уже ко всеобщему обязательному среднему образованию. В стране колоссально выросли сеть читален и библиотек, театров и кинотеатров, число радиоприемников и телевизоров, тиражи издаваемых книг, газет, журналов, количество участников художественной самодеятельности и любителей технического творчества. Отношения между людьми, их образ жизни строятся на новой идейно-нравственной основе, проникнуты гуманистическими идеалами и ценностями. Идет постоянный процесс развития демократических институтов и т. д. Короче говоря, в Советском Союзе произошла подлинная культурная революция. Сказанное, конечно, не означает, что здесь уже решены все проблемы. Но совершенно ясно то, что коммунисты, которых буржуазные идеологи, теологи, философы дружно обвиняют, как и всех материалистов, в недооценке духовной стороны жизни человека, сделали за короткий исторический срок для культурного развития широких масс больше, чем все эксплуататорские классы за целые столетия.

Правда, могут сказать, что благодаря развитию современных технических средств массовой информации культура и при капитализме стала доступна массам трудящихся. Но ведь дело не только в доступности. Исследования буржуазного «массового общества» с его «массовой культурой», проведенные не только социологами-марксистами, но и многими прогрессивно мыслящими буржуазными учеными, показывают, что великолепная современная техника связи, средства массовой коммуникации используются в

капиталистических странах вовсе не в интересах культурного развития масс. Ориентированная на обывателя, буржуазная «массовая культура» культивирует в народе низкие, примитивные эстетические потребности, часто распространяя под видом культуры ее суррогаты. Тем самым «массовая культура» выполняет вполне определенную социальную функцию, состоящую отнюдь не в развитии человека как творческой личности, а в манипулировании сознанием масс в интересах господствующего класса. «Массовая культура» формирует общественное мнение, вкусы и ценностные ориентиры, заполняет досуг человека, превращая его в пассивного потребителя этой культуры, отвлекая его от назревших социальных проблем. Поэтому она, по существу, лишь новая форма отчуждения масс от культурных ценностей.

Это еще раз доказывает факт классового использования культуры капитализмом. Бизнес врывается в сферу досуга не потому, что заинтересован в социальном и культурном развитии масс. Он просто эксплуатирует эту сферу, используя чисто коммерческие методы. Обыватель платит за то, что ему предлагают определенные стандарты проведения свободного времени, которыми он удовлетворяется. Задача бизнеса состоит только в том, чтобы предложить такой товар, который будет пользоваться спросом потребителя. Этот спрос определяется вкусами, которые умело, исподволь формируются буржуазной средой и всей духовно-психологической атмосферой капиталистического общества.

Конечно, и в условиях капиталистического общества развивается прогрессивная, демократическая культура (вспомним ленинский тезис о двух культурах в каждой культуре антагонистического общества), которая в той или иной форме выражает отрицательное, критическое отношение к капитализму или его отдельным институтам. Этой культуре принадлежит будущее, ибо она ориентирует на деятельность, связанную с поиском путей выхода из противоречий, в которые загнал человечество капитализм.

Сила и влияние коммунистического движения определяются тем, что оно указывает пути решения назревших социальных проблем. Эти сила и влияние будут тем больше, чем более явно коммунизм выявит себя как наследник лучших достижений культуры прошлого, как поборник ее прогресса в настоящем и будущем.

5. Культурная революция

Развитие теории культуры имеет большое значение не только для обогащения категориального аппарата исторического материализма, но и для решения практически-политических задач, определяющих в конечном счете и необходимость разработки теории исторического процесса.

Теоретический анализ проблемы культуры, четкий ответ на вопрос, что такое культура, позволяют ясно и однозначно определить практические задачи культурной революции, в том числе и задачи культурного строительства на современном этапе развития социализма.

За последние годы все большее распространение в философской литературе получает точка зрения, «согласно которой сутью культурной революции является всестороннее развитие личности»¹. Всецело разделяя эту точку зрения, мы исходим из того, что задачи, которые призвана решать культурная революция на первом этапе — при переходе от капитализма к социализму, — состоят в создании новой народной интеллигенции, повышении культуры масс, необходимом для нового общества, а на втором — в формировании нового человека, способного жить, мыслить, чувствовать и действовать по-коммунистически. Но это и означает, что только понимание культуры как явления, характеризующего уровень социального развития человека, делающего его способным участвовать в функционировании и развитии общества, позволяет нацелить культурную революцию на реализацию действительно присущих ей задач. Коммунистическая формация, начинающая подлинную историю человечества, нуждается в совершенно новых людях.

Во-первых, коммунизм предполагает *сознательное регулирование* отношений людей друг с другом и их отношений к природе. Поэтому сознание людей должно соответствовать требованиям, предъявляемым им развивающейся социальной системой. Объективная необходимость сознательной регуляции всех общественных связей и отношений реализуется под руководством авангарда народа — его партии. Завершение культурной революции связано с огромным ростом сознания и социальной активностью всех тружеников социалистического общества.

Во-вторых, качественное отличие коммунистической формации от всех прежних состоит в том, что здесь впервые люди начинают приобщаться к реализации общесоциальных задач не через индивидуальный, частный, или групповой интерес, то есть опосредствованно, а *непосредственно*. Коммунизм, говорил В. И. Ленин, начинается там, где люди работают без оглядки на вознаграждение, работают не для «ближних», а для «дальних», для общего блага, сознательно реализуя в труде свою первую жизненную потребность². Уже на заре Советской власти, в первых коммунистических субботниках, началось формирование людей с новым отношением к общественным целям.

¹ Проблемы теории культуры. М., 1977, с. 7.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 315.

Другим ярким примером коммунистического отношения к общим задачам является пролетарский, социалистический интернационализм, суть которого, как подчеркивал Ленин, состоит в готовности принести «величайшие национальные жертвы ради высшего интереса всемирной пролетарской революции»¹. Завершение культурной революции как раз и связано с формированием у всех тружеников социалистического общества сознания, переходящего затем в привычку действовать, непосредственно исходя из общих интересов.

В-третьих, коммунистическое общество отличается от всех прежних социальных систем *принципиально иным характером требований, предъявляемых к людям*. Предшествовавшие социальные системы, в особенности самая развитая из них — капиталистическая, функционировали как нечто целостное в результате деятельности различных групп людей, профессионально специализированных. Производство, управление, охрана общественного порядка, развитие науки, искусства и т. д. — все относительно самостоятельные сферы и явления социальной системы предъявляли к людям, действующим в их рамках, определенные требования профессионального и общего развития. Но тем самым пожизненное прикрепление человека к одному виду деятельности делает его односторонне ограниченным специалистом. «...Не одни только рабочие, — писал Ф. Энгельс, — но и классы, прямо или косвенно эксплуатирующие их, также оказываются, вследствие разделения труда, рабами орудий своей деятельности: духовно опустошенный буржуа поработен своим собственным капиталом и своей собственной страстью к прибыли; юрист поработен своими окостенелыми правовыми воззрениями, которые как некая самостоятельная сила владеют им; «образованные классы» вообще поработены разнообразными формами местной ограниченности и односторонности, своей собственной физической и духовной близорукостью, своей изуродованностью воспитанием, выкроенным по мерке одной определенной специальности, своей прикованностью на всю жизнь к этой самой специальности...»²

Коммунистическое общество — это высокоорганизованная система, различные компоненты которой функционируют в результате деятельности всех людей. Коммунистическое общество нуждается во *всесторонне развитых людях*, способных участвовать в материальном и духовном производстве, общественном самоуправлении, охране общественного порядка, регулировании всех сторон и проявлений общественной жизни. Но коммунизм не только нуждается в таких людях, он их создает.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 190.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 303—304.

По мере развития социалистического общества коммунистическая партия уделяет все большее внимание всестороннему, комплексному воспитанию всех советских людей, включающему физическое, трудовое, нравственное, эстетическое, философско-мировоззренческое развитие и овладение накопленными интеллектуальными богатствами. Задача культурной революции и состоит в том, чтобы сформировать людей, уровень развития которых соответствовал бы требованиям, предъявляемым к ним объективно функционирующей и развивающейся социальной системой, и обеспечивал бы возможность их сознательного и активного участия в сменяющихся видах деятельности.

К этой проблеме можно подойти и с другой стороны. Процесс производства и воспроизводства общества и человека, как известно, на докоммунистических стадиях развития с необходимостью породил разделение труда, приведшее затем к образованию классов и резкому обособлению умственного труда от физического, города — от деревни. Коммунизм ликвидирует классы и исторически унаследованные формы разделения общественного труда. Он формирует людей, умеющих «все делать». Это, конечно, не значит, что исчезнет всякая специализация. Наоборот, чтобы наиболее производительно трудиться в сфере материального производства, участвовать в меру своих сил в духовном производстве, управлении, обеспечении общественного порядка и т. д., человек должен быть не только широко образованным и всесторонне развитым, но и подготовленным к конкретному участию в этих видах деятельности. Ведь совершенно очевидно, что человек не может успешно и производительно работать сегодня на металлургическом заводе, а завтра — на фабрике мороженого. И столь же очевидно, что участвовать в духовном производстве, скажем в развитии науки, невозможно без четкого ограничения своих задач в определенной области исследования. Речь, таким образом, идет не о ликвидации специализации людей, а лишь о ликвидации пожизненного прикрепления одних людей только к физическому труду, других — только к управлению, третьих — только к научной деятельности и т. д. Но чтобы успешно участвовать в сменяющихся видах общественно необходимой деятельности, каждый человек на основе широкого общекультурного развития должен приобрести вполне определенные и специализированные знания, навыки и умения. Переход к коммунизму нуждается поэтому в культурной революции, задача которой и состоит в формировании всесторонне развитых и высокоспециализированных людей, способных принимать конкретное участие во всех видах общественной деятельности.

В-четвертых, коммунизм ликвидирует исторически сложившееся различие между творческой и репродуктивной деятельностью как видами деятельности различных групп людей. Абсолютно-

зация этого различия служила и служит основой всех антидемократических теорий культуры, утверждающих, что культуру творит только элитарное меньшинство, противостоящее пассивной, косной, а то и враждебной культуре массе. Конечно, было бы вульгаризацией сказать, что в антагонистических формациях широкие народные массы совершенно не развивались. Их развитие проявлялось и в усвоении эмпирических знаний, и в народном творчестве, и в обычаях и традициях. Достоин удивления и восхищения тот факт, что лишенные элементарных условий, необходимых для просвещения и развития, трудящиеся массы даже в сфере духовного творчества явили миру величайшие творения. Но там, где существуют эксплуататорские классы, отделение умственного труда от физического, города — от деревни и противоречия между ними, там нет и не может быть социальных условий для реализации *каждым* человеком своей родовой сущности, нет, следовательно, условий для того, чтобы каждый человек был творческой личностью. Задача культурной революции и состоит *в превращении всех членов общества в творчески активных деятелей, способных распределчивать культурное наследство*, делая его внутренней основой своего собственного развития и участия в дальнейшем развитии общества и человека. *Культура коммунистического общества проявляется непосредственно в том, что его естественноисторическое, закономерное развитие осуществляется в результате сознательного творчества людей.* Мерой культурного уровня каждого индивида становится степень его развития как творчески сознательного члена коммунистического общества.

Итак, коммунистическая революция по самому существу своему не может ограничиться лишь политическим и социально-экономическим переворотом. Она необходимо включает в себя и культурную революцию — коренное преобразование человеческого материала, — без чего невозможно ни построение коммунизма, ни использование созданных им возможностей для превращения человека в самоцель общественного развития. Культурная революция — это коренное изменение человека. Суть ее состоит в *формировании всесторонне развитых, сознательных, творческих деятелей, способных превратить условия коммунистической жизни в основу своего свободного саморазвития и расцвета.*

ГЛАВА III

ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

1. Проблема единства и многообразия истории в домарксистской философии

Впервые проблема внутреннего единства исторического процесса была поставлена философской мыслью в XVIII столетии. Это имело свои реальные предпосылки в самой действительности, в развитии связей между народами, преодолении былой изолированности и местной замкнутости народов, в становлении мирового капиталистического рынка. В результате история как бы с новой стороны раскрылась перед умственным взором человека, появилась возможность осмысления ее как единого глобального процесса.

Осмысление в данном случае означало, что за внешним эмпирическим разнообразием событий, фактов, процессов, поддающимся простому описанию, теоретическая мысль должна была обнаружить некую *единую сущностную основу* истории. В этой связи следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, идея единства истории могла возникнуть не изолированно, а лишь в связи с целой системой понятий, таких, как исторический прогресс, историческая закономерность и т. д., то есть как определенная концепция истории. Во-вторых, как только философская мысль подошла в той или иной форме к пониманию внутреннего единства исторического процесса, перед ней сразу же возникает проблема соотношения последнего с видимым многообразием истории и объяснения этого многообразия, иначе говоря, проблема *диалектики единства и многообразия исторического процесса*.

В первоначальном, еще крайне несовершенном виде идея единства истории была высказана Д. Вико в его «Основаниях новой науки об общей природе наций» (1725 г.). Единство он видел в том, что все народы проходят одинаковый цикл развития. Сопоставляя историю народа с развитием индивида, Вико утверждал, что каждому народу свойственны периоды детства, юношества, зрелости, после чего начинается распад общества и цикл повторяется заново. Единство здесь заключалось в *одинаковости этапов, в общности схемы развития*.

Идея *поступательного развития* всего человечества была сформулирована в книге И. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791 гг.). Он пытался проследить общую на-

правленность прогресса человечества, выявить его закономерность. Но общественную закономерность он трактовал натуралистически, сочетая эту трактовку с религиозно-идеалистическим представлением о божественном начале истории.

К идее единства человечества, а следовательно, и его истории подводи́ла мыслителей той эпохи и критика феодального сословного строя, и представление о равенстве всех людей и т. п. Поэтому в той или иной форме ее можно найти у французских просветителей, в частности у Ж. Кондорсе, связывавшего прогресс человечества с развитием разума.

Но наиболее детальную теоретическую разработку эта идея получила в немецкой классической философии, в работах Канта, Фихте, Гегеля.

В «Философии истории» Гегель отличает «философскую» историю как от эмпирической истории, так и от прагматического подхода к ней, от стремления извлекать из истории определенные уроки и использовать их для поучения людей. Философию истории, по Гегелю, должна интересовать не сама история, а заключенный в ней разум, доказательство того, что «ее ход был разумен, что она являлась разумным, необходимым обнаружением мирового духа...»¹. Таким образом, сущность и единство исторического процесса Гегель видел в движении мирового духа. Приняв за основу объяснения исторического процесса эту идеалистическую посылку, он пришел к двум существенным для его концепции выводам.

Во-первых, общественный прогресс совершается лишь в духовной сфере и его ступени соответствуют степени осознания данной эпохой мирового духа. Поскольку же сущность духа — свобода, постольку «всемирная история есть прогресс в сознании свободы, — прогресс, который мы должны познать в его необходимости»².

Во-вторых, эта необходимость, по Гегелю, состоит в следующем. В истории «сознание свободы» последовательно воплощалось в духе определенных народов, которые и становились в данную эпоху как бы носителями мирового духа, то есть становились народами всемирно-историческими.

Если отбросить обычную для Гегеля мистифицированную форму, то можно обнаружить в этих его положениях плодотворные диалектические идеи: признание единства всей человеческой истории, которое познается, если отвлечься от ее эмпирического многообразия и проникнуть в ее сущность; выделение основной линии всемирно-исторического развития; определение этого развития как закономерного процесса; постановка проблемы критерия общест-

¹ Гегель. Соч. М.—Л., 1935, т. 8, с. 11.

² Там же, с. 19.

венного прогресса; перемещение центра исторического прогресса в разные регионы мира. Все это было важным завоеванием домарксистской философско-исторической мысли, существенным шагом вперед в понимании истории как единого, целостного и закономерного процесса развития общества.

Однобокость и ущербность позиции Гегеля обусловлена его исходной идеалистической посылкой, которая логически привела его к ограничению исторического анализа группой народов, которых мыслитель считал всемирно-историческими, а народы, оказавшиеся по тем или иным причинам в стороне от победного шествия мирового духа, он просто отсек от истории, тем самым резко сузив горизонты своего исторического видения.

Утвердив идею единства истории, обосновав наличие прогресса, поступательного развития, преемственности в истории, Гегель вместе с тем подверг философскому анализу проблему ее многообразия. Многообразие истории, по Гегелю, зависит прежде всего от субъекта, от степени осознания им мирового духа. В этом имеется рациональный смысл, ибо подчеркивается, что именно субъективная деятельность людей создает многокрасочный рисунок человеческой истории и что сознание и деятельность людей имеют объективную основу, хотя такой основой у идеалиста Гегеля опять-таки является дух.

Соотношение единства и многообразия у Гегеля выступает как связь «понятия» и его реализации, как самоосуществление духа, ибо развитие, совершенствование, появление нового и т. п. для него возможны только в духе. История и историческое движение начинаются там, где обнаруживается духовное начало, поскольку именно с ним связаны коллизии, противоречия, внутренняя борьба. Когда Гегель переходит на более конкретный язык, то становится ясным, что он имеет в виду сложности и зигзаги общественного прогресса, столкновения людей, реализующих свои частные цели и добивающиеся результатов, прямо противоположных поставленным целям, появление в истории народов — носителей новых принципов, их борьбу за свое самоутверждение — борьбу, которая часто принимает весьма жестокие формы и в результате которой новый принцип заступает место старого.

Гораздо слабее и менее систематически разработана в «Философии истории» Гегеля проблема пространственного многообразия истории и взаимодействия народов в каждую отдельную историческую эпоху. Здесь отчетливо видно, как сковывает мысль Гегеля его концепция истории и к каким искусственным построениям и конструкциям она заставляет его прибегать: жесткая однолинейность прогресса, исключение из истории большей части человечества, утверждение европоцентризма и т. д.

Сильные стороны гегелевской диалектической концепции исто-

рического процесса были восприняты и развиты марксизмом, но в совершенно новом социальном и философском контексте. Внутренняя логика и единство исторического процесса здесь были выявлены и представлены уже не в мистифицированной форме, а в форме реальной, адекватной самой действительности.

Марксизм соединил принципы исторического подхода, идею социального прогресса с утверждением равенства всех народов и наций и практической задачей их вовлечения в борьбу за социальное и национальное освобождение.

Марксистская социально-историческая теория явилась методологическим основанием научного объяснения прошлого и безбоязненного предвидения будущего, стержнем системы понятий, позволяющих рассматривать всякую социальную реальность как реальность историческую, а историю человечества — как единый целостный процесс общественного развития.

2. Единство исторического процесса

Исторический материализм не только исходит из признания единства человеческой истории, но и впервые дает ему *научное материалистическое объяснение*. Подобно единству мира в целом, единство истории состоит в ее материальности; это единство следует искать прежде всего в материальной основе исторического процесса — способе производства материальных благ. Именно потому, что человеческий способ удовлетворения материальных потребностей всюду и везде связан с необходимостью производства материальных благ с помощью средств труда, которые обуславливают характер отношения человека к природе, производительность человеческого труда и имеют внутреннюю логику своего развития, именно потому, что производительные силы определяют возникновение соответствующих им производственных отношений, а через них и всю структуру общества, для всей человеческой истории характерно внутреннее единство, проявляющееся в общих законах развития. Единство истории определяется материальным производством, но находит свое выражение и в других сферах общественной жизни, в том числе в области духовного производства, сознания, языка и т. д.

Вместе с тем методология социального познания сталкивается с тем обстоятельством, что само внутреннее единство истории на различных этапах развития выражается по-разному.

Наиболее длительно развитие человечества происходило в рамках полностью или частично изолированных друг от друга общностей и образований — охотничьих племен, земледельческих общин, географически обособленных друг от друга цивилизаций и т. п. Так, народы Америки, Африки южнее Сахары, Австралии разви-

вались изолированно и были втянуты во внешние связи лишь с проникновением европейцев на эти континенты. Цивилизации бассейна Средиземного моря, Индии и Китая также были относительно обособлены, связи между ними были слабыми и несистематическими.

Однако наукой установлено наличие общих черт и закономерностей в развитии народов всех континентов при всем различии их конкретной истории, обычаев, традиций, образа жизни и т. п. Родо-племенная организация как исходная форма, общие черты в брачно-семейных отношениях и системе родства, разделение труда и социальная дифференциация как следствие развития производительных сил, определенное единство религиозного сознания — все это свидетельствует о подчинении развития изолированных социальных образований действию определенных общих законов.

Мы сталкиваемся с парадоксальным фактом: в истории народов имеются общие черты, в то же время между этими народами отсутствуют реальные связи. Разрешение этого парадокса в том, однако, и состоит, что *локальные линии развития есть линии развития единого человеческого рода*, что в их подчинении общим законам истории и выражается единство исторического процесса. Оно, следовательно, выступает перед познающим субъектом не как эмпирическая, а как теоретическая реальность. Иначе говоря, единство истории проявляется лишь во внутренней логике развития регионально ограниченных общностей.

В тот период мировая история еще не была историей всемирной. Маркс показал, что «всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история — результат»¹. В этом положении Маркса с точки зрения рассматриваемой нами проблемы заключена важная идея: *становление истории как всемирной означает переход к новому способу выражения единства исторического процесса*.

По мере развития производительных сил, увеличения количества населения растут многообразные связи между народами. Вначале эти связи, конечно, имеют место внутри отдельных регионов. Уже античный мир, ограниченный странами Средиземноморья, развил в рамках этого региона связи экономические (территориальное разделение труда, торговля), политические (завоевания, захваты, политические союзы и т. д.), духовные (культурные заимствования и т. п.). Иногда эти связи распространялись и дальше: например, торговые экспедиции финикийцев вокруг Африки, походы Александра Македонского в Среднюю Азию и Индию, греческие и римские проникновения в среднюю Европу и др. Таким образом, уже в древности имели место контакты разных социаль-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 47.

но-экономических систем и разных культур, а также первые опыты интеграции культур — и реальные, путем идейных влияний и взаимопроникновений, и формально-символические, когда в римский пантеон свозились статуи богов завоеванных народов с целью уменьшить центробежные силы и предупредить распад империи. Аналогичные процессы происходили и в других регионах, например проникновение буддизма из Индии в Китай в начале нашей эры. Однако в целом границы материков и континентов были одновременно границами общения и взаимодействия народов. Длительное взаимодействие в рамках регионов вырабатывало некоторые общие черты у населявших их народов, ставило в определенное историческое время перед ними некоторые общие проблемы — специфически европейские или африканские, американские или азиатские.

На рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры, когда феодальная формация в Европе прочно стала на ноги, охватив народы всего континента, возникли предпосылки для расширения связей внутри этого региона. И хотя хозяйство было преимущественно натуральным, торговля развита слабо, дорог не было, а феодальные политические перегородки сильно мешали общественным связям, последние все-таки развивались, становились все более прочными и систематическими. Толчок и внутренний стимул к развитию этих связей исходил из экономики — отделение ремесла от земледелия, города от деревни и т. д., но нельзя не учитывать и влияние религии. Господство единой религии — христианства, наличие единой католической церкви, которая была надстройкой над экономической раздробленностью и политическим партикуляризмом европейского общества, облегчали развитие связей и контактов. Религия давала идейное знамя различным социальным движениям (ереси, народные восстания, крестовые походы и т. д.), сыграла определенную роль в развитии европейской системы образования. Таким образом, к вопросу развития связей следует подходить комплексно, учитывая всю совокупность условий и отношений данного общества, но выделяя связи экономические, которые играют решающую роль, дают импульс к дальнейшему движению, закрепляют и делают прочными прогрессивные изменения в обществе.

В эпоху феодализма намечаются связи и вне рамок европейского региона. Крестовые походы познакомили европейцев с культурой народов Ближнего Востока; арабские завоевания и влияние арабо-мавританской культуры сыграли огромную роль в духовной жизни средневековья. Достаточно сказать, что именно через арабов в Европе стали известны работы Аристотеля. С Востоком начали устанавливаться и торговые связи. Вместе с тем Европе приходилось сдерживать нашествия с Востока; и там, где это не

удавалось, историческое движение резко тормозилось. Примером могут служить результаты господства турок на Балканах, 300-летнего татаро-монгольского ига в России.

Зарождение капитализма в недрах феодальной Европы дало мощный толчок выходу европейцев за региональные рамки и установлению торгово-экономических и политических связей с другими континентами. Эпоха великих географических открытий явилась началом процесса становления истории как всемирной. Движущим мотивом этого процесса с самого начала были золото, деньги. Жажда обогащения толкала к поискам новых земель, к захватам, насилию, грабежу. Сами открытия оказали колоссальное влияние на экономическое развитие Европы. Они обеспечили приток золота, новые рынки, стимулировали развитие торговли, ремесла и мануфактуры, способствовали процессу первоначального накопления капитала.

Со становлением и развитием капиталистического общества связаны две исторические тенденции: образование наций, национальных рынков и национальных государств, с одной стороны, и установление всемирных связей, ломка национальных перегородок, формирование мирового капиталистического рынка — с другой. В. И. Ленин, выделяя эти тенденции, подчеркивает их антагонистический характер, а также преобладание первой тенденции на ранних стадиях капитализма и второй — при империализме. Но, несмотря на преобладание тенденции к образованию национальных государств, уже на ранних стадиях капитализма процесс установления всемирных связей происходил весьма интенсивно и в различных формах: колонизация новых земель (Северная и Южная Америка, Австралия, Индия, Африка); развитие мировой торговли, центр которой, как известно, к XVII в. перемещается из Средиземноморья на побережье Атлантики, что привело к упадку итальянских торговых городов и явилось одной из причин возвышения Англии; создание мирового рынка. Без этого процесса было бы невозможно само образование национальных государств.

Хотя экономические процессы были ведущими и решающими, они всегда соотносились с соответствующими социально-политическими и идеологическими процессами, взаимодействиями, противоречиями. Колонизация сопровождалась созданием колониальных империй (Великобритания, Испания, Португалия и др.), борьбой между ними. Развитие торговли и других экономических связей способствовало обмену культурными ценностями и обогащению национальных культур и т. д.

Таким образом, становление и развитие буржуазного общества следует одновременно рассматривать как возникновение всемирной истории. Единство исторического процесса начинает выступать зримо, наглядно — как мировой рынок, как мировое разделение

труда, как всесторонняя связь наций и их зависимость друг от друга, как втягивание всех народов в общее русло капиталистического развития. Отзвуки исторических событий, происходящих в центрах капиталистического мира, становятся слышны всему миру.

Всемирно-историческое значение приобрели такие события, как процесс первоначального капиталистического накопления и промышленная революция в Англии, Великая французская буржуазная революция XVIII в. и наполеоновские войны, возникновение естествознания нового времени, первые сознательные революционные выступления фабрично-заводских рабочих в европейских странах и появление научной теории освободительной борьбы рабочего класса — марксистского учения.

Дальнейшее развитие буржуазного общества означало углубление процесса интернационализации общественной жизни. Возрастает значение таких первоначальных средств этой интернационализации, как экономические связи, торговля, рынок, товарно-денежные отношения, одновременно все большее влияние приобретают новые факторы интернационализации, такие, как наука и техника, особенно современные виды транспорта и связи, распространение городского образа жизни (урбанизация), мобильность населения, взаимовлияние культур и т. д. В условиях империализма капитал прорывает ставшие тесными для него национальные рамки: возникают мощные международные корпорации, происходят процессы экономической интеграции и т. д. На другом полюсе развивается мировой революционный процесс и его интернациональное ядро — международное рабочее движение.

Если в прошлом образование национальных государств в центрах капиталистической системы было неотделимо от развития всемирных связей капитала, то в современную эпоху мощный процесс интернационализации общественной жизни сопровождается взрывом антиколониального, антиимпериалистического, национально-освободительного движения, образованием новых государств и пробуждением к самостоятельной жизни бывшей колониальной периферии капиталистической системы. К этому следует добавить, что капитализм с его антагонизмами, проявлениями национального эгоизма, периодическими взрывами националистических чувств, шовинизмом и расизмом, господством частной собственности, монополиями и т. п. ставит серьезные перегородки развитию процессов интернационализации общественной жизни, в силу чего они приобретают весьма противоречивый и неравномерный характер. Но тем не менее всемирные связи становятся все более интенсивными, их число увеличивается, они стягиваются во все более тугой узел. Две мировые войны, развязанные империалистами и втянувшие в себя большинство человечества, хотя и бесче-

ловечное, уродливое, но все-таки тоже проявление всемирного характера современной истории.

Ныне история преподносит ее участникам новые и порой грозные свидетельства своего всемирного характера. Впервые возникли проблемы, затрагивающие интересы всего человечества, так называемые глобальные проблемы, для решения которых необходимо объединение людей в масштабах всей планеты.

Что же касается выхода человека в космос, то этим возвещается новый этап всемирности, когда человечество выступит как нечто единое перед лицом бесконечной Вселенной.

Итак, капитализм, в отличие от того периода истории, когда ее единство выражалось лишь в наличии общих законов, действовавших в различных локальных социокультурных системах, которые почти или совсем не были связаны друг с другом, впервые создает единую мировую капиталистическую систему хозяйства и на этой основе — всемирную историю.

Социализм знаменует начало нового этапа единства всемирной истории, когда: снимаются экономические и социальные антагонизмы, противопоставлявшие друг другу классы, народы, страны, препятствовавшие формированию единого человечества; устраняется бывшая неравномерность развития, консервация отсталости колониальной периферии, мешавшие выравниванию уровней развития народов; преодолеваются все виды национализма как господствовавших, так и угнетенных наций — шовинизм, расизм (белый и черный), идеология европо- и азиоцентризма, сионизм, панарабизм и т. д., — разобщающего народы и нации и препятствующего их объединению.

Социализм открывает перспективу мировой истории как развития единого человечества. Еще в «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс выразил эту мысль следующим образом: «Точка зрения старого материализма есть «гражданское» общество; точка зрения нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество»¹. Коммунистическая ассоциация будущего — это единство истории в его прямом и непосредственном выражении. Объективной материальной основой данного процесса служит гигантское революционное изменение материально-технической базы общества и такое повышение уровня обобществления производства, которое создаст единую систему хозяйства в масштабах всей планеты.

Общим результатом этих тенденций в социальной сфере будет дальнейшая интернационализация общественной жизни, сближение, а затем слияние наций и образование единого и обобществившегося человечества.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 266.

3. Многообразие исторического процесса

Единство истории есть единство ее многообразия. Общие законы истории, придающие развитию общества характер единого, целостного естественнo-исторического процесса смены формаций, существуют и действуют не сами по себе, а в конкретной истории различных и многообразных человеческих общностей.

Познание единства, скрытого за эмпирическим многообразием истории, и самого этого многообразия как проявления единства — великое завоевание науки. Но оно принимается не всеми. То, что «отец истории» Геродот сводил историю к описанию эмпирического разнообразия нравов различных народов, можно объяснить неразвитостью исторического познания. Когда же представители современной буржуазной общественной мысли абсолютизируют либо единство истории, либо ее эмпирическое многообразие и строят на такой гносеологической основе различного рода философско-исторические концепции, то это объясняется прежде всего специфическим классовым видением социальной реальности.

Если XIX век прошел под знаменем господства эволюционистских концепций, в основе которых лежала идея единства и поступательного однолинейного развития истории, то в XX в. характерной чертой буржуазного мышления стало отрицание единства и прогрессивного характера развития человеческого общества. Правда, в XIX в. концепции единства исторического процесса в буржуазной общественной мысли были связаны с европоцентристским взглядом на историю. Поэтому отказ от идеи единства истории и поступательного прогрессивного развития человечества явился своеобразной реакцией на европоцентристский подход в историографии и позитивистской социологии. Эта переориентация буржуазного мышления, получившая название кризиса историзма, нашла отражение в социальной и культурной антропологии, этнологии, структурном функционализме в социологии, в буржуазной историографии и социальной философии, и прежде всего в концепциях О. Шпенглера и А. Тойнби.

Исходные идеи концепций, отрицающих единство истории, сводятся к следующему. Человечество — это пустая абстракция. Следует говорить не о единой истории людей, а о сосуществующих в пространстве и сменяемых во времени замкнутых и неповторимых культурах или цивилизациях, не связанных преемственностью в своем развитии. Локальные культуры, подобно каждому виду растений, имеют свои цветы и плоды, свой тип роста, жизни и смерти. «Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории... я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего суще-

ствования, и каждая из них налагает на свой материал — человечество — свою *собственную* форму, и у каждой своя *собственная* идея, *собственные* страсти, *собственная* жизнь, желания и чувствования и, наконец, *собственная* смерть»¹.

Подобные концепции по-своему отражают реальное многообразие истории. Но, выявляя различия между разнообразными социальными и культурными системами, имевшими место в истории, они абсолютизируют эти различия и доводят их до отрицания единства истории. Поэтому данные концепции, так же как и противоположные, абсолютизирующие единство истории, являются односторонними, метафизическими, отрывающими друг от друга две неразрывно связанные стороны общественно-исторического процесса — единство и многообразие. Эту односторонность преодолевает последовательно проводимый историческим материализмом диалектический подход, суть которого состоит в рассмотрении исторического процесса как единства многообразия.

Исторический материализм не ставит своей целью дать детальное описание и объяснение эмпирическому многообразию истории. Само понятие многообразия выступает здесь как *теоретическая абстракция*, с помощью которой фиксируется диалектика общего и особенного в историческом процессе.

Для научного анализа многообразия истории понятие «особенное» очень важно. Дело в том, что единство истории, состоящее в последовательной смене формаций, никогда не выражалось в чистом виде в развитии какого-либо конкретного общества. Но это не значит, что любое эмпирически конкретное общество демонстрирует действие общих законов с одинаковой силой и яркостью. Наоборот, только в истории отдельных стран, народов или государств те или иные общие черты истории проявляются в классическом виде. Мы уже отмечали, что общие законы становления и развития капитализма К. Маркс не случайно изучал на примере Англии. Но, подчеркивая классический характер развития капитализма в Англии, Маркс вместе с тем указывал, что немецкий читатель не должен думать, что к нему описанное в «Капитале» не имеет отношения, так как Англия показывает Германии картину ее собственного будущего.

Изучение рабовладельческого общества на примере Греции и Рима, буржуазных революций — на примере французской революции, пролетарских — на примере Великой Октябрьской революции и т. д. не произвол ученых, ибо эти эмпирически конкретные примеры дают классическое выражение общего в особенном. Схватывая типичное в отдельном, историческое исследование поднимается к познанию общего. Отсюда вытекает, что особенное, как,

¹ Шпенглер О. Закат Европы. М.—Пг., 1923, т. 1, с. 20.

впрочем, и общее, не есть субъективная конструкция, некий «идеальный тип», наложение которого на эмпирический факт, событие или явление позволяет поднять их на уровень теории. Особенное, как и общее, объективно по содержанию. И действительная сила познающего мышления проявляется вовсе не в способности конструировать идеальные схемы, а в умении вскрыть типичное в индивидуальном и общее в особенном.

Следует различать эмпирическое многообразие, то есть многообразие социальных фактов, существующих актуально, в настоящем, и данных человеку непосредственно, и многообразие как категорию общественного познания. Последнее отражает особенности исторического процесса в отдельных его точках, в реальном историческом времени и выявляется в ходе познания в сопоставлении с общим, с единством истории и ее законами.

Таким образом, многообразие истории — это множество особых проявлений общего. Единицами такого множества могут быть самые разнообразные социальные образования — и страна, и совокупность стран, и исторически определенная общность, и целый регион. Можно сопоставлять и конкретные общества в целом, и отдельные их компоненты. Все здесь зависит от потребностей практики и познания, от определяемых ими способов классификации. Так, историческая наука исследует особенности перехода к капитализму в отдельных странах, показывая, как в различных конкретных условиях проявляются общие законы становления и развития этой формации. История философии берет уже только один момент этой истории — особенности развития философской мысли в отдельных странах (хотя, конечно, для объяснения этих особенностей она вынуждена обращаться к истории в целом), история искусства — особенности развития искусства в разные эпохи, в различных странах и т. д.

Следовательно, историческое полотно одно, а узоры на нем разные, и часто эти узоры бывают весьма причудливы. История преподносит людям много неожиданного, в ней присутствует элемент случайного, причем такого, которое не «усредняется», а придает конкретному процессу развития неповторимое своеобразие. Но определить реальное историческое место этого своеобразия можно, лишь осмыслив его как особенное проявление общего, лишь в сопоставлении с общим, в данном случае — с единством истории. Если это особенное взять вне общего, то оно приобретает характер чего-то абсолютно самостоятельного, не связанного с другим особенным. И тогда возникает взгляд на историю как на простую сумму неких самостоятельных и внутренне замкнутых образований (культур, цивилизаций и т. д.), взгляд антидиалектический, неизбежно уводящий в сторону от научного понимания природы исторического развития человеческого общества.

В то же время нельзя недооценивать и значения особенного в истории. Особенное не только придает истории человечества красочное многообразие, но и вообще делает возможной реальную земную историю. Мы уже отмечали, что история, по К. Марксу, приняла бы чрезвычайно мистический характер, если бы в ней действовали общие законы сами по себе, вне конкретного и если бы случайность не играла никакой роли. Наличие особенных проявлений общего в истории расширяет рамки исторического выбора человечеством различного образа действий и возможности лучшей его адаптации к разнообразным конкретным условиям, в том числе и природным. Поэтому *социальное разнообразие есть одно из условий выживания человечества как биологического вида.*

Сказанным, однако, значение понятий «единичное» и «особенное» для анализа многообразия истории не исчерпывается. Биологический вид *Homo sapiens* един. Но путь к достижению социального единства длителен и тернист. Установление такого единства начинает подлинную историю человека и человечества. Весь же громадный отрезок предыстории, от становления человека до капитализма включительно, единое человечество реально существовало и развивалось в форме более или менее изолированных социальных объединений. И познание этого многообразия важно не только для того, чтобы вскрыть таящееся в нем единство, но и для того, чтобы уловить, что на определенном этапе истории дифференциация единого человечества была необходимым условием реализации общих законов его развития.

Но это положение важно лишь с точки зрения констатации значения самого факта многообразия. Если же с этого самого общего, абстрактного уровня подняться на более конкретный, перейти к анализу того, чем отличается одно особенное от другого и что общего между ними, то придется использовать категории, отражающие экономические, социально-политические, идеологические стороны социального целого, ибо только они выражают собственную природу социального и могут служить реальному определению специфики как общества в целом, так и различных социальных образований.

Таким образом, многообразие истории — это не только эмпирический факт, но и необходимое условие существования и развития человеческого рода в период предыстории человечества.

Но было бы недостаточно зафиксировать наличие многообразия в истории. Следует выяснить также, чем оно определяется и от чего зависит, то есть выявить *факторы многообразия.*

По сути дела, об этих факторах речь шла на протяжении всей книги. Здесь следует лишь обобщить сказанное. Уже рассматривая историю как объективный естественноисторический процесс,

мы сталкиваемся с фактом ее многообразия. Оно задается неравномерностью исторического процесса, неодинаковыми темпами развития производительных сил и различных формаций в целом, в результате чего возникновение нового способа производства и соответствующей общественной формации у одного или нескольких народов не вело к автоматическому исчезновению старой формации повсеместно. Возникало сосуществование формаций и взаимодействие обществ, находящихся на разном уровне общественного развития.

Так, к моменту возникновения социализма в нашей стране на земле можно было найти практически все имевшие место в истории общественно-экономические уклады. Даже рабство сохранилось у отдельных народностей Китая, в Саудовской Аравии, а возможно, и в других местах. Правда, остатки докапиталистических способов производства были вплетены уже в новую систему международных отношений и достаточно модифицированы, но само их существование не вызывает сомнения.

В рамках антагонистического общества достижение тем или иным народом более высокой ступени производительных сил и общественных отношений окружающим странам и их народам ничего хорошего не сулило. Рабовладельческие государства античного мира использовали свои военно-технические и социальные преимущества для ограбления окружающих племен и народностей и систематического пополнения количества рабов. Без постоянных войн данный строй вообще существовать не мог. Ослабление античного рабовладельческого общества привело к тому, что оно не смогло устоять перед натиском варварских племен. Прокатилась волна варварских завоеваний, и в Европе наступило, по выражению Ф. Энгельса, «всеобщее одичание». Долгое время феодальной Европе приходилось отбиваться от нашествий кочевых племен с Востока. Но когда феодализм развился, создал высокую для своего времени военную технику (огнестрельное оружие), он использовал ее для завоеваний. Пожалуй, наиболее трагичным эпизодом феодальных завоеваний экономически менее развитых народов было безжалостное уничтожение конкистадорами культуры ацтеков, инков и майя. И наконец, капитализм с самого начала по отношению к народам, оставшимся на докапиталистических стадиях развития, выступил как сила, их порабащившая либо непосредственно политически (политика здесь обеспечивала устойчивое получение экономических выгод), либо экономически при сохранении странами формальной независимости.

Только социализм с самого начала провозгласил принцип фактического равенства наций и стал проводить политику выравнивания уровней развития всех народов, ускоренного развития регионов, отставших по тем или иным причинам в социально-экономи-

ческом отношении. В этом выразилась природа новой, неантагонистической формации.

В современном обществе главным аспектом межформационного взаимодействия является *принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем*. Его последовательное проведение предполагает борьбу за предотвращение новой мировой войны, утверждение отношений сотрудничества, разрядку международной напряженности. Важны также преодоление вековой технико-экономической отсталости и модернизация социальных структур в развивающихся странах. От решения сложнейших вопросов, которые в связи с этим возникают, как и от сохранения мира на планете, во многом зависит, как пойдет дальше история человечества.

Итак, *неравномерность исторического процесса и, как следствие этого, наличие межформационных взаимодействий в различные исторические эпохи выступают одним из основных факторов исторического многообразия*. Иначе говоря, пространственное разнообразие истории есть следствие ее неравномерного развития во времени.

До сих пор мы затрагивали преимущественно экономическую сторону вопроса. Но на одной и той же экономической основе (и в рамках, которые она задает) возможны самые разнообразные вариации однотипных обществ. И это зависит уже преимущественно от надстроечных факторов, от их конкретного соотношения, от особенностей традиций, культуры и т. д.

Исторический процесс есть результат взаимодействия самых различных и неравных по своей величине сил, среди которых экономика лишь в конечном счете пробивает себе дорогу как сила определяющая.

Мы рассматривали проблему факторов многообразия пока на довольно абстрактном уровне — на уровне меж- и внутриформационных взаимодействий. Категорией, отражающей сплетение всех взаимодействий в данных условиях места и времени и потому дающей выход к конкретно-историческому анализу действия факторов многообразия, является понятие *исторической среды*. Это — комплексное, синтетическое и вместе с тем конкретное понятие, познавательное значение которого в нашей философско-социологической литературе часто недооценивается. Порой оно даже рассматривается как устаревшее, принадлежащее прошлому. Но это неверно, ибо исторический материализм не отбрасывает понятие исторической среды, а дает ему научное истолкование как конкретной совокупности исторических взаимодействий в определенных условиях места и времени, зависящей в конечном счете от характера экономических отношений.

Каждый народ в своем развитии формирует определенную вну-

треннюю историческую среду, и, кроме того, он испытывает влияние внешней исторической среды. Совокупность внутренней и внешней среды в их взаимодействии и называют обычно конкретными историческими условиями. Все исторические события происходят в определенной исторической среде, и ее разнообразие есть одновременно и выражение, и источник многообразия истории.

Для судеб отдельных народов характер конкретных исторических взаимодействий имеет важное, а подчас и решающее значение. История показывает, что в результате таких взаимодействий целые народы были полностью, или почти полностью, истреблены (тасманийцы, аборигены Австралии и т. д.), гибли царства, культуры, покрывались песками ранее цветущие земли. Но без исторических взаимодействий невозможно и прогрессивное развитие, движение общества вперед. Рим, завоевав Грецию, воспринял ее культуру. Россия заимствовала у Византии христианство и тем самым приобщилась к ее культуре.

Дело этим не ограничивается. Взаимодействие народов, находящихся на разных уровнях, неоднократно служило в истории средством перехода всего общества на новую ступень развития. Ф. Энгельс, анализируя специфику рабовладельческого общества, показал, что оно сталкивается с неразрешимым для него противоречием, когда труд — основа существования любого общества — становится уделом раба, занятием, недостойным свободного человека. В силу этого противоречия рабовладельческое общество оказывается неспособным самостоятельно перейти к новому способу производства. Такой переход, согласно Энгельсу, оказывается возможным только там и тогда, где возникает стык двух процессов: процесса разложения рабовладения у одних народов и родового строя — у других, выступающих завоевателями. Такая «стыковая» историческая ситуация сложилась, когда германские племена, находившиеся на стадии разложения родового строя, завоевали Римскую империю. В рамках этого исторического взаимодействия Энгельс и рассматривает процесс возникновения феодализма в Западной Европе.

Историческая среда оказывает воздействие на *направленность* развития. Такого рода влияние было, очевидно, одной из причин того, почему разложение родового строя у славянских племен привело не к господству рабовладения, а через ряд переходных форм — к феодализму. Дело в том, что эти племена переходили к классовому обществу тогда, когда рабовладельческое общество уже исторически себя изжило и в Европе и Византии, составлявших внешнюю историческую среду для них, развивался феодализм.

Анализ исторической среды выступает необходимой предпосылкой перехода на новый уровень исследования, а именно *исследо-*

вания деятельности людей. Деятельность людей всегда протекает в определенной среде. Анализ истории в плане деятельности масс, классов, социальных групп и т. д. выявляет новую совокупность факторов ее многообразия, которое зависит не только от объективных взаимодействий конкретных условий, но и от активности социального субъекта. Сама эта активность определялась остротой объективных социальных коллизий и противоречий, динамикой развития производительных сил, интенсивностью социальных взаимодействий и т. д. Все эти обстоятельства, отражаясь в деятельности людей, стимулируя их активность, в то же время сами зависят от нее.

Мы не можем согласиться с теми авторами, которые все сводят к деятельности и под флагом критики «теории среды» абсолютизируют саму деятельность до отрицания значения объективных ее условий. Но в то же время мы против всякого отрыва условий от деятельности. Вне деятельности они перестают играть роль условий. Кроме того, деятельность не только зависит от условий, но и видоизменяет их, преобразует, и потому зависимость деятельности от условий не может быть понята как фатальная, жесткая, однозначная. Творческое начало в истории исходит от субъекта, и не только индивидуального, но и социального.

В буржуазной социальной философии распространены элитарные концепции, согласно которым только меньшинство, выдающиеся личности творят историю. Марксизм всегда вел борьбу с этими взглядами, какой бы конкретный облик они ни принимали. К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли сокрушительной критике младогегельянство за его противопоставление «критически мыслящей личности» как творческого начала истории инертной массе. Г. В. Плеханов и В. И. Ленин доказали несостоятельность народнической теории «героев» и «толпы». В марксистской литературе подвергнута критическому анализу элитаристская концепция О. Шпенглера, А. Тойнби и др., согласно которой развитие происходит благодаря творческой личности или творческому меньшинству общества, а культура существует и развивается, пока она воспроизводит творческое меньшинство. Когда же она перестает выполнять эту функцию, она, дескать, гибнет. Порочность этого взгляда, отрицающего роль масс в истории, в марксистской литературе полностью доказана.

На самом деле именно массы представляют собой творческую силу истории, а их деятельность и есть процесс исторического творчества. Примеров революционного творчества масс немало. Так, Советы возникли в нашей стране по инициативе масс как органы вооруженного восстания. Инициатива и активность масс породили социалистическое соревнование и его различные формы. Одно из величайших преимуществ социализма перед прежними

общественными формами состоит в том, что он, уничтожая социальные антагонизмы, создает условия, стимулирующие огромный рост социальной активности масс, и вырабатывает организационные формы, благодаря которым усиливается целенаправленность и действенность, результативность их творческой активности.

Но, конечно, дело не в отдельных примерах, а в том, что в самой деятельности масс, в борьбе классов, активности социальных групп рождается новое — то, чего нет в прошлом; и от интенсивности деятельности, от активности социального субъекта в решающей степени зависят и темпы исторического движения, и многообразие его форм. Поэтому можно с полным основанием сказать, что *объективные взаимодействия, разнообразие конкретных условий выступают в качестве факторов многообразия не сами по себе, а лишь в связи с деятельностью, а последняя, будучи творческим началом истории, выступает непосредственным источником ее многообразия.*

Отрицание марксизмом элитарной концепции «творческого меньшинства» вовсе не означает отрицания творческой роли великой личности и ее способности воздействовать на форму реализации общих законов истории. Личность накладывает отпечаток своей индивидуальности на ход событий и в этом смысле выступает в качестве одной из причин своеобразия развития народа, страны, целого региона. Мы здесь не затрагиваем вопрос о том, почему конкретная личность выделяется из общей массы. Нас интересует другое: почему она может оказывать заметное влияние на ход событий, почему в данном случае *индивидуальные действия оказываются социально значимыми.* Это объясняется тем, что идеи и решения выдающихся личностей, стоящих во главе масс, классов, партий, государств, армий и т. д., многократно усиливаются функционированием аппарата власти или действиями тех масс, во главе которых находится данная личность. В результате отдельная личность по силе своего воздействия на ход истории оказывается сравнимой с другими социальными силами, из взаимодействия которых и складывается конкретный исторический процесс. С учетом особенностей сферы деятельности сказанное можно отнести и к роли выдающихся ученых, писателей, изобретателей и т. д.

Влияние личности, следовательно, неотделимо от действий масс, с которыми она связана. Но связь эта диалектична. В принципе, чем активнее выступают массы, чем большую инициативу они проявляют сами, тем больше способна сделать и личность, стоящая во главе этих масс. Но такой тип влияния личности характерен для революционных периодов истории и для прогрессивных движений. Величайшая роль В. И. Ленина в истории неразрывно связана с активностью рабочего класса и трудящихся России в

эпоху революции. В ходе кубинской революции активность и инициатива небольшой группы революционеров во главе с Фиделем Кастро были порождены и поддержаны активностью самих масс, что и привело революцию к победе. И наоборот, революционная активность, самоотверженность и беззаветный героизм группы Че Гевары, не подкрепленные активностью масс, не дали ожидаемых политических и исторических результатов.

Другой тип связи личности и массы возникает тогда, когда пассивность масс дает возможность небольшому господствующему меньшинству и выдвигаемым им лидерам «творить историю», манипулируя массами по своему усмотрению. В данном случае личность также придает конкретной истории оттенок своеобразия. Это обстоятельство и используется сторонниками элитарных концепций для доказательства того, будто именно творческое меньшинство и отдельные выдающиеся личности делают историю. На самом деле такое влияние личности на ход истории означает лишь, что внутренние противоречия в данном обществе еще не достигли той степени остроты, чтобы поднять массы на борьбу, вызвать их собственную активность. Особенно очевидным это становится при династических войнах, дворцовых переворотах, военных путчах, верхушечных революциях, когда массы либо остаются безразличными к изменениям, либо еще не готовы к активным действиям.

Возможен и такой вариант социально значимой деятельности личности, когда она искусственно стимулирует активность масс, создает обстановку массовой истерии, направляя гнев или энтузиазм масс в нужную для нее сторону. Это тоже форма манипулирования массами, ибо в данном случае личность навязывает им чуждые интересы. Благоприятная почва для такого манипулирования создается там и тогда, где и когда личность обожествляется, если ее установки принимаются бездумно и отношение к ней характеризуется слепым и безоговорочным подчинением, короче, в обстановке культа личности. Развязанный Мао Цзэдуном шаш хунвейбинов, китайская «культурная революция» — яркая иллюстрация подобного взаимоотношения.

Таким образом, личность, индивидуальность — один из источников исторической инициативы, а следовательно, и своеобразия конкретной истории различных стран и народов.

Все перечисленные факторы многообразия истории позволяют конкретизировать принципы методологии исследования реальных процессов, объяснить в каждом конкретном случае, чем определяются особенности развития той или иной страны, народа, эпохи и т. д.

4. Методологическое значение диалектики единства и многообразия истории

Познание истории как единства многообразия дает возможность выработать методологические *принципы применения* теории марксизма-ленинизма к различным конкретным условиям. Умение связывать теорию с особенностями исторического развития страны, народа и т. д. есть непереносимое условие ее творческого использования, а следовательно, ее действительности, практической значимости, результативности. Диалектика единства и многообразия истории служит *методологическим основанием для установления связи социальной теории с практикой*. Теория марксизма отражает общее, существенное для разных конкретных условий, то есть прежде всего выявляет единство в многообразии. Но теория связана с практикой, развивающейся всегда в сфере особенного и единичного, лишь тогда, когда она отражает их специфику, а для этого ее необходимо применить к конкретным условиям. Поэтому В. И. Ленин, говоря о необходимости творческой разработки и творческого применения марксизма, выразил эту идею следующим образом. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни... Эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»¹.

Задача творческого применения марксизма к конкретным условиям всегда была в центре внимания марксистов, играла огромную роль в революционном рабочем движении. Не потеряла она своей исключительной актуальности и остроты для мирового коммунистического движения и в настоящее время.

Особенную остроту приобрел вопрос о так называемом «плюрализме марксизма». Выдвинутый ревизионистами, он выглядит прежде всего как реакция на догматическое представление о монизме марксистской теории, хотя в действительности направлен против подлинного марксизма. Ревизионизм — это всегда наказание за догматизм. Поэтому одновременно необходима борьба на два фронта и раскрытие гносеологических основ как той, так и другой извращающей марксизм позиции.

Догматизм повторяет формулы теории, но при этом допускает принципиальную ошибку: он не учитывает конкретных исторических условий, игнорирует специфику особенного и единичного.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 184.

Ревизионизм, казалось бы, исходит из действительности, но он видит лишь ее внешнюю сторону, игнорируя зафиксированное в общей теории существенное и необходимое (общие законы и т. д.). В результате и тот и другой отрываются от действительности, только в одном случае от ее проявлений, от особенного и единичного, а в другом — от глубинных тенденций, от ее сущности, от всеобщего. Искусство творческого применения теории в том и состоит, чтобы учитывать реальную диалектику общего и особенного и в мышлении не абсолютизировать ни общее, ни особенное, ни единство истории, ни ее многообразие.

Философско-социологическая проблема единства и многообразия истории возникла применительно к анализу всей человеческой истории и разрабатывалась на материале этой истории. Но методологические результаты ее разработки могут применяться не только в рамках истории в целом.

Проблема единства и многообразия важна прежде всего при анализе становления и развития той или иной общественно-экономической формации. Так, в исторической литературе широко обсуждается вопрос о разных путях генезиса феодализма и о внутренней типологии этой формации, ибо без разработки такой типологии ставится под сомнение сам факт ее существования. Своеобразие генезиса капитализма в различных странах также имеет весьма существенное значение и для понимания развития системы в целом, и для разработки стратегии и тактики рабочего движения, деятельности коммунистических партий.

В современную эпоху перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе вопрос о единстве и многообразии проявляется в различных аспектах и выступает важнейшей теоретической и насущнейшей практически-политической проблемой.

Практика поставила эту общую проблему в следующих трех основных аспектах:

- как проблему общего и особенного при переходе различных стран к социализму и его дальнейшем развитии;
- как проблему соотношения интернационального и национального в революционном рабочем движении;
- как проблему единства коммунистических партий и их самостоятельности в определении своей внутренней политики.

Рассмотрим эти вопросы.

Реально проблема общего и особенного при переходе различных стран к социализму встала в мировом коммунистическом движении как вопрос о соотношении общих закономерностей и особенных путей строительства социализма в различных странах. Опираясь на марксистско-ленинскую теорию и обобщая опыт строительства социализма, международное Совецание коммунистических и рабочих партий в Москве в 1957 г. сформулировало

эти общие закономерности, знание и творческое применение которых с учетом особенностей той или иной страны должно обеспечить успех социалистического строительства. Было также подтверждено и развито положение о возможности различных социально-политических форм перехода к социализму. Наряду с такими подтвержденными историческим опытом формами, как советы и народная демократия, возможно и использование парламента. В Декларации Совещания отмечается, что в современных условиях в ряде капиталистических стран, «опираясь на большинство народа и давая решительный отпор оппортунистическим элементам, не способным отказаться от политики соглашательства с капиталистами и помещиками, рабочий класс имеет возможность нанести поражение реакционным, антинародным силам, завоевать прочное большинство в парламенте, превратить парламент из орудия, служащего классовым интересам буржуазии, в орудие, служащее трудовому народу, разворачивать внепарламентскую широкую массовую борьбу, сломить сопротивление реакционных сил и создать необходимые условия для мирного осуществления социалистической революции»¹. Таким образом, марксизм-ленинизм признает и общие закономерности строительства социализма, и необходимость строго учитывать специфику различных стран, в движении которых реализуется процесс становления новой общественно-экономической формации. Выявление конкретной диалектики общего и особенного, единства и многообразия позволяет марксистско-ленинским партиям проводить правильную, научно обоснованную линию в социалистическом строительстве, отбрасывая как слепое следование готовым образцам без доскональной проверки того, подходят они или нет для иных условий, так и всевозможные попытки ревизионистов обособить друг от друга страны, строящие социализм, противопоставить их друг другу, навязать им некие национальные «марксизмы», особые национальные пути к социализму, свои «национальные модели» социализма.

Вопрос о различных «моделях» социализма всплыл в ревизионистской литературе как якобы констатация реального положения, сложившегося в мировом коммунизме. Ревизионисты спекулируют на том, что не только строительство, но и развитие социализма в той или иной стране имеет свои особенности, что в признании этого факта нет ничего противоречащего принципам марксизма-ленинизма, на том, что эта теория не только не отвергает, но и стимулирует разработку методов моделирования будущего. Действительно, предвидение, прогнозирование, планирование есть, по существу, различные способы моделирования будущего, и со-

¹ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1960, с. 24.

вершенствование методов экономического и социального моделирования является важной научной и практической задачей. Но идея «национальных моделей» социализма исходит не из науки. Ее смысл в отрицании социализма, теорию которого разработали Маркс, Энгельс и Ленин, который осуществлен в странах социалистического содружества. Она направлена на принижение международного значения опыта строительства социализма в СССР и на идейное оправдание ошибок и отступлений от марксизма-ленинизма со стороны маоистов, западноевропейских ревизионистов и т. д.

Обратимся теперь к проблеме соотношения национального и интернационального. Научный социализм с момента своего возникновения провозгласил принцип пролетарского интернационализма как важнейшую идейно-политическую, мировоззренческую и нравственную основу революционного рабочего движения. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — этот пламенный лозунг «Манифеста Коммунистической партии» призвал к солидарности, взаимопомощи, единству рабочих классов всего мира. Конечно, рабочие каждой страны борются в определенных национальных условиях и формах за революционное преобразование социальных отношений на своей родине. Но коренные национальные интересы пролетариата различных стран и их общие интересы борьбы против капитализма совпадают. Это означает, что пролетарский интернационализм вытекает из объективного положения пролетариата как класса, единства его интересов и исторических целей. И хотя в борьбе против капитализма он вынужден объединяться прежде всего в национальных рамках и в процессе строительства социализма выступает носителем и защитником подлинных национальных интересов, он рассматривает свою борьбу как решение интернациональной задачи освобождения рабочего класса, трудящихся всего мира. Это и диктует ему необходимость сплочения и солидарности с другими национальными отрядами рабочего класса. А по своим конечным целям рабочий класс — сторонник преодоления национальных различий и слияния всех народов и наций в единое человечество будущего.

Таким образом, пролетарский интернационализм как единое, объединяющее революционный рабочий класс начало не отвергает многообразия национально-особенного, национально-специфичного, а предполагает его и сочетается с ним. Следовательно, и здесь выступает социально-историческая диалектика единства и многообразия. Причем развитие мирового социализма и интернационализация общественной жизни ведут ко все более всесторонней победе принципов интернационализма, что наглядно обнаруживается уже в настоящее время. Возникнув как принцип классовой пролетарской солидарности, интернационализм затем стал

основой взаимоотношений народностей и наций Советского Союза, а с возникновением мирового социалистического содружества — и основным принципом отношений между входящими в него государствами.

Пролетарскому интернационализму противостоит буржуазный национализм. Распространение национализма в рабочем движении было всегда орудием разобщения его различных национальных отрядов, противопоставляемых друг другу, орудием его раскола. Как в прошлом, так и в настоящем национализм в рабочем движении выступает в разных обликах, но его существо и назначение остаются неизменными.

В период первой мировой войны правые социал-демократы встали на сторону своих буржуазных правительств и под флагом национализма изменили делу пролетарской солидарности. Это была измена интересам рабочего класса, которую В. И. Ленин заклеил в работе «Крах II Интернационала». В конце 50-х годов вновь под знаменем национализма была совершена измена делу рабочего класса со стороны маоистского руководства КПК, которое повело открытую линию на раскол международного коммунистического движения и мировой системы социализма. Националистической по своему существу является и ревизионистская попытка разделить марксистское учение на национальные и региональные «марксизмы», провозгласить плюрализм марксистской теории. Марксизм как социальная теория есть наука о законах общественного развития. Не может быть двух и более наук об одном и том же предмете: истина одна, и она объективна. Марксизм есть объективная истина, и это означает, как писал В. И. Ленин, что, лишь идя по пути марксизма, мы все больше будем приближаться к объективной истине, никогда не исчерпывая ее. Идя же по всякому иному пути, мы не придем ни к чему другому, кроме буржуазной путаницы и лжи. К этой путанице и лжи, играющей на руку буржуазии, приходят те, кто делит марксизм на «советский» и «китайский», «западный» и «восточный» и т. д.

Маоисты извратили и саму проблему творческого применения марксизма, встав на путь абсолютизации своего национального опыта и пытаясь навязать его другим народам как якобы применимый в глобальных масштабах. Но такой подход чужд духу ленинизма. В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин специально предупреждал против абсолютизации опыта какой-либо одной, в том числе и российской, революции. Он учил различать, что в ней имеет международное значение и может быть использовано рабочим классом других стран и что обусловлено специфическими обстоятельствами страны. Иначе говоря, *использование опыта есть выделение общего в особенном и его применение с учетом иных особенных условий.* Когда же особен-

ное искусственно пытаются превратить во всеобщее, то это типичный прием навязывания своекорыстных интересов всему обществу, который широко использовала и использует буржуазия, прием, разоблаченный еще К. Марксом и Ф. Энгельсом. Поскольку линия китайских руководителей на навязывание коммунистическим партиям гегемонистских шовинистических устремлений не получила поддержки в международном коммунистическом движении, китайские руководители стали ориентироваться на его раскол. В связи с этим борьба с маоизмом превратилась в одну из серьезных задач мирового коммунизма.

Сила коммунистического движения — в его единстве, которое складывается на идейной и организационной основе марксизма-ленинизма. Это единство живое, подвижное, динамичное, ибо оно не дано раз и навсегда, за него постоянно надо бороться, его надо отстаивать. И история коммунистического движения с самого начала, с момента возникновения ленинской партии нового типа, была и борьбой за единство на принципиальной идейной основе. Проследивая историю коммунистического движения, нельзя не обратить внимание на интересную закономерность: на каждом новом этапе его развития, с увеличением численности коммунистических партий и ростом их рядов, с накоплением каждой из этих партий собственного опыта борьбы единство коммунистического движения *во все большей степени выступает как единство многообразия*. Многообразие выражается в специфике партийных программ, политики, тактики и т. д. при единстве в основном, главном — целях, принципах, интересах. Это один из существенных показателей усиления коммунистического движения, поскольку свидетельствует о применении марксизма-ленинизма ко все более многообразным конкретным условиям и выработке специфической линии борьбы, отвечающей таким условиям.

Процесс этот не завершен, ибо к научному коммунизму приходят все новые отряды освободительного движения, меняется обстановка борьбы и т. д. И он отнюдь не безболезнен. Правильно разобраться в сложной внутренней и внешней обстановке, осмыслить ее с теоретических позиций и выработать оптимальную практически-политическую линию — задача творческая и весьма сложная. Кроме того, коммунистические партии развиваются не в вакууме, а испытывают на себе мелкобуржуазные, националистические и т. п. влияния. Поэтому в некоторых партиях связь национальных интересов с интернациональными получает различные оценки, возникают противоречия, а иногда и конфликтные ситуации.

В связи с этими объективными тенденциями задача сохранения и укрепления единства коммунистического движения вызывает необходимость выработки, во-первых, форм и методов согла-

сования взглядов и политических линий его звеньев с учетом того, что каждая партия независима и самостоятельна в определении своей политики, а также с учетом общих интересов коммунистического движения на данном этапе; во-вторых, механизмов разрешения возникающих противоречий на идейной основе интернационализма. Эту задачу и выполняют ныне международные и региональные совещания коммунистических партий, взаимные консультации, встречи руководителей, теоретические дискуссии и обсуждения, контакты для ознакомления с опытом работы и т. д.

Основой единства всего коммунистического движения является единство стран мирового социалистического содружества и стоящих во главе них партий. Политика нашей партии направлена на всемерное укрепление единства как стран мировой системы социализма, так и всего международного коммунистического движения. И эта политика отвечает интересам социального прогресса, интересам трудящихся всего мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выделение трех аспектов исследования исторического процесса, которые для краткости можно обозначить как *естественноисторический, деятельностный и гуманистический (личностный)*, позволяет выявить заложенные в историческом материализме методологические принципы, открывающие путь познанию истории *как со стороны ее единства, так и многообразия*. Причем все это аспекты *единой научной методологии* социально-философского познания исторической реальности. *Объективно-системный подход* позволяет понять развитие общества как закономерный естественноисторический процесс; *субъективно-деятельностный* — как процесс и результат человеческой активности; *гуманистически-личностный* — как выявление человеческого смысла истории. При любом из этих подходов общество рассматривается как *целостное образование*. Поэтому важно не только различать эти аспекты, но и видеть их внутреннюю взаимосвязь. Картина общества будет неполной, если его исследовать лишь в одном каком-либо аспекте, изолированном и оторванном от других. Только взятые в их единстве и взаимосвязи, они обеспечивают не однолинейный, а *комплексный, многосторонний* подход к изучению реальной истории, в котором выделяются и сочетаются различные по своему характеру группы методологических проблем.

Различение и взаимодействие отмеченных трех аспектов позволяют более последовательно и систематически провести принципы материалистического монизма не только при анализе общества как объективно развивающейся системы, но и при исследовании сознательной деятельности людей, развития личности в истории, выявлении ее гуманистического смысла и т. д.

Наконец, такая позиция задает концептуальную основу, позволяющую рассматривать категориальный аппарат исторического материализма как охватывающий общество в различных ипостасях, в которых оно реально выступает перед познающим субъектом. И их совокупность открывает в методологическом отношении возможность всестороннего анализа исторического процесса. При этом, конечно, недопустима абсолютизация какого-либо из этих аспектов исследования, ибо все они характеризуют с разных сторон одно и то же общество и его историю.

Абсолютизация первого аспекта путем отрицания значения и роли социального субъекта ведет к фаталистическому взгляду на историю, превращая человека в марионетку неких внешних сил, ведет к вульгарному социологизму. При абсолютизации второго аспекта исторический процесс предстает как результат ничем не обусловленной воли действующего субъекта, независимо от того, выступает ли в этом качестве обладающая мощью великая личность или масса, беспрекословно и бездумно следующая указаниям свыше или движимая, как это трагично проявилось в Китае, иллюзорными посулами за несколько лет упорного труда получить десять тысяч лет счастья. Следовательно, абсолютизация деятельностного аспекта является гносеологическим источником волюнтаризма и индетерминизма. Попытки абсолютизировать третий аспект неизбежно навязывают истории провиденциализм — представление о том, будто в ней с самого начала заложена некая цель, на осуществление которой направлено ее движение.

Таким образом, различение трех аспектов анализа общества усиливает позиции исторического материализма в борьбе с различными идеалистическими и вульгарно-метафизическими интерпретациями исторического процесса, отчетливо выявляя их гносеологические корни.

Подчеркивая *единство и взаимосвязь* отмеченных аспектов научной методологии социального познания, нельзя вместе с тем не видеть и их *соподчинение, их иерархию*. Поскольку общество в каждом из трех аспектов его анализа рассматривается как некая целостность, может возникнуть иллюзия, будто последовательность исследовательских подходов не имеет значения. На самом деле это не так, о чем свидетельствуют хотя бы те многочисленные морализирующие доктрины, которые пытаются заменить объективное научное экономическое обоснование социализма апелляцией к гуманистическому смыслу истории. Установление иерархии исследовательских аспектов позволяет четко обосновать ту мысль, что только на основе выявления естественноисторического характера общественного развития, подчиненного объективным, не зависящим от воли и сознания людей законам, могут затем быть раскрыты и качественное отличие действия общественных законов от законов природы, и сама возможность вступления общества в такую фазу развития, когда люди смогут в полной мере проявлять и реализовывать свою родовую сущность.

Сначала объективные законы истории. Потом и на этой основе деятельность людей и проблемы их приобщения к реализации законов и объективных материальных потребностей общественного развития. А в итоге не объективистское описание истории, а подчинение ее познания задачам революционного преобразования действительности в интересах человека, то есть сознательная реали-

зация человеческих потенций исторического процесса, приобретающего тем самым гуманистический смысл.

Таким образом, методология исторического материализма выявляет себя как *многоплановая и комплексная*. Именно это ее качество позволяет историческому материализму служить руководством к познанию социальной действительности всеми общественными науками, начиная от экономической науки и кончая историей и другими социально-гуманитарными дисциплинами, быть одновременно и социальной философией, и общесоциологической теорией марксизма.

Единство трех методологических аспектов объективно обусловлено самим обществом. Отсюда следует, что вычленение различных аспектов методологии есть не искусственная конструкция, а метод исследования, при котором сам его объект разворачивается в богатстве своих определений. Методологически правильное отображение этой объективной многомерности общества устраняет антиномию структурализма и антропологизма.

К. Леви-Стросс и его последователи, разрабатывая методы исследования объективных социальных и духовных структур, абсолютизируют структурный подход, обезличивают человека, превращая его в простой элемент этих структур. Напротив, антропологизм (экзистенциалистского толка и др.), фиксируя значение индивидуальности, паразитирует на специфически человеческих проблемах. Пытаясь их осмыслить с абстрактно-гуманистических позиций, он метафизически раздувает другую сторону социально-философской проблематики, отвлекаясь от вопроса об объективной обусловленности человеческой деятельности и развития личности. Диалектическая методология исторического материализма позволяет не только вскрыть односторонность и недостаточность обоих этих подходов в их отрыве друг от друга, но и сочетать их, критически преобразовав, как полюсы единой методологии, где оба аспекта исследования берутся в органическом единстве и потому приобретают новое качество. С точки зрения этой методологии выглядят совершенно нелепыми попытки перенести в марксизм противоположность сциентизма и антропологизма, противопоставить раннего Маркса-гуманиста позднему — «сциентисту».

Объективно обусловленное единство трех методологических аспектов автоматически не реализуется. Здесь требуется *активность познающего субъекта* как в творческом применении материалистического понимания истории, так и в дальнейшей разработке его фундаментальных теоретико-методологических проблем. Хочется надеяться, что выраженная в данной монографии точка зрения открывает в этом отношении определенные перспективы. И если именно так книга будет воспринята и оценена читателем, авторы могут считать, что их труд достиг цели.

О СПЕЦИФИКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ (Философско-социологическое введение)	3
1. Общество как объект познания	—
2. Общественное познание и эталон научности	15
3. Философские предпосылки социального познания	35
Раздел первый. ТРИ АСПЕКТА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ	60
Глава I. Развитие общества как естественноисторический процесс	63
1. От материальности природы к материальности общественной жизни	—
2. Категория общественно-экономической формации: генезис и трактовка	73
3. Категория общественно-экономической формации: содержание и структура	84
4. Об основной детерминанте общественного развития	98
5. Логика мировой истории и реальный исторический процесс. Некоторые соображения о соотношении логического и исторического	109
Глава II. Развитие общества как результат деятельности людей	118
1. Постановка вопроса	—
2. Сведение индивидуального к социальному	122
3. Механизм действия социальных законов. Объективная детерминация деятельности и роль субъективного фактора	128
4. Движущие силы исторического процесса	142
5. Детерминизм и свобода. Коммунистическая революция как изменение характера деятельности	149
Глава III. Общественная история людей как история их индивидуального развития	161
1. Место проблемы в методологии анализа исторического процесса	—
2. Исторические типы социальности и развитие индивида	163
3. Переход от социального к индивидуальному. Деятельность человека и механизмы ее детерминации	178
4. Образ жизни как проявление социального в индивидуальном	191

Раздел второй. МНОГООБРАЗИЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ	200
Глава I. Общество и природа	201
1. Исторические этапы взаимодействия общества и природы	203
2. Природные предпосылки многообразия истории	220
Глава II. Общество и культура	225
1. Значение проблемы культуры в современных условиях	—
2. К истории разработки теоретических проблем культуры	228
3. Культура как категория исторического материализма	234
4. Единство истории и многообразие культур	247
5. Культурная революция	253
Глава III. Единство и многообразие исторического процесса	258
1. Проблема единства и многообразия истории в домарксистской философии	—
2. Единство исторического процесса	261
3. Многообразие исторического процесса	267
4. Методологическое значение диалектики единства и многообразия истории	277
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	284

*Владислав Жанович Келле,
Матвей Яковлевич Ковальзон*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

(Проблемы теории
исторического процесса)

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*
Редакторы *Э. В. Безчеревных* и *М. А. Лебедева*
Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова* и *Е. С. Молчанова*
Художник *Н. П. Пешков*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 1660

Сдано в набор 05.12.80. Подписано в печать 13.03.81. А00033. Формат 60 × 84^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 16,74. Учетно-изд. л. 19,13. Тираж 25 тыс. экз. Заказ № 749.
Цена 1 р. 40 к.

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47, Мясусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

1 р. 40 к.

ПОЛИТИЗДАТ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

В. Ж. КЕЛЛЕ, М. Я. КОВАЛЬЗОН